

КОНФЕРЕНЦИЯ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ И НАЧАЛЬНОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ»
(К 100-ЛЕТИЮ КНИГИ А. А. ШАХМАТОВА «РАЗЫСКАНИЯ О ДРЕВНЕЙШИХ
РУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДАХ»)
(Москва, 22–25 октября 2008 г.).

Конференция проводится в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» (Проект «Раннее восточнославянское летописание в контексте европейской культурной традиции»), при поддержке РГНФ (проект № 08-01-14054Г).

Организации-устроители:

Институт славяноведения РАН (Центр славяно-германских исследований),
Российский государственный гуманитарный университет (Институт высших гуманитарных исследований),
Научный журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики».

С. Н. Азбелев (Санкт-Петербург)

ЛЕТОПИСЬ ИОАКИМА КОРСУНЯНИНА В КОНЦЕПЦИИ А. А. ШАХМАТОВА

А. А. Шахматов не раз высказывался в том смысле, что епископ Иоаким Корсунянин был инициатором составления древнейшей летописи Новгорода. В 1900 г. А. А. Шахматов писал: «Вчитываясь внимательно в изданную Татищевым Иоакимову летопись, мы приходим к следующему выводу: рассказ о крещении Новгорода содержит черты, обличающие современника; некоторые части его могут принадлежать первому епископу новгородскому Иоакиму. Это обстоятельство дает нам основание предположить, что древнейшее летописание новгородское восходит ко временам Иоакима». Приведя еще ряд аргументов, А. А. Шахматов продолжал: «...я решаюсь предположить, что Иоакимова летопись дошла до нас в том своде, который предшествует Новгородской 1-й летописи и который по его древности можно назвать “Начальным сводом”. Епископ Иоаким скончался в 1030 г.: это обстоятельство указывает нам тот объем, который могла иметь первоначальная Иоакимовская летопись». Она «соединяла материал новгородского происхождения с киевским». Как пишет далее А. А. Шахматов, «Епископ Иоаким в основание своего свода положил письменный источник: рассказ киевский о первых князьях русских, рассказ, изложенный в известной части без всяких хронологических данных»¹.

¹ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ноябрь. С. 183, 184, 185.

В последовавших работах А. А. Шахматова концепция его обогатилась новыми звеньями, выяснилось, что Начальному своду предшествовал Древнейший киевский свод, причем составлен он был в 1039 г., а Начальный — в 1093 г.; между ними А. А. Шахматов помещал Новгородский свод 1050 г. Среди источников его была летопись епископа Иоакима, продолженная до 1036 г. и опосредованная сводом 1039 г. Рассматривая предположительный состав свода 1050 г., А. А. Шахматов резюмировал: «Предыдущее исследование приводит меня к следующему заключению. В 1017 году новгородские власти во главе с посадником и епископом решили вписать Правду новгородскую (как, по-видимому, называлась Ярославова грамота) в летопись; исполнение этого решения принял на себя епископ Иоаким. Так возникла первая Новгородская летопись». Восстановлением ее текста А. А. Шахматов не занимался, но, давая гипотетический текст Новгородского свода 1050 г., он включил в него слова «посадиша стареишину Гостомысла» — на основе летописей XV в., поясняя: «Находим неизбежным возвести это известие к своду XI века и предполагаем, что оно читалось в нем в рассказе о древнейшем моменте истории Новгорода». Пересказанный Татищевым текст Иоакимовской летописи древнейший момент истории Новгорода излагает пространнее, чем реконструированный А. А. Шахматовым свод 1050 г., причем центральной является именно фигура Гостомысла. Новгородский же свод 1050 г. непосредственно основан был уже не на своде Иоакима, а на недавнем киевском своде 1039 г., поскольку последний был в сущности официальным летописным сводом русской митрополии. Этим объясняется то обстоятельство, что восходящая к Новгородскому своду 1050 г. древнейшая летопись Новгорода, которая дошла до нас, — Новгородская первая — не связана текстуально с теми фрагментами летописи Иоакимовской, какие сообщил Татищев, пересказывая бывшую у него в руках позднюю ее обработку. Как писал в свое время А. А. Шахматов: «В 1050 году окончена строением и освящена церковь св. Софии в Новгороде. В ознаменование этого события строители храма, князь Владимир и епископ Лука, решили озаботиться составлением летописного свода. В основание древнего Новгородского свода был положен Древнейший Киевский свод... Другим источником послужила Новгородская летопись 1036 года... Сначала сводчик прибег к компилированию своего новгородского источника с киевским (события до 1017 года); но потом передал текст новгородского источника отдельно, поместив его вслед за упомянутым кратким извлечением из Древнейшего свода (события после 1017 включительно до 1036 года). Рассказ о событиях после 1037-го и до 1050-го года включительно составлен сводчиком самостоятельно на основании расспросов и припоминаний». При этом А. А. Шахматов отмечал, что из новгородской летописи 1036 г. был взят текст «1015 и следующих годов», а также «крещение Новгорода». Текст 1015–1017 г., каким он предположительно читался в летописи епископа Иоакима, А. А. Шахматов привел в своих «дополнительных примечаниях». Поздний список этой летописи, полученный Татищевым, обрывается раньше, поэтому материала для сопоставления не дает. Что же касается крещения Новгорода, то подробное повествование о нем Иоакимовской летописи, достоверность которого сравнительно недавно подтверждена археологически, в 1050 г. уже потеряло свою актуальность и было заменено кратким известием: «Приде Новугороду епископъ Иоакимъ Кърсунянинъ и требища раздруши и кумиры посече»².

Внимательное обращение к трудам А. А. Шахматова убеждает в том, что первоначальный текст Иоакимовской летописи мыслился А. А. Шахматовым как наиболее ранний этап новгородского летописания, а составленный Иоакимом Корсунянином летописный свод — как текст, предшествовавший тому киевскому своду, который А. А. Шахматов назвал «Древнейшим».

² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 508, 611, 213, 530, 620, 660–661, 616.

Т. В. Анисимова (Москва)

КРАТКАЯ ПАЛЕЯ ОСОБОЙ РЕДАКЦИИ ИЛИ ХРОНОГРАФ ПО ВЕЛИКОМУ ИЗЛОЖЕНИЮ?

Краткая хронографическая палея (далее — Кп), наряду с близким ей по составу памятником — Полной хронографической палеей (далее — Пп), занимает одно из ключевых мест в реконструкции раннего этапа становления древнерусской хронографии, в частности не дошедшего до нас памятника — Хронографа по великому изложению (далее — Хр. по ВИ), в основе которого лежала сокращенная версия славяно-русского перевода Хроники Георгия Амартола (далее — ХГА), дополненная некоторыми другими источниками, в частности библейскими. Это обеспечило Краткой палее особое внимание в трудах В. М. Истрина, А. А. Шахматова, О. В. Творогова. В настоящее время Е. Г. Водолазкин осуществляет и критическое издание ее текста по шести известным спискам.

Рассматривая взаимоотношения между Троицким хронографом (далее — Тр), Полной и Краткой хронографическими палеями и Еллинским летописцем второй редакции (далее — Ел-2), О. В. Творогов пришел к выводу о существовании трех видов Хр. по ВИ. Первый вид отразился в Начальном летописании 90-х годов XI в.; ко второму восходит Тр и архетип третьего вида Хр. по ВИ; последний отразился в Кп, Пп и Ел-2. В Хр. по ВИ второго вида помимо ХГА использованы фрагменты VII книги Хроники Иоанна Малалы, апокриф о Пилате, Книга пророка Даниила с толкованиями Ипполита, Книга пророка Иеремии, Сказание о Софии Цареградской, Житие Константина и Елены, «Александрия» второй редакции и некоторые другие памятники. В третьем виде Хр. по ВИ появляются «абсолютные даты» (указания на годы от сотворения мира) и перечни святых и мучеников.

Большинство перечисленных особенностей Хр. по ВИ второго и третьего видов не нашли отражения в обнаруженном в 2004 г. седьмом списке Кп, читающемся в составе старообрядческого Сборника энциклопедического 1691 г., приобретенного НИО рукописей РГБ у Бурочкина Александра Викторовича и происходящего из г. Владимира: РГБ. Ф. 895 (Владимирское собр.). № 36 (далее — Кп 1691 г.).

Читающийся в Сборнике список Краткой палеи начинается с хронографической ее части: «По Соломонѣ же царствова Ровоамъ, сынъ его, лѣтъ 17. При томъ разделися царство надвое...». Эта часть Кп представлена в рукописи в полном виде, заканчиваясь перечнем византийских царей, правящих после Романа Лакапина (древнерусское произведение, известное под названием «Царие, царствующие в Константине граде, православнии же и еретици»). Далее без каких-либо указаний следуют выписки из первой (библейской) части Кп, текст которых в большинстве случаев находит соответствие с Толковой палеей. Хронологически вторая половина Кп 1691 г. охватывает период от сотворения мира до царства Соломона, смыкаясь, таким образом, с ее началом.

Заголовок в Кп 1691 г. отсутствует; его компенсируют колонтитулы на верхних полях листов: «Книга Палея». Изучение текста показало, что список действительно представляет собой Краткую палею, но — особой редакции, что ярко проявляется при сопоставлении статей памятника с Кп, Пп и Тр.

О том, что Кп 1691 г. действительно представляет собой Краткую палею, свидетельствуют прежде всего характерные только для Кп извлечения из ХГА, начинающие собой ее хронографическую часть, и некоторые вставки (по отношению к ХГА), общие для Кп и Кп 1691 г.

Индивидуальные отличия Кп 1691 г. проявляются на уровне использования текста ХГА в более расширенных по сравнению с Кп, Пп и Тр пределах, в отсутствии в Кп 1691 г. заголовков к началу царствий, хронологических указаний на годы от сотворения мира, прибавлений к ХГА в виде исторических комментариев и сведений о святых, мучениках и церковных деятелях. Не читаются в Кп 1691 г. и многочисленные вставки из Хроники Иоанна Малалы, заменившие и дополнившие в Пп, Кп и Тр часть фрагментов ХГА, а также использованный в них апокриф о Пилате, Книга пророка Даниила с толкованиями Ипполита, папы Римского, Книга пророка Иеремии, Сказание о Софии Цареградской, Житие Константина и Елены, «Александрия» второй редакции.

Таким образом, в Кп 1691 г. не отразились важнейшие редакционные изменения, привнесенные в Хр. по ВИ на этапе формирования текстов Тр, Кп и Пп. Что касается конвоя Хр. по ВИ, то в Кп

1691 г. из него вошли лишь некоторые общие с Пп фрагменты Книги пророка Исаии. Следовательно, архетип Кп 1691 г. в своей хронографической части обращался к памятнику, близкому к общему источнику Кп, Пп и Тр.

Редакция ХГА, представленная в Кп 1691 г., соответствует, по классификации О. В. Творогова, *хронографической*. Однако на фоне характерных для этой редакции первичных и вторичных чтений в Кп 1691 г. читаются также и отдельные вторичные чтения так называемой *первой* редакции: лицевого пергаменного списка ХГА первой трети XIV в. — Троицкого¹. Эта особенность также сближает редакцию ХГА в Кп 1691 г. с единственным известным списком хронографической редакции ХГА — Кирилло-Белозерским третьей четверти XV в.²

Хотя библейская часть Кп 1691 г. представлена в виде выборки, состав его хронографического раздела, несомненно, заслуживает доверия. На протяжении всего текста Кп 1691 г. писцы (два, писавшие поочередно) чрезвычайно бережно относились к своему оригиналу, сохраняя древние написания слов и практически не допуская сокращений. В связи с этим нельзя не отметить два больших тематических (а не механических!) пропусков в Кп 1691 г.: первый пропуск соответствует фр. 255–275 Пп-Кп, фр. 144–158 Тр³ — с рассказом о первом Вселенском соборе и незаслуженных обвинениях Константина в арианстве; второй (после сообщения в Кп 1691 г. о начале царствия сына Константина Великого Констанция, который «по умертвii отчи во арианскую ересь впадъ») — фр. 277–283 Пп-Кп, фр. 160–166 Тр⁴ с рассказом о кончине Ария и о продолжавшихся церковных спорах по поводу арианства. Оба исключения выглядят следствием церковной цензуры, а восполнение их в Кп-Пп и в Тр — более поздней вставкой, поскольку ее автор использовал цитаты ХГА в несвойственной для Кп 1691 г. манере — путем мелких выборок, расположенных в «обратном» для Хроники порядке.

Открывающаяся возможность сопоставления Кп 1691 г. с ПВЛ показывает, что среди выявленных в ПВЛ 27 параллелей к ХГА в Кп 1691 г. находит явные параллели лишь одна — указанный О. В. Твороговым пассаж о знаменьях, помещенный в ПВЛ под 1065 г. (№ 25), который, бесспорно, восходит не к полному тексту Хроники, а к ее переработке в Хр. по ВИ⁵. За исключением одной части этого фрагмента (соответствующей Ам 428.20–26), остальные четыре цитаты из ХГА читаются и в Кп 1691 г. Текстологическое сопоставление указанных 4 извлечений из ХГА с Кп 1691 г., ПВЛ и Хр. по ВИ второго вида (отразившегося в Тр) дало следующие результаты. Все три памятника, несомненно, восходят к общему хронографическому источнику — Хр. по ВИ, о чем свидетельствуют их многочисленные общие вторичные чтения и ряд пропусков. В то же время каждый из них имеет индивидуальные первичные чтения, противопоставленные вторичным в остальных двух (иногда — общим для последних), что говорит о независимом восхождении данного фрагмента ПВЛ к некоторой разновидности Хр. по ВИ, к которой, в свою очередь, восходят Кп 1691 г. и общий источник Кп, Пп и Тр. Примечательно, что рассмотренная параллель к ХГА, читающаяся в ПВЛ под 1065 г., вошла в Повесть путем заимствования из Начального летописного свода.

Подводя итоги, можно констатировать, что архетип Кп 1691 г. представлял собой памятник, до некоторой степени сходный с Краткой палеей, но восходящий при этом к Хронографу по великому изложению *ранней разновидности*. К последнему, в свою очередь, через посредство Хр. по ВИ второго и третьего видов восходят Троицкий хронограф, Полная и Краткая хронографические палеи.

¹ РГБ. Ф. 173/1 (МДА). № 100.

² РНБ. Кирилло-Белозерск. собр. № 7/1084.

³ Нумерация фрагментов приводится по изд. состава хронографических Палей О. В. Твороговым (*Творогов О. В. Древнерусские хронографы*. Л., 1975. С. 239–274). Включают, помимо вставок, фрагменты ХГА: Ам 340.28–343.13; 344.11; 343.18–19, 20–22; 344.13–15; 344.10–11; 343.22–344.1, 4–8, 15–31; 345.2–3; 352.19–21, 21–25; 353.4–7.

⁴ Включают фрагменты ХГА: Ам 357.5–358.13, 15–18, 21–24, 26–28.

⁵ *Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 101, 108.*

В. Ю. Аристов (Киев, Украина)

ОТРАЖЕНИЕ РАБОТЫ ДВУХ СВОДЧИКОВ 10-х ГОДОВ XII в. В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Проблема вычленения в тексте ПВЛ нескольких «слоев», отражающих предшествующее летописание, существует давно. С ней связана и проблема определения объема текста/сюжетов, связанных с авторами каждого из слоев. Сейчас можно говорить о длинной цепи исследований, восходящих к А. А. Шахматову, которые развивали, уточняли и/или пересматривали выводы ученого. Говоря очень упрощенно, основные нынешние взгляды на проблему предусматривают существование в развитии летописания периода с 70-х годов XI в. до 10-х годов XII в. двух главных этапов. Не считая «свод Никона», это Начальный свод (между 1091 и 1096 г.) и ПВЛ. Оставляя в стороне вопросы соотношения этих двух этапов и количества редакций ПВЛ, отметим, что на данный момент накопилось достаточно, на наш взгляд, рациональных выводов и наблюдений, нуждающихся в синтезе и приведении к общему знаменателю. В то же время некоторые положения требуют пересмотра. Настоящая работа как раз имеет целью предложить некоторые пути такого пересмотра и синтеза.

Очертим тезисно наши предложения. Представляется, что за период с 70-х годов XI в. до 10-х годов XII в. имеется три летописных слоя. Первый — это краткие погодные записи — печерское погодное летописание. Остальные два состоят в основном из пространных рассуждений и рассказов (с использованием крупных цитат из греческих переводных и библейских текстов), объединенных сходными темами. Эти слои таковы: «свод» Печерского летописания (Печерская начальная летопись, ПНЛ) ок. 1111 г. и собственно ПВЛ, составленная Сильвестром не ранее 1116 г.

Наша характеристика последнего слоя опирается во многом на исследование Т. Л. Вилкул, показавшей единственность привлечения Хроники Амартола и принадлежность одному автору некоторых статей ПВЛ (в частности, космографического «Введения», статей 1065, 1114 г.) вплоть до 1114 г. Т. е. ПВЛ была написана после 1114 г. Поэтому мы не принимаем мнения о двух редакциях ПВЛ: печерской, зачастую приписываемой Нестору (между 1111 и 1115 г.), и сильвестровской 1116 г.

Заметим, что не считаем возможным говорить о редакции 1118 г., солидаризуясь с В. М. Истриным, О. В. Твороговым и Л. Мюллером. Дата 1118 г. основана на предубеждении, что поездка автора «северных рассказов» 1096 и 1114 г. в Новгород и Ладогу состоялась именно в 1114 г., откуда отсчитывают «4 лета преже сих». Но в тексте поездки на север приурочена автором лишь ко времени «при князе Мстиславе», и сам мотив поездки никак не связан со строительством града Ладоги в 1114 г. Возможно, под этим годом, «воспользовавшись случаем» упоминания Ладоги¹, автор вставил свой рассказ. Мы склонны связывать «северные рассказы» с Сильвестром, а его поездку датировать действительно за «4 лета преже сих» — 1112 (1113) г. Исходная точка здесь — запись Сильвестра, выдубицкого автора, 1116 г. о написании «Летописца».

Возможная принадлежность автора к «Выдубичам» фиксируется еще лишь в одном месте — его ремарка разрывает стройный текст 1096 г. о нападении Боняка на монастыри: «тогда же зажгоша дворъ красныи егоже поставиль благоверный князь Всеволодъ на холму нарицаемемъ Выдобычи. то все оканнии Половци запалиша огнемъ». Характеристика Всеволода «благоверный князь» встречается только в некрологе 1093 г. и выдает автора, лояльного Мономаху и его отцу (им и мог быть выдубицкий автор, Сильвестр). Во всяком случае, этот автор не идентичен печерскому, который был лоялен Святополку (см., например, статью под 1107 г.). «Некролог» 1093 г. связан со статьями 1054, 1073, 1078, 1097 (в рамках условно называемой «Повести об ослеплении Василька»), 1015, 980 г. Ключевые понятия и темы, развиваемые в статьях, таковы: любовь отца-князя к одному из сыновей (Всеволод, Борис), «распри и которы», идея «земли дед и отец наших» (данный мотив имеет аналогию в письме Мономаха Олегу Святославичу и встречается в «словах Мономаха» статьи 1097 г.), «жребий братень» и некоторые другие. Кроме того, этот автор особенно часто использует понятие «лести» (в тех же статьях), что можно объяснить влиянием Хроники Амартола, где в некоторых местах (например, сюжеты про Авраама) данное понятие

¹ Единственного в ПВЛ, не считая «ладожской» версии истории Рюрика, вероятно, вставленной тем же автором.

встречается очень часто. Это и некоторые другие черты в сообщениях от второй половины XI в. имеют четкие параллели в сообщениях за X в. и ранее, что дает возможность отождествлять «промономаховского» автора с тем, который делал вставки из Амартола на всем протяжении текста ПВЛ.

ПВЛ предшествовала Печерская летопись. Ее автор свел воедино погодные печерские записи и предыдущее летописание (как минимум с 1024 г.). Характерные темы, выдающие руку этого одного автора, такие: «казни Божьи» и нашествие иноплемеников «за грехи наши», противостояние христианства и язычества. Например, тема «казней» предстает в характерных фразах типа «казнить Бгъ смертью ли гладомъ ли наведенъемъ поганыхъ ли ведромъ ли гусеницею ли инеми казньми» или «грех же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганяя иноплеменикы»; структурно почти идентичные, они присутствуют на протяжении 1024–1111 г., выражая одну идею, и, очевидно, написаны одним человеком. В частях текста, которые мы приписываем выдубецкому автору, тема «казней» / иноплемеников относительно неразвита (или вообще отсутствует).

Важной темой печерского автора являлась история Печерского монастыря. Он вставил в летопись рассказы о «начале» монастыря, смерти Феодосия и изнесении его мощей в 1091 г. Информатором именно этого автора был Янь Вышатич. Характерно, что в рассказах, восходящих к Яню, присутствуют указанные выше темы (например, 1024 и 1071 г.) — это доказывает нашу характеристику автора.

Алан Тимберлейк сделал наблюдения, во многом сходные с нашими (в свою очередь, принимая аргументы М. Х. Алешковского). Однако исследователь считает «печерского автора», развивавшего указанные выше темы (кроме истории монастыря), составителем Начального свода. К этому же слою он относит продолжение записей примерно до 1109–1112 г. Следующим этапом стало написание ПВЛ (в единственной редакции, тоже печерским, но другим автором) между 1113 и 1116 г.² Мы, напротив, предполагаем отсутствие свода 90-х годов XI в. В то же время, склоняясь к существованию единственного печерского (по крайней мере, точно идентифицируемого как такового) «свода», предшествующего ПВЛ, приурочиваем его написание ко времени до смерти Святополка.

В целом, рука печерского сводчика прослеживается нами в статьях 1024, 1043, 1051, 1060, 1068 (в нескольких местах), 1071, 1074, 1086, 1089, 1091, 1092, 1093, 1094, 1096, 1102, 1103, 1106, 1107, 1108, 1110–1111 г. В последних статьях разворачивается счастливый финал одной из главных тем — русские князья одерживают победу над половцами. Впрочем, как показал А. А. Гиппиус, в имеющемся тексте присутствует несколько слоев, один из которых мы считаем возможным приписывать печерскому сводчику. Видимо, он и сам работал около 1111–1112 г.; далее его влияние не прослеживается, а рассказ о победе выглядит как завершение произведения (на что указывает и финальное «Аминь»).

Очерченные выше тезисно наблюдения³ позволяют нам сделать предварительные выводы. Печерское погодное летописание (ведущееся приблизительно с 70-х годов XI в.) было сведено в одну летопись около 1111 г. Этот «свод» включил в себя и более ранние киевские летописные записи. В 1116 г. Сильвестром была создана Повесть временных лет на основе Печерской летописи (в части записей за XI — начало XII в.). Свод Сильвестра не имел редакции 1118 г.⁴ Вероятно, все это не подтверждает также идею о Печерском авторе (Несторе?) как создателе первой редакции ПВЛ; на наш взгляд, Печерская летопись (в части своих ранних известий) существенно отличалась от последней. Кроме того, наши предварительные выводы свидетельствуют против идеи Начального свода середины 90-х годов XI в.: это время в нынешнем тексте ПВЛ не является каким-либо рубежом. Напротив, черты авторов-сводчиков заметны и до, и после середины 90-х годов XI в.

² Алан Тимберлейк приписывает этому автору и все те сюжеты и темы, которые мы отнесли на счет «выдубецкого» автора. С этим трудно согласиться.

³ Здесь представлены лишь основные из сделанных нами.

⁴ Впрочем, дата 1118 г. может быть пересмотрена в пользу 1117 г. (на основании последних исследований А. А. Гиппиуса). Но это, как нам кажется, в целом не препятствует принятию той картины работы двух летописцев, которую мы предлагаем. Есть основания считать, что если в 1117 г. и были внесены некоторые изменения в готовый текст ПВЛ, то это сделал сам Сильвестр. Но пока вопрос остается открытым.

Ю. А. Артамонов (Москва)

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И ИСТОРИИ НАПИСАНИЯ ЛЕТОПИСНОГО
РАССКАЗА СТАТЬИ 6599 (1091) г. О ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ
ПРЕПОДОБНОГО ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Рассказ об обретении и перенесении мощей преп. Феодосия читается в многочисленных списках ПВЛ под 6599 г. (в Никоновской летописи под 6001 г.) без существенных изменений (текст Воскресенской летописи: «азъ же грешный, иже и летописание се въ то время писахъ, вземъ мотыку начал прилежно копати»¹, вне всякого сомнения, является более поздней вставкой²). Этот же рассказ находим в Киево-Печерском патерике Кассиановской I и II редакций. Однако, как справедливо указал еще С. А. Бугославский, летописный текст рассказа старше, «и текст Кассиановской первой редакции восходит к нему»³.

Повествование начинается с сообщения о том, что игумен (имя его не называется) и братия совместно («съветъ створше») приняли решение о необходимости перенести останки Феодосия из пещеры в монастырскую церковь. За три дня до праздника Успения игумен приказал начать раскапывать («рушити») место погребения Феодосия. Затем рассказ меняет свой тон, и после слов: «его же (игумена. — Ю. А.) повеленью, бых азъ грешный первое самовидецъ, еже скажю, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семь начальникъ», повествование ведется уже от первого лица. Вместе с игуменом автор рассказа (далее — N) посетил пещеру Феодосия, где они заранее обозначили место будущего раскопа. С разрешения настоятеля N взял себе в помощь одного из монахов. Вечером они отправились в пещеру, где, отпев псалмы, взялись за дело. Работая попеременно, монахи трудились до самой полуночи и уже начали «тужить», что копают не в ту сторону. «Азъ же, — замечает N, — вземъ рогалью, начах копати рамено, и другу моему опочивающую передъ пещерою, и рече ми: “Удариша в било”. И азъ в ть чинъ прокопах на моще Феодосъевы». Обретение мощей Феодосия сопровождалось чудесными знаменами. В то самое время, когда N обнаружил останки святого, два монаха в монастыре стали свидетелями явления трех огненных дуг, которые протянулись от пещеры к церкви, «иде же положень бысть Феодосий». Зарю великую над пещерой видел епископ Стефан, который, взяв с собою ученика Климента, поспешил отправиться к месту погребения своего учителя. Когда мощи были обнаружены, N послал к настоятелю своего помощника с просьбой прийти и помочь вынуть их. Игумен явился в сопровождении двух других монахов. Несколько расширив вход, они проникли внутрь камеры и помогли вынести на поверхность мощи Феодосия. На другой день с участием четырех епископов, игуменов и черноризцев столичных монастырей, а также «людей благоверных» останки Печерского настоятеля были торжественно перенесены и положены в притворе Успенского собора монастыря.

Вслед за сообщением о празднике, которым закончился этот день, следует рассказ о чудесном пророчестве Феодосия. Сообщается, что однажды он пришел в дом к киевскому тысяцкому Яню и его жене Марье, с которыми был очень дружен. Супруга Яня обратилась к Феодосию с вопросом: «Кто весть, где си мя положить?» «Поистине идеже лягу азъ, ту и ты положена будеши», — ответил он. На восемнадцатое лето по смерти Феодосия и через два дня после перенесения его мощей «преставися Яневая, именовъ Марья». Тело ее было похоронено в Успенской церкви, против гроба Феодосия, по левую от него сторону. «Се же сбьсться прореченье, — заключает рассказчик, — блаженаго отца нашего Феодосья». Повествование завершается похвалой Феодосию, где автор вновь говорит о себе в первом лице.

Вопрос об авторстве данного рассказа решался историками по-разному. Одна часть исследователей считала, что непосредственным участником перенесения мощей Феодосия в 1091 г. и соответственно рассказчиком был монах Киево-Печерского монастыря Нестор (М. П. Погодин, архиеп. Филарет, П. Г. Бутков, архим. Леонид, Д. И. Абрамович, В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев,

¹ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VIII. С. 5.

² См.: Бестужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV в. // ЛЗАК. СПб., 1868. Вып. 4. Отд. 1. С. 13; Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. СПб., 1914. Т. 19. Кн. 3. С. 178.

³ Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. С. 180. См также: Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. I. С. 481.

М. Х. Алешковский, П. П. Толочко и др.), другая не признавала Нестора автором этого сказания (П. С. Казанский, И. П. Хрущев, Е. Е. Голубинский, С. А. Бугославский, А. Г. Кузьмин). Точка зрения того или иного исследователя в значительной степени определяется его отношением к более широкой проблеме — истории написания текста ПВЛ.

Относительно времени составления рассказа статьи 6599 г. высказывались различные суждения. Так, например, И. П. Хрущев датировал его создание 1091 г.⁴, а П. В. Владимиров — концом XI в.⁵ Большинство же исследователей ограничивались лишь указанием на его «более позднее происхождение».

Мнение А. А. Шахматова в вопросе об авторе статьи 6599 г. не было однозначным: в ранних своих работах он писал о принадлежности данного рассказа перу Нестора, в более поздних статьях высказывал противоположную точку зрения. Однако в итоге ученый пришел к выводу, что статья 6599 г. является продуктом работы двух писателей — составителя Начального свода и автора ПВЛ. К сожалению, как этот вывод, так и атрибуция конкретных частей текста сказания о перенесении мощей Феодосия не были аргументированы А. А. Шахматовым.

В пользу предположения А. А. Шахматова об участии двух авторов в работе над статьей 6599 г. можно привести следующие доказательства.

1) В начале рассказа сообщается, что по решению совета братии за три дня до праздника Успения Богородицы игумен повелел начать «рушiti» место захоронения Феодосия, но после этого летописец, как бы возвращаясь назад, сообщает о событиях, которые должны были предшествовать такому распоряжению (разговор с игуменом, поход в пещеру Феодосия, подготовка мотыг).

2) В начале дважды сообщается, что решение о переносе мощей Феодосия было принято на совете братии, тогда как далее оказывается, что и подготовка, и сама работа в пещере хранились в строгой тайне.

3) Существует стилистическое отличие вступительной части, где перед нами лаконичное описание стороннего наблюдателя, от последующего увлеченного рассказа очевидца, где повествование ведется от первого лица⁶.

Датирующим признаком пространного рассказа статьи 6599 г. являются чудеса, которыми сопровождалось обретение и перенесение останков Феодосия. Так, упоминание Стефана в качестве свидетеля чудесного света над пещерой Феодосия может свидетельствовать о том, что рассказ «самовидца», писался, скорее всего, после смерти волынского епископа, т. е. после 27 апреля 1094 г.

Что же касается рассказа о чудесном пророчестве Феодосия, то он должен быть соотнесен с сообщением о смерти Яня, помещенным в статье 6614 г. ПВЛ. Как и в статье 6599 г., автор статьи 6614 г. отмечает праведный образ жизни киевского тысяцкого и ссылается на него как на источник некоторых рассказов, зафиксированных в летописи. По всей видимости, одним из таких рассказов и было семейное предание о месте погребения супруги Яня. А раз так, то его письменную фиксацию следует относить ко времени после 1106 г. Таким образом, следует думать (вопреки мнению А. А. Шахматова), что рассказы о чудесах, которыми сопровождалось перенесение мощей Феодосия, не могли быть написаны в первой половине — середине 90-х годов XI в.

Полагаю, что в своем первоначальном виде статья 6599 г. содержала краткое сообщение о перенесении мощей Феодосия, значительная часть которого уцелела в начале, с указанием на присутствующих епископов и точное время случившегося («месяца августа въ 14 день, в день четвертъкъ, въ час 1 дне, индикта 14, лета...»). Начало вставки следует определять вводным замечанием очевидца о желании более обстоятельно поведать об обретении и перенесении мощей Феодосия из пещеры в Успенский собор Киево-Печерского монастыря. Данный рассказ был написан в начале XII в. и, по всей видимости, принадлежит перу составителя первой редакции ПВЛ.

⁴ Хрущев И. П. О древне-русских исторических повестях и сказаниях XI—XII столетия. Киев, 1878. С. 21.

⁵ Владимиров П. В. Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII веков. Киев, 1900. С. 186.

⁶ См.: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 159.

А. М. Введенский (Санкт-Петербург)

ЖИТИЕ ВАРЯГОВ-МУЧЕНИКОВ: ЛЕТОПИСЬ И ПРОЛОГ

Повествование о смерти в Киеве двух варягов-христиан читается во всех списках Повести временных лет (далее — ПВЛ) под 6491 (983) г., а также в Новгородской первой летописи младшего извода, отражающей чтения Начального свода 90-х годов XI в. Сходный с летописным повествованием рассказ о варягах-мучениках читается также в Прологе. Вопрос о взаимоотношениях между этими текстами, на наш взгляд, остается спорным, хотя многие исследователи считают, что существовал текст Сказания о варягах-мучениках, который лег в основу как летописного, так и проложного повествований, по-разному отразивших этот первоначальный текст, причем Пролог в большинстве случаев сохранил его лучше, чем летопись¹. Исследователи, недавно опубликовавшие ряд житий (в том числе и Житие варягов-мучеников) по самому раннему списку Пролога, содержащему рассказ о варягах-мучениках, который датируется XIII в. (РНБ. Q.п.I.63 — далее Q), считают, что повествование о варягах-мучениках создавалось для Сказания, потом было переработано для нужд церковной службы как проложная память и на основании последней было использовано в летописи². Тщательное сравнение текстов Пролога и летописи убеждает в том, что первичным, скорее всего, является как раз текст летописи, а не Пролога. Приведем некоторые примеры.

Вместо вводной фразы летописи о походе Владимира на ятвягов: «Иде Володимеръ на ятвягы, и побѣдъ ятвягы, и взя землю ихъ», в Прологе дается характеристика Владимира: «Вълодимеръ, еще поганъ сый, победи ятвягы». Вставка «еще поганъ сый» составителем Пролога сделана с целью отметить тот факт, что Владимир был еще язычником в то время, когда совершалось убийство варягов-христиан. Сама же структура начального пассажа летописи ничем не отличается от предыдущих и последующих годовых статей, в которых говорится о походах и покорении племен. Ср.: под 985 г. «Иде Володимеръ на Болгары... и победи Болгары» и др.³ На первичность летописного текста также указывает паратакис в построении нарратива, который разрушается вставкой Пролога. Более древним является и устойчивое сочетание «о отрока и девицю», нежели «на сыны и дщери наша» Пролога, что отмечает и В. В. Колесов⁴.

В проложном тексте, в отличие от летописного, существует указание на причину принесения жертв кумирам: «о побѣде». А. Н. Насонов считал, что в данном случае «о побѣде» — первичное чтение, содержавшееся в общем для летописи и Пролога источнике, а летописец данное чтение, видимо, опустил: «В летописи связь между победоносным походом и жертвоприношением только подразумевается, она не ясна»⁵. Этот аргумент не представляется убедительным, поскольку такое излишнее пояснение не может служить доказательством первичности или вторичности данного чтения. С неменьшим основанием можно предположить, что составитель Пролога ввел эту фразу в первоначальный текст.

В списке Q Пролога читаем: «и бяше некто человек божий именемъ варяг родомъ». Как предполагал А. А. Шахматов, после «именемъ» следует реконструировать имя варяга — Туры, т. е. «именем Туры, варяг родомъ». Недавно А. А. Турилов предложил более изящную трактовку данного места легенды. Исследователь предлагает видеть в словах «человека божьего» непонятное летописцам имя варяга Феандр (из θεός — «бог»; ανήρ, ανδρός — «человек»): поскольку варяг был из Царьграда, то и имя у него должно быть греческое⁶. Как считает А. А. Турилов, это объясняет преобразования имени старшего

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 145–146; Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVII века. М., 1969. С. 23–26; Колесов В. В. Сказание о варяге и сыне его Иоанне // Русская речь. № 5. 1981. С. 101.

² Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.п.I.63) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 288–308. Благодарю А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановскую и Е. К. Ромодановскую за возможность ознакомления с данной работой до ее выхода.

³ ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. С. 84.

⁴ Колесов В. В. Сказание о варяге и сыне его Иоанне. С. 105.

⁵ Насонов А. Н. История русского летописания. С. 23–24.

⁶ Турилов А. А. «Человек божий именемъ» (Об имени старшего варяга мученика) // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 20–22 февраля 1995 г. Тезисы докладов. М., 1995. С. 83–84.

варяга в поздних списках Пролога — Федор, так как получить Федора из Феандра проще, чем из имени Туры. Но и такая гипотеза порождает ряд вопросов. К примеру, как просуществовало имя старшего варяга Феандр до XVI—XVII в., если оно не зафиксировано в русском ономастиконе и ни в каких списках жития варягов-мучеников (ни в проложных, ни в летописных) не встречается, и на каком этапе оно было изменено на имя Федор и по каким причинам? Следует, на наш взгляд, предположить, что введение имени Федор в текст жития варягов-мучеников не имеет никакого отношения к имени Феандр, а было сделано в XVII в., чтобы указать отсутствующее имя старшего варяга. Вероятнее всего, изначально имя старшего варяга не называлось вовсе, а слово «именемъ» в тексте Пролога появилось под пером южнославянского переписчика, который либо принял слово «варяг» за личное имя, либо, написав «именемъ», чтобы вписать имя Иоанн, «вспомнил», что это имя младшего варяга, и не стал его вписывать.

Фраза «бѣ дворѣ его, идеже естъ церкви святаѣ Богородица, юже созда Володимеръ» в Прологе опущена, так как весьма вероятно, что данные киевские реалии были уже не актуальны для его составителя, который, возможно, составлял свой текст вне Киева. Также и характеристика сына варяга «красень телом и душею» присутствует лишь в летописном тексте. Она, видимо, не попала в Пролог, так как его автор «не интересовался мирской красотой»⁷.

Следует отметить, что речь варяга если не тождественна, то очень близка к словам католического проповедника из сюжета о «выборе веры» князем Владимиром, находящегося в летописи под 980 г.: «кланяемъ и Богу, еже сотворил небо и землю, и звезды, месяцъ и всяко дыхание, а бози ваши — древо суть»⁸. Слова католического проповедника являются как бы кратким вариантом речи варяга и заканчиваются так, как начиналась речь старшего варяга. В перечислении творений Господних в Прологе упоминаются лишь небо и земля, тогда как в летописном тексте о варягах-мучениках есть и «звезды», как в «католической» речи, и «луна» (в сюжете о «выборе веры» фигурирует месяц). Следует предположить, что летописец взял за основу речь католического проповедника, чтобы сконструировать высказывание старшего варяга, и расширил ее, а составитель Пролога впоследствии опустил дополнительные перечисления.

Пролог содержит также ряд других сокращений текста, пропусков и вторичных чтений. В Прологе пропущено «и обидоша дворѣ около его. Он же стояще на сѣнхъ съ сыномъ своимъ»⁹. Это очевидный пропуск, так как без указания на местонахождение варягов «на сѣнхъ» непонятен заключительный пассаж «и посѣкоша сѣни под нима», который есть и в Прологе, и в летописи. Правильное чтение «и перетеребуете имъ» присутствует только в летописи, а в проложных текстах данное чтение искажено¹⁰.

Дальнейший текст Пролога и летописи весьма схож, за исключением философско-богословского пассажа, содержащегося в конце летописной статьи и отсутствующего в Прологе. Как нам представляется, данный пассаж об отсутствии апостолов на Руси появился в летописи в Начальном своде 90-х годов XI в., как и схожий пассаж под 988 г. В то же время у нас нет никаких оснований, чтобы разрывать философско-богословский пассаж об отсутствии апостолов на Руси с повествованием о гибели варягов-мучеников. Составитель Пролога мог опустить этот богословский пассаж, так как считал, что апостолы на Русь приходили. Также впоследствии поступали и составители более поздних летописных сводов.

Как можно видеть, тексты Жития варягов-мучеников в летописи и в Прологе очень близки, но существующие различия не позволяют нам ни постулировать первичность проложного текста относительно летописного, ни возводить легенду о варягах-мучениках к «Сказанию о распространении христианства на Руси». Более предпочтительной представляется первичность летописного текста, так как нет ни одного примера, указывающего на лучшую сохранность текста в Прологе, а также на зависимость летописи от Пролога, а вот обратные взаимоотношения между летописью и Прологом прослеживаются.

⁷ Колесов В. В. Сказание о варяге и сыне его Иоанне. С. 104.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. С. 85.

⁹ Это отмечал еще А. Н. Насонов: Насонов А. Н. История русского летописания. С. 24.

¹⁰ О правильности чтения «перетеребуете имъ» см.: Гинпиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // Russian Linguistics. 2002. № 26. Р. 94.

Т. Л. Вилкул (Киев)

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ХРОНИКИ ИОАННА МАЛАЛЫ И АЛЕКСАНДРИИ ХРОНОГРАФИЧЕСКОЙ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Когда речь заходит о хронографических заимствованиях в ПВЛ, прежде всего вспоминается Хроника Георгия Амартола. Менее известны фрагменты, восходящие к Хронике Иоанна Малалы, и еще меньше внимания уделяется обычно иным источникам. Особую статью представляют собой микрозаимствования — включения небольших характерных выражений, иногда вместе с сюжетным подобием, которые опять-таки исследованы почти исключительно на материале Хроники Амартола¹.

Ниже проводится сопоставление фрагментов ПВЛ с соответствующими текстами Хроники Малалы и Александрии Хронографической (Александрия, по мнению В. М. Истрина, уже в раннее время была присоединена к Малале²). Микрозаимствования встречаются в разных частях первого дошедшего до нас летописного свода, хотя в основном они касаются сюжетов легендарных и героических. Часть приведена в моих статьях³, помимо отмеченных, еще:

ПВЛ (ПСРЛ. М., 1997. Т. I)	Хроника Иоанна Малалы ⁴
и вѣста родъ на родъ, /и/ быша в них оусобицѣ (862 г. Стб. 19) а въ хесянехъ того нѣс закона (955 г. Стб. 61) нача хвалити и любити и цѣлова/ти/ цря (971 г. Стб. 71) заложил Ярославъ городъ великий, оу него же града суть Златая врата (1037 г. Стб. 151) вшедъ в печеру, и затворяше двери печерѣ и засыпаше перстью... оконцемъ малым бесѣдоваше (1074 г. Стб. 186)	и народи мястися начяша и бысть в нихъ оусобица (С. 185) Нѣсть закона въ еллинѣхъ сего творити (С. 112) знааше бо тыи градъ Антиохию и хваляше и любляше (С. 355) сзда же ина многа Златая врата яко же соуть Коньстянтинаград (С. 312) зазда же заградивъ двери сну и оконцемъ бесѣдоваше приходящимъ к нему и блгословящимъ его (С. 342)
ПВЛ	Александрия по Виленскому списку ⁵ с некоторыми разночтениями по иным спискам (даны в косых скобках)
иже находиша на Хоздроя цря перьскаго (Недатированная часть. Стб. 11) и вѣструбиша вельми и людье въ градѣ кликнуша (968 г. Стб. 66) да что оума придасте, что отвѣщаете (987 г. Стб. 107) и реч Редедя къ Мьстиславу: «Что ради губивѣ дружину межи собою, но сы идевѣ ся сама бороти» (1022 г. Стб. 146–147) да аще одолѣши ты, то возмеша имѣнье мое и жену мою и дѣти моѣ и землю мою, аще ли азъ одолѣю, то възму твоє все (1022 г. Стб. 147) аще кто вылѣзаше ис хоромины, хотя видѣти, абье оуязвень будяше невидимо от бѣсовъ (1092 г. Стб. 214–215)	находяща на толико црство перьско (Кн. 2. Гл. 7 (далее 2.7). Л. 477) повѣлѣ вѣстроубити браннымъ и гласоу /бранный глас и/ великоу кличу бывшу во воих (1.41. Л. 475) что ми придаси оума да створю (3.18. Виленский проп.; по Синодальному списку в издании В. М. Истрина ⁶) се нѣсть црева сила, еже гинуть вои межи нами... да почивающимъ воємъ, сами /сама/ ся снидевѣ битис о црство (3.4. Л. 488) аще ми /не/ одолѣеть бяс со мною, то все томоу /то мое/ есть и съ родомъ его (2.17. Л. 481 об.) внезапоу... бьема бяхоу от бѣсовъ невидимыхъ (2.36. Л. 485 об.)

¹ См.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. IV. С. 45–57.

² Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893.

³ Вилкул Т. Л. Повесть временных лет и Хронограф // Palaeoslavica. 2007. XV. № 2. Р. 77; Вилкул Т. Л. «Капица» из Корсуня князя Владимира // Ruthenica. VI. Киев, 2007. С. 343–344.

⁴ Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994.

⁵ Хронограф Виленский. Библиотека АН Литвы. F19–109/1–3.

⁶ Истрин В. М. Александрия русских хронографов. С. 90.

Иногда сближения с Александрией наблюдаются на уровне лексики, но при этом «светской» и достаточно редкой для нелетописных текстов.

ПВЛ	Александрия
князь оуже почаль, потягнѣте , дружина, по князѣ (946 г. Стб. 58)	потягнути ти ес Александрѣ црю с потомъ и трудомъ /на/ варьварьскыя языки (1.42. Л. 476)
Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ (977 г. Стб. 75)	посадивыи /посади/ в Туре посадникъ (1.35. Л. 471)
начаша скоть събирати, от мужа по .д. куны... и приведоша варягы /и/ вдаша имъ скоть (1018 г. Стб. 143)	египтене вдаша ему скота много (1.34. Л. 470 об.); подивих же ся, яко Дарии скотомъ хошетъ избавити род свои (2.17. Л. 481 об.)
то чему ты не казаше снѣв своихъ и роду своего не преступати роты (1103 г. Стб. 279)	и како ннѣ насъ распяти велиши, преступивъ роту (2.21. Л. 483 об.)

Разумеется, пока не создан тезаурус древнеславянского языка, основанный на всем корпусе средневековых славянских текстов, и полностью не обследованы вероятные источники ПВЛ, не все может быть точно определено. Например, ранее я предполагала, что выражение «что ума придасте» (Стб. 107) возникло на основе фрагментов Хроники Амартала⁷; ср. «разоума различна подастъ» ГА 255.8 и «разоума ища взяти» ГА 513.29–514.1, но затем отыскалась более близкая параллель к этому месту ПВЛ в Александрии Хронографической. Дело осложняется тем обстоятельством, что понравившиеся летописцу выражения могли вноситься по памяти, из разных книг и глав сочинения Малалы и Александрии и, по-видимому, способствовали формированию самого языка летописи. Однако в целом очевидно, что составитель ПВЛ находился под влиянием не одной лишь Хроники Амартала. Наблюдения над хронографическими заимствованиями могут быть существенны при выяснении истории создания ПВЛ. В частности, композиция цитат из Амартала и Малалы в недатированной части свода и статьях 1065 и 1114 г. дает основания предполагать существование одной, а не трех (как это традиционно считается) редакций ПВЛ⁸. Кроме того, сопоставление с хронографическими текстами показывает, что, повествуя о легендарных сюжетах, древнерусский сочинитель или сочинители руководствовались не только предполагаемыми устными источниками, но и хронографической литературой.

⁷ Вилкул Т. Л. Повесть временных лет и Хронограф. Р. 76.

⁸ См.: Вилкул Т. Л. Повесть временных лет и Хронограф.

В. Г. Вовина-Лебедева (Санкт-Петербург)

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАВРОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЛЕТОПИСАНИЯ И КРИТИК А. А. ШАХМАТОВА

В Архиве Санкт-Петербургского Института российской истории РАН хранится фонд Н. Ф. Лаврова (Ф. 269), который до недавнего времени не был изучен. Опубликованное наследие ученого невелико, и эти материалы имеют большое значение, особенно подготовительные наброски к книге по истории летописания, которая осталась неопубликованной и погибла вместе с автором в блокадном Ленинграде. Среди них есть тетрадь с замечаниями Н. Ф. Лаврова на книгу А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах».

Сличая заметки Н. Ф. Лаврова о «Разысканиях» А. А. Шахматова с самим текстом этой книги, мы можем получить некоторое представление о взглядах Лаврова на историю летописания. В некоторых случаях он критиковал не сам метод Шахматова, а только его применение. Но по мере работы с текстом Шахматова у Лаврова появились критические замечания, относящиеся к самому методу. Им все более не принимается выделение вставок по нелогичности текста или противоречиям в нем. Это касается, например, знаменитого места о варягах, от которых «прозвася Руская земля». Лавров считал чтение

летописи, возводящее название Руси к варягам, изначальным. По мнению Шахматова, следы новгородской редакции в летописном тексте обнаруживаются в рассказе о братьях Рюрика. Лавров отвергал и это построение, противопоставив Шахматову Преснякова: «*А. Е. Пр[есняков] никогда бы не написал этого (!) — Это художественный домысел...*» (курсив мой. — В. В.). Для Шахматова новгородское летописание XV в. — одно из звеньев сложного построения, позволяющего заглянуть в самое начало новгородского и киевского летописания. Лавров же полагал, что к середине XV в. «в Новгороде не сохранилось ничего древнего». Шахматов считал, что летописное «призвание варягов» объясняется реально существующей позднее новгородской практикой. Как полагал Лавров, позднейшая практика не может подтверждать или не подтверждать новгородское происхождение летописного рассказа. Важно также, что Лавров не пишет ни о «новгородском древнейшем своде», ни о Софийском временнике. Он называет здесь только реально сохранившиеся тексты.

К некоторым местам книги Шахматова Лавров сделал пометы типа: «Ерунда. Это... выдумка» (например, когда речь идет о Житии Антония или о дате Древнейшего новгородского свода). К § 197 относится фраза: «Вот основное, против чего я должен бороться». В этом месте Шахматов приводит основания в пользу новгородского, а не киевского происхождения рассказа об изгнании новгородцами варягов, а затем о призвании варягов. Видно, что Лавров был человеком не только совершенно иного, чем Шахматов, склада ума, но также — и другой выучки. То, что казалось Шахматову очевидным, для Лаврова — просто фантазии, ничем не подтвержденные. К § 202 замечание: «Опасно». Очевидно, «опасной» представлялась Лаврову сама реконструкция Шахматовым «первоначального» рассказа о призвании варягов.

Особенно внимательно работал Лавров с текстом глав IX—XI, в которых речь идет о восстановлении основных этапов новгородского летописания. По поводу § 147, где речь идет о содержании общерусского свода 1423 г., сказано, что это «самое слабое место Шахматова». Видно, что Лавров первым засомневался в шахматовском Полихроне начала XV в. Позднее, уже после войны, к такому же выводу пришел Я. С. Лурье. Лавров особенно интересовался новгородским сводом — источником сохранившихся списков Н1. Он читал, что до нас не дошла ее первоначальная редакция, чтения которой сохранили в ряде случаев С1—Н4. Поэтому избыточные сообщения этих летописей по Лаврову следует относить к несохранившейся первоначальной редакции Н1, а не к общерусскому своду 20-х годов XV в., существование которого предполагал Шахматов. Эту мысль он собирался развить в своей книге.

Разумеется, мы не знаем, какими были бы его собственные выводы к концу работы. Так, к § 145 (Шахматов анализирует состав гипотетического свода 1448 г., возводя его к Софийскому временнику и к общерусскому своду 1423 г.) добавлено: «Объяснение натянутое. Все говорит о том, что Нач[ального] свода не было». Однако, как показывают сохранившиеся наброски к собственной книге Лаврова, он все же остался при мысли о существовании Начального свода. Но Лавров оказывается первым, кто поставил под сомнение реконструированный Шахматовым Древнейший новгородский свод XI в. Другие последователи и ученики Шахматова довоенного времени, например М. Д. Приселков, полностью его принимали.

Лавров выписал шахматовскую фразу из гл. VIII: «Указ[анное] обстоя[тельств]во — наличие не самого текста, а только копии с него, извлечения из него, *отнимает у нас надежду просл[едить] гл[авные] моменты в ист[ории] владыч[ого] лет[описани]я*» (курсив мой. — В. В.), проследить смену летописцев, углубиться в исследование источников и т. д.». Это близко Лаврову, возможно, более всего! Шахматову как исследователю, несмотря на эту фразу, был присущ большой, можно даже сказать, громадный оптимизм, вера в неограниченные возможности сравнительного метода. Это же можно сказать и о Приселкове. Лаврову, в отличие от них, было свойственно научное смирение, стремление остановиться на грани того, что возможно и что невозможно. Это можно назвать осторожностью, каковую мы отмечаем и у других исследователей летописания, причем как у тех, кто явно был прямым учеником и продолжателем Шахматова, например у А. Н. Насонова, так и у исследователей других направлений, например у П. Г. Васенки, бывшего, как и Лавров, выучеником петербургской исторической школы.

Г. В. Гимон (Москва)

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ В СВЕТЕ АНГЛО-САКСОНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Настоящая работа написана в рамках предпринимаемого автором сопоставительного исследования историописания Англо-Саксонской Англии (VII–XI в.) и Древней Руси (XI–XIV в.). В целом, можно выделить три основные группы текстов, присутствующие в обеих странах:

- 1) анналы/летописи (изложение событий в погодной форме, с «пустыми годами» и оборотами типа «В то же лето», отделяющими сообщения о разных событиях в пределах одной погодной статьи);
- 2) пространные тексты, не имеющие погодной структуры;
- 3) краткие тексты (записи на пасхальных таблицах, перечни правителей и др.).

Цель настоящей работы — поиск места в этой сравнительной перспективе для, наверное, самого выдающегося памятника древнерусского историописания — Повести временных лет (далее — ПВЛ). Текст ПВЛ складывался на протяжении как минимум нескольких десятилетий и является многослойным. Целесообразно поэтому искать параллели не к ПВЛ в целом, а к каждому из ее «слоев», а также к самому характеру трансформации этого текста.

Скорее всего, древнейший пласт ПВЛ — это некий текст, связно излагавший раннюю историю Руси и не имевший разбивки на годы (далее — √ПВЛ). Разные исследователи по-разному определяют состав этого текста и время его создания (от 90-х годов X в. до 60-х годов XI в.), однако само наличие у истоков древнерусского летописания рассказа, отличного по форме от обычных летописей, вряд ли подлежит сомнению. Очевидной английской параллелью к √ПВЛ является «Церковная история народа англов» Беда Достопочтенного (завершена в 731 г.) — тоже связный рассказ о ранней истории страны, не имеющий погодной разбивки и сильно отличающийся от более поздних анналов.

Сочинение Беда по многим признакам не похоже на √ПВЛ. Очень сильно различается объем этих текстов: «Церковная история» намного пространнее, чем та часть ПВЛ, которую можно возвести к √ПВЛ. Беда писал именно *церковную историю*: основу его повествования составляют перипетии христианизации Англии, история (архи)епископских кафедр, деятельность первых английских святых и различные чудеса. О политической истории у Беда тоже рассказывается довольно много (собственно, это наш основной источник по ранней истории англо-саксонских королевств), однако именно церковная история образует стержень повествования. Что касается √ПВЛ, то лишь Д. С. Лихачев называл ее «Сказанием о первоначальном распространении христианства на Руси»; большинство исследователей с его точкой зрения не согласны. Как в дошедшей до нас ПВЛ, так и, скорее всего, в √ПВЛ распространение христианства является важной, но отнюдь не единственной сюжетной линией. Значительные фрагменты текста √ПВЛ (особенно рассказы о князьях-язычниках IX–X в.) вообще лишены какой-либо связи с церковной историей.

Тем не менее многое роднит эти два текста. Оба они представляют собой, очевидно, первую попытку написать историю своей страны. В обоих эта история связывается с историей всемирной, однако последняя как таковая почти не излагается. В обоих сочинениях торжество христианства рассматривается как, пожалуй, центральный сюжет; значительные фрагменты текста носят вполне агиографический характер. И у Беда, и в √ПВЛ в текст инкорпорированы чуждые в жанровом отношении фрагменты, включая те, которые излагают основы христианской религии. В обоих текстах, в отличие от более поздних анналов/летописей, присутствуют ссылки на письменные и особенно устные источники информации, а также указания на то, что нечто можно наблюдать (или происходит) «до сего дня».

«Церковная история» Беда очень рано получила продолжение в виде кратких анналов на латыни. В некоторых рукописях «Церковной истории» они доведены до 766 г.; судя по другим источникам, в которых эти анналы отразились, они велись до 806 г. (а может быть, и позже). Записи делались в Нортумбрии — в том же англо-саксонском королевстве, где жил и работал Беда. Их аналогией, наверное, можно считать многие краткие сообщения ПВЛ за XI в. (в особенности — за его начало), вполне возможно, являвшиеся приписками в рукописи √ПВЛ.

В IX в. анналы появились уже на юге Англии — в королевстве Уэссекс, причем уже не на латыни, а на древнеанглийском языке (анналы на этом языке известны под обобщающим названием «Англо-Саксонская хроника»). В начале 90-х годов IX в. в Уэссексе был составлен летописный свод, легший в основу всей последующей анналистики Англии, — так называемый «common stock» (Начальные анналы). Аналогичную роль в истории русского летописания играла ПВЛ. Начальные анналы, как и ПВЛ (в том виде, в каком она до нас дошла), представляли собой погодную летопись, с многочисленными «пустыми годами» в начальной части. Тем не менее, хотя Начальные анналы охватывают больший хронологический интервал (девять веков против двух с половиной в ПВЛ), по объему они намного меньше. Абсолютное большинство погодных статей за I—VI в. — «пустые», а среди оставшихся преобладают очень краткие.

Подобно тому как в ПВЛ оказался инкорпорированным текст √ПВЛ, в английских Начальных анналах была использована «Церковная история» Беды. Однако в Начальных анналах текст Беды не был заимствован целиком или большими фрагментами, была использована лишь его заключительная часть, представляющая собой краткое хронологическое резюме важнейших событий английской истории. Только в трех случаях анналист использует сведения из основной части труда Беды. Таким образом, дистанция — географическая, хронологическая, текстологическая и стилистическая — между «Церковной историей» и Начальными анналами намного больше, нежели между √ПВЛ и ПВЛ.

Весьма вероятно, что Начальные анналы 890-х годов не были первым памятником древнеанглийской анналистики: их текст, как и ПВЛ, мог складываться в несколько этапов (в IX, а может быть, и в VIII в.). На эту тему был высказан целый ряд гипотез (на основании текстологических, лингвистических, стилистических и др. аргументов), причем ситуация здесь, пожалуй, еще более запутанная, чем с этапами сложения ПВЛ.

Начальные анналы, как уже было сказано, легли в основу последующей анналистической традиции. Они стали продолжаться — с разной степенью систематичности — в разных духовных корпорациях Англии. Развитие английской анналистики в X—XI в., в общем, схоже с развитием древнерусского летописания после создания ПВЛ: в разных регионах существовали свои летописные традиции, которые, однако, пересекались, заимствуя друг у друга тексты.

Своего рода «общим местом» в историографии является то, что в 90-х годах IX в. Начальные анналы, по повелению короля Альфреда Великого (871—899), были разосланы по городам и монастырям Англии с целью их последующего продолжения погодными записями. Эта теория, однако, основана лишь на соображениях общего порядка (главное из которых — аналогия с древнеанглийским переводом «Обязанностей пастыря» Григория Великого, действительно разосланным королем Альфредом по епископским кафедрам страны). Текстологически предположение о целенаправленной рассылке анналов не подтверждается, хотя исключать таковую, конечно, нельзя. Вряд ли есть основания говорить и о целенаправленной рассылке ПВЛ. Однако, как и в Англии, на Руси за сравнительно короткое время появилось несколько рукописей, содержащих текст Начальной летописи, включая «редакции» ПВЛ и тот сокращенный текст, который лег в основу новгородского летописания XII—XIV в.

В Нортумбрии предположительно в начале XI в. была создана так называемая Северная версия анналов. В ней текст Начальных анналов был существенно дополнен по нортумбрийским источникам, среди которых — «Церковная история» Беды и продолжавшие ее латиноязычные анналы. Вторичное использование в анналах сочинения Беды не находит параллелей на Руси (у нас нет вообще никаких данных о бытовании √ПВЛ после XI в.). Однако в остальном здесь можно усмотреть аналогию с новгородским сводом 10-х годов XII в., который основан не только на киевской Начальной летописи, но и на местных летописных материалах XI — начала XII в.

А. А. Гиппиус (Москва)

КРЕЩЕНИЕ РУСИ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ: К СТРАТИФИКАЦИИ ТЕКСТА

1. Текст Крещения Руси. Под «текстом Крещения Руси» (ТК) далее понимается совокупность фрагментов ПВЛ, развивающих данную тему в нарративном и ненарративном планах. Как важнейшая составляющая ПВЛ, ТК разделяет ее главные свойства: обладая относительной литературной целостностью, он внутренне неоднороден и подчас противоречив — вследствие множественности источников и сложной истории формирования. Задача стратификации ТК, поставленная А. А. Шахматовым, в полной мере сохраняет свою актуальность.

2. Отправные положения.

2.1. В том объеме, в каком он представлен в тексте, общем для ПВЛ и НЛ младшего извода, ТК восходит к киевскому Начальному своду 90-х годов XI в.

2.2. В основе рассказа Начального свода о событиях IX—X в. лежало не разделенное на годовые статьи повествование (хронологическая сегментация была произведена уже в Начальном своде).

2.3. Это повествование не было летописным сводом в шахматовском понимании, но представляло собой текстологически более однородное образование.

2.4. Это не было и реконструируемое Д. С. Лихачевым «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси» (фрагменты, относившиеся ученым к «Сказанию», обнаруживают свою вторичность и относительно позднее происхождение).

2.5. Наиболее перспективной представляется трактовка нарративного ядра ПВЛ как основанного на устной традиции «Сказания о русских князьях» конца X в. (М. Н. Тихомиров), в состав которого входил, однако, и первоначальный вариант ТК.

3. При таких исходных посылах задача стратификации ТК сводится к выяснению того, в каком объеме он входил в «Сказание» и какую эволюцию претерпел в ходе дальнейшей истории текста. Предлагаемая реконструкция базируется на данных внутренней критики текста, а именно на анализе его структурных противоречий, с одной стороны, и языковой гетерогенности — с другой.

4. Данные структуры текста.

4.1. Оценка Философом веры «немцев» в эпизоде «испытания вер» содержательно и по форме связана с антилатинским наставлением, преподанным Владимиру в Корсуне. Два пассажа выглядят как части единого текста, распределенного между двумя статьями: обвинение латинян в служении опресноками оторвано от остальных пунктов и вложено в уста Философа. При этом фраза «их же вера маломь с нами развращена» аномальна как в смысловом отношении (что значит «немного испорчена?»), так и лингвистически (необычное управление глагола).

=> В первоначальном тексте говорилось не о «малом развращении» латинской веры, а о незначительности ее отличий от греческой: *«их же вера маломь с нами раз(личь) (-личьна? -личьствуеть?)»; окончательный же текст есть результат редактуры, синхронной появлению антилатинского пассажа в статье 6496 г. (ср.: «их же оучение развращено»).

4.2. Две интерполяции — «пророческая» и «богословская» — выявляются в Речи Философа (РФ) (Гиппиус 2001)¹; вторая интерполяция заканчивается словами «их же учение мы гръци прияхом».

=> В ее первоначальном виде РФ представляла собой монологическое изложение Философом истории Спасения, не перебиваемое вопросами Владимира; в ней отсутствовали фрагменты, идейно перекликающиеся со «Словом о законе и благодати» (тема призвания «новых людей»), отсутствовала и декларация монополии греков на истинное апостольское учение.

¹ В докладе использованы положения, обоснованные в следующих работах автора: *Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игоревы. К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. 25. P. 147–181; Он же. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. Сб. к 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 56–96; Он же. Языковая гетерогенность и качество нарратива в Повести временных лет // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 37–38.*

4.3. Число посольств к Владимиру (4) не соответствует числу стран, посещаемых послами Владимира (3). (То, что за инспекцией иудейской службы послам Владимиру отправляться было некуда, не снимает этого противоречия на уровне композиции: Владимир перечисляет четыре конфессии, и бояре советуют ему «испытать» службу каждой.)

В исходной версии эпизода посольство иудеев отсутствовало.

4.4. В отличие от других конфессий греки присылают к Владимиру Философа; между тем в обращении Владимира к боярам о них, как и о других посольствах, говорится во множественном числе («придоша греци»).

=> В исходном тексте отсутствовала фигура Философа: греки, подобно другим посольствам, были представлены коллективно.

4.5. Отказ Владимира «болгарам» и «немцам» находится в противоречии с последующим направлением к ним послов для «испытания службы».

=> а) в исходном тексте эпизод «испытания служб» отсутствовал;

или б) в исходном тексте Владимир не отказывал мусульманам и католикам.

4.6. Реакция бояр на доклад послов («ѿвѣщавше же болярє рекоша...») согласуется не с речью послов, а со словами Владимира: «Что оума придасте, что отвещаете?».

=> Эти фразы первоначально следовали одна за другой, а разделяющий их эпизод «испытания служб» является вставкой.

4.7. В завершении разговора Владимира с философом имеет место грамматический сбой: «Володимеръ же положи на срѣци своемъ, рекъ: пожду и еще мало, хотя испитати ѿ всѣхъ вѣрахъ. Володимеръ же сему дары многи вдавъ ѿпусти и с чтью великою». При этом первая фраза отсылает к эпизоду «испытания служб».

=> Данная фраза, как и эпизод «испытания служб», является вставкой.

5. Лингвистические данные.

5.1. В обеих частях эпизода «выбора веры» представлена парная формула *мудръ и смысленъ* («ты князь мудръ и смысленъ», «избраша мужи мудры и смыслены»). Употребление этой формулы, как и других двух- и трехчленных формул того же типа («мужи мудри и смыслени» (о полянах), «муж мудръ и храбръ» (об Олеге 6430-Н1Л), «и бѣ мудра и смысла» (об Ольге 6430-Н1Л), «вои многы и храбры» (об Ольге 6454, о Святославе 6472), «мужи добры, смыслены и храбры» (о варягах Владимира 6488)), не выходит за рамки 80-х годов IX в. и может рассматриваться как языковая черта «Сказания».

5.2. Синтаксическим признаком, объединяющим тексты «Сказания», может считаться неупотребление в качестве регулярного средства соединения предикаций в нарративе модели *X же рече* и последовательное предпочтение ей других моделей (*и рече X, рече же X, онъ же рече*) (Гиппиус 2007). Эта черта также не выходит за рамки 80-х годов IX в.; последний раз такое построение текста находим в эпизоде «испытания служб» (в версии Н1Л), где последний раз представлена и формула *мудръ и смысленъ*.

5.3. Область пересечения признаков 5.1 и 5.2 характеризуется также известным однообразием оформления контекстов с прямой речью. Здесь отсутствуют: а) новые формы аориста глагола *речи* (типа *рекоша, рекохъ*; только *рѣша, рѣхъ*); б) формы причастий прош. времени (*рекъ, рекъше*); в) форма причастия II. ед. муж. *река*; г) оборот *отвѣщавъ, рече* (Гиппиус 2001).

5.4. Относительно очерченного таким образом ядра выделяются фрагменты, лингвистические характеристики которых позволяют подозревать их вторичность. К их числу относится рассказ о взятии Владимиром Корсуня, в котором систематически встречается модель *X же рече*. В подводящем к нему диалоге Владимира с боярами по два раза употреблены новая форма аориста *рекоша* и оборот *отвѣщавъ, рече*. Помимо данного фрагмента, этот оборот представлен в тексте ПВЛ за X в. всего тремя примерами: в рассказе о крещении Ольги (к которому отсылает ответ бояр!) и в диалоге Владимира с Философом; в обоих эпизодах представлены также формы причастий прош. времени *рекъ*. Содержательно связанные эпизоды оказываются сопряжены и лингвистически, что позволяет отнести их к одному, первоначальному текстовому пласту.

6. Как следует из предыдущего, эпизоды «Крещение Ольги», «Беседа с Философом», «Поход на Корсунь» устроены сходным образом: с одной стороны, в них выделяются интерполяции

«агиографического», полемического или богословского характера; с другой стороны, сами эти эпизоды обнаруживают свою непервоначальность в составе ТК.

=> Начальному своду (к которому мы относим вставки второго порядка) предшествовал не один, а два летописных этапа.

7. Сделанные выше частные выводы объединяются в две группы.

7.1. Взаимно согласуются выводы 4.1, 4.2, 4.5а, 4.6, 4.7, заставляя реконструировать композицию, по отношению к которой вставками являются: характеристика Философом веры «немцев», «пророческая» и «богословская» интерполяция в РФ, эпизод «испытания служб».

7.2. Взаимно согласуются выводы 4.3, 4.4, 4.5б, 5.4, заставляя реконструировать композицию, по отношению к которой вставками являются: эпизод крещения Ольги, посольство иудеев, беседа Владимира с Философом (заменившая первоначальное описание посольства греков), Корсунская легенда (заменившая первоначальный рассказ о крещении в Киеве).

8. Совместить эти кажущиеся альтернативными реконструкции позволяет модель соотношения сводов — предшественников ПВЛ, предложенная ранее (Гиппиус 2006) для объяснения логики композиционных преобразований в начальной части летописи. Как и схема Шахматова, эта модель рассматривает ПВЛ как четвертый этап в цепи киевских летописных сводов, но иначе трактует отношения между звеньями этой цепи. В нашей схеме, в отличие от схемы Шахматова, Начальный свод и ПВЛ связаны не только с их непосредственными предшественниками, но и с источниками этих последних. Так, мы полагаем, что этногеографическое Введение, появившееся впервые в своде 70-х годов XI в., было устранено в Начальном своде (заменившем его на Предисловие), а затем в расширенном виде восстановлено в ПВЛ на основе свода 70-х годов XI в.

9. Этапы формирования ТК. Применение данной схемы позволяет следующим образом реконструировать эволюцию ТК в составе Начальной летописи.

I. В исходном виде, в составе «Сказания о русских князьях», ТК представлял собой эпически-обобщенный рассказ о «выборе веры», сделанном «мудрым и смысленным» Владимиром при содействии его «мудрых и смысленных» мужей. Рассказ этот обладал симметричной композицией и, вероятно, завершался не дошедшим до нас описанием крещения Владимира в Киеве, которым «Сказание» могло и заканчиваться.

II. В своде 70-х годов XI в. композиция ТК подверглась кардинальной перестройке. Появился рассказ о крещении Ольги; в первую часть эпизода «выбора веры» было добавлено посольство иудеев, позиция Владимира в собеседовании с послами сделана более активной: он не просто слушал послов, но в прениях с ними отклонял первые три предложения; благодаря введению фигуры Философа выбор Владимиром «греческого закона» оказался предопределен уже в первой части эпизода, что сделало ненужной его вторую часть — эпизод «испытания служб» был устранен, бояре же в ответ на обращение Владимира ссылались на прецедент Ольги; описание крещения Владимира в Киеве было заменено «Корсунской легендой».

Идейные основания этой схемы: а) включение истории Руси в перспективу библейской истории (Введение, РФ); б) признание несущественными конфессиональных расхождений между Римом и Византией; в) трактовка принятия Русью христианства как ее культурного «завоевания», начатого Ольгой и завершеного Владимиром; независимая позиция в отношении Византии и даже известное принижение греков (в последнем можно видеть проявление западных симпатий Изяслава Ярославича, вероятного заказчика свода 70-х годов XI в.).

III. В киево-печерском Начальном своде 1090-х годов ТК был значительно расширен и организован в соответствии с совершенно новой композиционной схемой. Ее идейные основания: представление об особой миссии Русской земли как богоизбранной страны «последнего времени» (тема «новых людей-христиан»); противопоставление языческого прошлого Руси ее современному состоянию цветущей христианской державы; противопоставление чистоты византийского христианства испорченности «латинской» веры.

Реализуя эту программу, заявленную в Предисловии, составитель свода восстановил (на основе «Сказания») эпизод «испытания служб» и внес в текст многочисленные добавления/вставки в Речи

Философа, эпизод с болезнью Владимира в рассказе о его крещении в Корсуне, символ веры и антилатинское наставление, в том числе: «агиографические» вставки в рассказе о крещении Ольги, описание языческого пантеона Владимира, рассказ о подвиге варягов-мучеников, описание образа жизни Владимира до крещения, антилатинский пассаж в беседе Владимира с Философом, интерполяции в РФ, эпизод с болезнью Владимира в Корсуне, наставление Владимира в вере после крещения, описание крещения киевлян и продолжающую его гомилию, описание образа жизни Владимира после крещения, похвалы Ольге, Владимиру, Борису и Глебу, Ярославу.

IV. В ПВЛ, отчасти вернувшейся к композиции свода 70-х годов XI в., ТК был дополнен фрагментами, прослеживающими исторические корни христианства на Руси в общеславянской и экуменической перспективе: рассказами о посещении Русской земли апостолом Андреем и деятельности св. Кирилла и Мефодия. Эти мотивы пришли в известное противоречие с утверждением составителя Начального свода о том, что Русская земля осталась в стороне от апостольской проповеди.

С. А. Денисов (Москва)

СТРУКТУРА БАТАЛЬНЫХ ОПИСАНИЙ В ХРОНИКЕ ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА И В ТЕКСТЕ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ ЗА X–XI в.

Среди источников Повести временных лет (далее – ПВЛ) Хроника Георгия Амартола (далее – ХГА) занимает особое место. Охватывая период от Сотворения мира до 842 г. (и позднее доведенная неизвестным продолжателем до 948 г.), она являлась основным источником для древнерусского летописца в области всемирной истории. При этом считается, что летописец порой сокращал и перерабатывал сообщения ХГА. Но каким было ее влияние на форму сообщений, составлявшихся самим летописцем? Следовал ли автор ПВЛ только стилю ХГА или использовал собственные приемы для описания событий?

Для ответа на этот вопрос были сопоставлены формы летописных сообщений и сообщений, содержащихся в ХГА. В качестве вида сообщений, который продемонстрировал бы это соотношение, были рассмотрены батальные описания¹. Точнее – только описания полевых битв, так как описания осад городов в ХГА, за исключением одного случая², не подразумевают сражений (противник берет город измором или подписывает с правителем страны мирный договор).

До сих пор исследователи в основном останавливались на фрагментах текста, напрямую заимствованных летописцем из византийского источника³, в то время как вопрос о том, как соотносятся формы батальных описаний ПВЛ, не заимствованных из ХГА, с формами сообщений хроники, так и не был рассмотрен.

Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо решить несколько задач: 1) выделить подтипы структур в батальных описаниях ХГА, 2) сопоставив их с подтипами структур, выделенными

¹ О батальных описаниях как отдельном типе летописных сообщений см.: Пауткин А. А. Батальные описания «Повести временных лет» (своеобразие и разновидности) // Вестник Московского университета. 1981. Сер. 9: Филология. № 5. С. 13–19.

² Истрин В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха. Пг., 1920. Т. I. С. 93.

³ Стров П. М. О византийском источнике Нестора // Труды ОИДР. СПб., 1828. Ч. 4. Кн. 1. С. 159–175; Беляев И. Д. О Несторовой летописи. СПб., 1847; Терновский Ф. А. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. Киев, 1875. Вып. 1; Истрин В. М. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград // ИОРЯС. Пг., 1916. Т. 21. Кн. 2. С. 215–223; Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. IV. С. 3–54; Половой Н. Я. Две ошибки древнейшего русского хрониста // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 139–142; Половой Н. Я. Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря // ТОДРЛ. 1960. Т. XVI. С. 105–111; Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии // Византийский временник. 1961. Т. XVIII. С. 87–92; Алешковский М. Х. ПВЛ. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971; Щапов Я. Н. Русская летопись о политических взаимоотношениях Руси и Византии // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 204–208; Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 108–114.

в сообщениях ПВЛ⁴, найти между ними сходства и различия, 3) выяснить, как распределены выявленные подтипы среди пластов ПВЛ, 4) опираясь на полученные результаты, определить степень свободы летописца при создании им летописных сообщений и, соответственно, выяснить, каким было влияние ХГА на форму батальных описаний ПВЛ в разных ее частях.

Вследствие большого сходства между батальными описаниями выделение подтипов среди сообщений ХГА и ПВЛ производилось по следующей схеме: сначала была выделена основная конструкция, на которой строятся сообщения, относящиеся к тому или иному типу (краткие или полные), затем были выделены подтипы, различающиеся по тому, какие дополнительные элементы добавлены к данной конструкции и как эти элементы расположены относительно друг друга.

В случае с краткими сообщениями ХГА основная конструкция выглядит так: начало сражения — сжатое описание — результат. К данной группе относятся следующие подтипы:

1) к основной конструкции не добавлено никаких элементов: «Тем же ступившеси Константиноградцы на обры на воа собравшеса, и бившимся им, и многы тысящ от них избивше и во всю землю вогнаша»⁵;

2) к основной конструкции прибавлен один краткий элемент. В качестве такого элемента выступает указание на численность войск: «Хоздрои же, услышав Ираклиево веше шествование, и единого воеводу с тремядесяты тысящ оружник посла нань. Полкома бившеса избieni быша вси»⁶. Также к таким элементам относятся: указание на место битвы⁷, объяснение причин победы или поражения⁸, дата⁹. При этом дополнительный элемент может находиться как до, так и после сжатого описания.

По аналогичной схеме были рассмотрены остальные сообщения ХГА и ПВЛ.

Сопоставление полученных результатов показывает, что сходство между структурами батальных описаний ХГА и ПВЛ проявляется по всем параметрам: основные конструкции, расположение, состав, количество и объем дополнительных элементов. Лишь в некоторых случаях в ПВЛ встречаются сообщения, отличающиеся тем, что изменена основная конструкция (вместо «сжатого описания» находится указание на место сражения или объяснение причин поражения/победы)¹⁰, или добавлен элемент, который не встречается в ХГА (расстановка войск¹¹ или особенности местности¹²), или, наоборот, элемент из хроники не встречается в летописи (сообщение об источнике информации)¹³, а также встречаются сообщения с большим, чем в хронике, количеством составляющих элементов¹⁴.

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на сходство, наблюдаемое между параметрами структур, они, за исключением кратких сообщений со структурой «начало сражения — сжатое описание — результат», сильно варьируются. Каждое отдельное летописное сообщение отличается от сообщений ХГА или составом элементов, или их объемом, или их количеством, или их расположением.

Далее был рассмотрен вопрос, в какие периоды появлялись сообщения того или иного подтипа, выявленного для сообщений ХГА, в ПВЛ. В пластах ПВЛ, относящихся к более раннему Начальному своду, как правило, используются подтипы сообщений, характерные для ХГА, в которых к основной конструкции добавлено небольшое количество кратких дополнительных элементов, а в пластах, относящихся собственно к ПВЛ, — подтипы, в которых к основной конструкции добавлено большое количество объемных элементов. Кроме того, после 1091 г. в ПВЛ появляются сообщения, хотя и находящиеся в «рамках» подтипов ХГА, но существенно отличающиеся по количеству и объему составляющих элементов.

⁴ Денисов С. А. Батальные описания в тексте «Повести временных лет» за X—XI вв.: Опыт датировки по структуре // Источниковедческие исследования. М., 2006. Вып. 3. С. 53—81.

⁵ Истрин В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха. С. 434, 465, 520, 524, 528, 530, 560.

⁶ Там же. С. 434—435, 453.

⁷ Там же. С. 504, 509, 529, 530—531.

⁸ Там же. С. 557.

⁹ Там же. С. 527—528.

¹⁰ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 83—84, 167, 200; ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 71, 156—157, 191; ПСРЛ. М., 1989. Т. 38. С. 41, 71, 81.

¹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 148; Т. II. Стб. 135—136; Т. 38. С. 64.

¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 269—270; Т. II. Стб. 244—245; Т. 38. С. 88.

¹³ Истрин В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха. С. 432.

¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 122—123, 146—147, 239—240, 270—271; Т. II. Стб. 110—111, 134, 229—230, 245—246; Т. 38. С. 55—56, 63—64, 94, 101.

Это позволяет сделать вывод о том, что сообщения ХГА являлись для летописца, с одной стороны, определенным образцом в плане взаиморасположения, состава, количества и объема элементов, а с другой стороны, автор летописи в рамках, подразумевающих фиксированное взаиморасположение и состав элементов, создаваемых хроникой, мог составлять свои конструкции, варьируя количество и объем элементов. При этом наиболее существенная вариация относится к завершающему этапу создания летописи и была произведена непосредственным автором ПВЛ. Однако важно подчеркнуть, что и в этот период данные рамки так и не были существенно изменены, что еще раз говорит о сильном и устойчивом влиянии ХГА на летопись.

Д. А. Добровольский (Москва)

ВОПРОС ОБ ОСНОВАНИИ НОВГОРОДА В ЛЕТОПИСАНИИ XI – НАЧАЛА XII в.

В богатой тематической палитре летописания XI – начала XII в. обращает на себя внимание ряд сюжетов, которые по-разному трактовались на разных этапах развития изучаемого текста. Одна из таких примечательных и показательных нестыковок связана с вопросом об основании Новгорода.

Первое упоминание города на Волхове находится в летописном рассказе о расселении славян: «словѣни же сѣдоша около езера Илмеря. [и] прозвашася своимъ имянемъ и сѣдѣлаша градъ. и нарекоша и Новѣгородъ». В свою очередь, в легенде об апостоле Андрее место обитания приильменских словен обозначается так, как будто бы на описываемый момент их главного города еще не существовало: «и приде в словѣни. идеже нынѣ Новѣгородъ». Наконец, из статьи 6360 г. по версии Ипатьевской, Радзивиловской и Московско-Академической летописей следует, что Новгород (вторым после Ладоги) построили пришедшие из-за моря варяги. Правда, сведения легенды об апостоле Андрее и сообщение 6360 г. нетрудно согласовать между собой, но это лишь оттеняет несовместимость соответствующей версии с вариантом, представленным в рассказе о приходе славян с Дуная.

В некоторых ранних работах А. А. Шахматов допускал, что сведения о расселении славян могли читаться не только в Повести временных лет, но и в каком-то из летописных сводов XI в.¹ Однако в дальнейшем ученый данную версию оставил, отнеся к наиболее крупному Начальному своду XI в. фрагмент, известный как Предисловие к Софийскому временнику. В то же время явная взаимосвязь первой фразы летописного рассказа о Кие, Щеке и Хориве с так называемыми таблицами народов (Быт. 10) вынудила специалистов вернуться к мысли о присутствии какого-то рассказа о расселении народов (в том числе славян) уже в летописании XI в. Сегодня данный тезис разделяют не только противники шахматовской атрибуции Предисловия (В. Я. Петрухин), но и, показательным образом, ее сторонники (А. А. Гишпиус). Не так однозначен вопрос о времени появления альтернативной трактовки, связывающей основание Новгорода с деятельностью приглашенных варяжских князей.

Авторы новейших исследований придерживаются точки зрения А. А. Шахматова, по наблюдениям которого сведения о строительной деятельности варягов, включая закладку Новгорода, отсутствуют в Лаврентьевской, Троицкой летописях и Новгородской I летописи младшего извода, а значит, были внесены в Начальную летопись только при гипотетическом итоговом редактировании последней в 1117–1118 г.² Предложенная Л. Мюллером и в несколько другой форме А. Г. Кузьминым атрибуция «норманнистской» версии основания Новгорода уже «автору» Повести временных лет (если не его предшественникам) встречала поддержку со стороны ряда специалистов³, но широкого распространения не получила.

¹ Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I. Кн. 2. С. 183–184.

² Гишпиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет: I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 34–35.

³ Ср.: Творогов О. В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In Меморіам: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 207.

Вместе с тем А. А. Шахматов утверждал, что Лаврентьевская, Троицкая и Новгородская I летописи сохранили один и тот же вид сказания о призвании варягов. Однако в завершающей части сообщения о приходе Рюрика Лаврентьевская и Троицкая летописи содержат сразу три фразы, которые не имеют аналогов в новгородской традиции, зато знакомы Ипатьевской, Радзивилловской и Московско-Академической летописям, представляющим в передаче статьи 6360 г. текст Повести временных лет в редакции 1118 г.: «по дву же лѣту. Синеусъ умре. а братъ его Труворъ. и прия власть Рюрикъ. и раздая мужемъ своимъ грады. овому Полотескѣ овому Ростовѣ другому Бѣлоозеро. и по тѣмъ городомъ суть находници варязи а первии насельници в Новѣгородѣ словѣне. [въ] Полотьски кривичи. в Ростовѣ меря. в Бѣлѣозерѣ весь. в Муромѣ мурома. и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ»⁴.

Доступный материал не дает оснований полностью отвергать возможность сокращения древнего текста новгородскими переписчиками XII–XV в. С другой стороны, в Лаврентьевской летописи нет ни упоминания Ладоги, ни сообщения о переносе княжеской резиденции «къ Ильмерю», так что сближение «лаврентьевско-троицкого» вида сказания о варягах с «ипатьевско-радзивилловским» потребует дополнительной гипотезы о сокращениях, произведенных уже после образования самостоятельного архетипа Радзивилловской и Московско-Академической летописей. В то же время в тексте Лаврентьевской летописи союз *и* объединяет аорист *прия* с причастием от антонимичного *приятн* глагола *раздаяти*. Данное чтение уступает в стройности как чтению Новгородской I летописи, где фразы о раздаче городов нет вообще, так и варианту Ипатьевской–Радзивилловской–Московско-Академической летописей, где *раздая* (1) относится не к *прия*, а к нейтральному глаголу *сѣде*, (2) предваряется еще одним причастием *княжа* («и сѣде ту княжа. и раздая мужемъ своимъ волости. и города рубити»). Иными словами, самый ранний, по классической схеме, вид текста оказывается одновременно и наименее удачным в стилистическом отношении. Кроме того, еще одним признаком редакторской активности может оказаться появление в Лаврентьевской летописи разговорной формы *дву лѣту* (и в Ипатьевской, и в Радзивилловской, и в Новгородской I летописях сохраняется книжное *двою*). Психологические мотивы для вмешательства в статью 6360 г. со стороны составителя архетипа Лаврентьевской и Троицкой летописей указаны Л. Мюллером. Видимо, первоначально локальные традиции в передаче сказания о призвании варягов не различались, а «норманистская» версия основания Новгорода излагалась уже в исходной, «авторской» редакции Повести временных лет.

Важно подчеркнуть, что трансформация взгляда на основание Новгорода хорошо согласуется с общими изменениями в отношении летописцев к княжеской власти, становящемуся в начале XII в. существенно более лояльным, чем раньше. Скорее всего, замена первоначальной «автохтонистской» версии событий на «норманистскую» была обусловлена именно новым пониманием княжеской власти, которое появляется в тексте Начальной летописи под пером составителя Повести временных лет.

⁴ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 20 (чтение, отсутствующее в Новгородской I летописи, выделено курсивом).

В. К. Зиборов (Санкт-Петербург)

О НОВОЙ БИОГРАФИИ НЕСТОРА

Биография монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, автора двух Житий и предполагаемого автора Повести временных лет (далее – ПВЛ), основана на прочтении и анализе текстов летописей Лаврентьевской (далее – ЛЛ) и Ипатьевской (далее – ИЛ) в рамках ПВЛ. Из текстов этих летописей берутся, прежде всего, известия 6559 (1051), 6582 (1074) и 6599 (1091) г., где один из русских летописцев говорит от первого лица; к этим данным прибавляются наблюдения над перечнем русских князей под 6360 (852) г. и известием 6618 (1110) г., после которого в ЛЛ следует приписка игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра (далее даты указываются от Р. Х.).

На основе перечисленных данных, с учетом монастырского предания о Несторе-летописце, получились примерные годы жизни Нестора: 50-е годы XI в. (?) — начало XII в. (иногда даже указывают точную дату смерти — 27 октября 1114 г.).

В результате длительного анализа двух агиографических произведений, написанных Нестором (Житие Бориса и Глеба, Житие Феодосия Печерского), и летописного текста ЛЛ—ИЛ в рамках ПВЛ было выявлено большое количество противоречий, которые ставили под сомнение участие Нестора в создании какой-либо русской летописи. Приведу лишь одно из таких противоречий: Нестор в Житии Феодосия сообщает, что он поступил в монастырь при игумене Стефане, т. е. между 1074 и 1078 г., а в статье 1051 г. летописец от первого лица говорит, что он семнадцатилетним поступил в монастырь при игумене Феодосии (т. е. до 1074 г.).

С учетом этих противоречий в последние десятилетия высказывалось мнение о том, что вопрос об участии Нестора в создании ПВЛ не имеет решения. Да, не имеет, если идти по общепринятому пути исследования, который заключается в том, что тексты Жития Бориса и Глеба и Жития Феодосия сравниваются с текстами ЛЛ—ИЛ. Возникла явная необходимость поиска новых направлений исследования, при этом опирающихся на наблюдения и результаты самого авторитетного ученого в данной области науки — А. А. Шахматова. Одним из таких перспективных положений А. А. Шахматова является следующее: в начальной части Новгородской I летописи младшего извода (далее — НИМЛ) в рамках ПВЛ до нас дошел летописный свод более ранний, чем ПВЛ (его А. А. Шахматов называл Начальным Киевским летописным сводом и датировал 90-ми годами XI в.).

Несколько слов о НИМЛ и о летописном своде XI в., в ней находящемся. Этот свод помимо НИМЛ представлен во многих летописях, группирующихся, согласно наблюдению А. А. Шахматова, вокруг Софийской I и Новгородской IV летописей, в этот круг входит и Тверская летопись¹. НИМЛ имеет утраты текста, а летописи, близкие к ней по своей истории, эти утраты восполняют. Одна из таких утрат находится в известии 1074 г., где сообщается о преставлении игумена Феодосия, текст этого сообщения оборван так внезапно, что даже дата смерти Феодосия в нем отсутствует. А. А. Шахматов считал, что утрата текста была значительной, там описывались события 1075—1095 г.² На мой взгляд, утрата текста в НИМЛ была небольшой. Упомянутые летописи, за исключением НИМЛ, имеют явную близость в описании событий до 1075 г., после которого расходятся в своем изложении. Получается, что в XI в. существовал летописный свод, доводивший погодное изложение событий до 1076 г., и что этот летописный свод отразился в НИМЛ и в близких к ней по своей истории летописях.

С летописи, составленной в Киеве в 1077 г. и доводившей изложение событий до 1076 г., была снята копия, позднее она была использована при основании нового центра русского летописания — новгородского. Автор свода 1076 г., вероятно, продолжил свою работу над летописью. Это предположение можно подкрепить следующими наблюдениями. Летописный свод 1076 г. (НИМЛ) имеет характерные особенности: в нем используется в качестве дополнительного источника богослужебный сборник Паремийник, цитаты из него на материале ЛЛ—ИЛ прослеживаются в летописном тексте по 1093 г. включительно; подробные известия о Тмуторокани, впервые появляющиеся в тексте НИМЛ, встречаются в тексте ЛЛ—ИЛ до 1094 г.; тематическая близость текста Предисловия, находящегося в НИМЛ, с известием 1093 г. в ЛЛ—ИЛ, отмеченная А. А. Шахматовым³. Получается, что первый этап работы одного и того же автора представлен в НИМЛ, а второй в ЛЛ—ИЛ; на первом этапе он работал в 1077 г., на втором примерно в 1094 г.

Нестор, пришедший в монастырь между 1074 и 1078 г., мог быть автором летописного свода 1076 г., потому что тексты двух житий, написанных Нестором, прежде всего необходимо сравнивать с текстом именно этого летописного свода, представленного в НИМЛ, и с его продолжением до 1094 г. в ЛЛ—ИЛ.

¹ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I. Кн. 2. С. 380.

² Там же. С. 386—387.

³ Там же. С. 383.

Перейдем к Житию Бориса и Глеба. Для текстов всех редакций Жития характерно утверждение Нестора о том, что апостолы на русской земле не проповедовали⁴. Это утверждение не согласуется с текстами летописей типа ЛЛ—ИП, где, например, читается легенда об апостоле Андрее. В НИМЛ нет никаких упоминаний об апостоле Андрее, зато в ней говорится под 983 и 988 г. о том, что апостолов на Русской земле не было⁵. Есть и другие примеры, объединяющие тексты Жития и НИМЛ.

Если мы обратимся к Житию Феодосия Печерского, известному нам по Успенскому списку конца XII — начала XIII в., и сравним его с НИМЛ, то окажется, что почти все отмеченные в литературе противоречия между Житием и летописью типа ЛЛ—ИЛ полностью исчезают при сравнении текста Жития с НИМЛ (А. Г. Кузьмин насчитал 10 существенных различий⁶). Если сопоставить статью 1074 г. НИМЛ и ЛЛ—ИЛ, то окажется, что факты, приводимые Нестором в его Житии Феодосия, соответствуют фактам НИМЛ и имеют противоречия с ЛЛ—ИЛ. Известия 1051, 1074 и 1091 г. ЛЛ—ИЛ написаны преемником Нестора, также монахом Киево-Печерского монастыря.

Монастырское предание об участии монаха Нестора в создании летописи подтвердилось, он начал свою работу в 1077 г., а закончил около 1094 г. Под пером этого летописца и автора Жития Феодосия появляются записи о событиях, происходивших в Тмуторокани. Тмутороканские известия исчезают из летописи тогда же, когда прекращается использование внелетописного источника — Паремийника. Если проанализировать известие 1068 г. об отравлении в Тмуторокани князя Ростислава корсунским котопаном (подробное описание событий дополняется литературным портретом князя, указаны точная дата смерти и место захоронения), то можно предположить, что оно сделано со слов одного из дружинников князя, присутствовавшего на том пиру, а может быть, и самим дружинником. В своей летописи Нестор неоднократно обращался к теме взаимоотношений князя и дружины, эта тема была для него явно значительной. Она присутствует уже в предисловии летописца. Нестор начал писать свою летопись сразу же по поступлении в монастырь, когда мирские интересы еще не забылись. Представление о том, как должны строиться взаимоотношения князя и дружины, Нестор подкрепил авторитетом князя Владимира, крестившего Русскую землю. В рассказе своего предшественника под 996 г. он сделал соответствующую вставку, она выявляется при сравнении текстов НИМЛ и Устюжского летописца (первичность текста последнего по отношению к первой основана на следующем: отсутствие цитат из Паремийника в Устюжском летописце). Нестор привлек авторитет не только князя Владимира, но и мнение иностранцев по этому вопросу (в сообщении о послах «из Неметь» к князю Святославу под 1075 г.⁷). Отстаивание старых традиций во взаимоотношениях князя и дружины в сочетании с подробным описанием пира, где князь Ростислав с дружиной принимал греческого котопана, позволяет предположить, что Нестор до поступления в монастырь был одним из дружинников тмутороканского князя. Нестор завершает свою работу над летописью около 1094 г., т. е. примерно этим годом можно датировать время его смерти.

⁴ Зиборов В. К. О летописи Нестора. СПб., 1995. С. 157–158 (более подробно см. гл. 2–4).

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 157–158.

⁶ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 146–147. Более подробно см.: Зиборов В. К. О летописи Нестора. Гл. 2.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 190; ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стб. 172.

С. А. Иванов (Москва)

СПАСТИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

В Повести временных лет (далее — ПВЛ) под 980 г. рассказывается о женолюбии Владимира Святославича и проведена соответствующая параллель между ним и царем Соломоном. Однако есть, по мнению летописца, и разница между ними: библейский царь «мудръ же бе, а **наконецъ погибе**; се же бе невегольсь, а наконецъ обрете спасенье»¹. Если мудрость Соломона — его постоянный эпитет, то суровый приговор царю взят летописцем из славянского Амартола: «Но на старость и **на конецъ** падься **погибе**»². На это заимствование не обратили внимания ни А. А. Шахматов, ни В. И. Истрин, ни кто-либо еще из исследователей³. Как известно, А. А. Шахматов считал, что «весь отрывок Начального Свода (и ПВЛ), где говорится о блудной жизни Владимира, заимствован из Корсунской легенды»⁴. Если ученый включал в этот отрывок и сравнение Владимира с Соломоном, то его утверждение должно быть скорректировано с учетом данного заимствования.

Однако еще любопытнее тот факт, что в следующей фразе летописец, как кажется, смягчает вынесенный библейскому царю приговор: «Зло бо есть женьская прелесть, яко же рече Соломанъ, **покаявся**». И далее пространно цитируются Притчи о злой и доброй женах. А. А. Шахматов считал, и наверняка справедливо, что этот пассаж — более поздняя вставка в летописный рассказ о Владимире⁵. Но почему же в двух соседних фразах так по-разному решена судьба Соломона?

Умозаключение о том, что в цитированном только что пассаже подразумевается спасение души Соломона, мы выводим из очень похожего контекста (псевдо-)Афанасия Александрийского, который пишет: «**Соломон был мудр**, а позднее сделался женолюбив, но после (Божьего) гнева, **покаявшись**, был помилован (eleethee **metanoesas**)»⁶. Первая половина фразы переключается с первым летописным сообщением о Соломоне («Мудръ же бе»), а вторая — со вторым («покаявся»).

Вообще, вопрос о том, спасся ли царственный женолюбец, был в Византии предметом острой богословской дискуссии. Так, Евстафий Антиохийский был «за Соломона», а Иоанн Златоуст и Кирилл Александрийский — против. К стану «противников» царя принадлежал, видимо, и Амфилохий Иконийский. В его проповеди «На преполовение Пятидесятницы» есть такая фраза: «Мудр Соломон, а в конце поскользнулся (sophos ho Solomoon, all' eis to telos oolistheesen)»⁷. Кстати, эта фраза была дословно переведена в том сочинении, которое легло в основу Речи философа к Владимиру в ПВЛ: «Соломан... бысть мудръ, но наконецъ поползеса»⁸. Однако, строго говоря, эта фраза не затрагивает вопроса о том, спасся ли царь: ведь греховности Соломона не ставили под сомнение и его «сторонники».

В Житии Нифонта Константианского (вторая половина X в.) ученик говорит святому: «Мое сердце очень печалится из-за царя Соломона. Ведь одни утверждают, что он спасся, а другие — что нет...» Нифонт дает уклончивый ответ: «Этого не знает никто, кроме единого Бога, сие никогда не было открыто никому из святых». Но ученик не сдаётся: «Я уверен, что смогу узнать правду от тебя». И тогда святой уступает: «И я тужил... что такой праведник погиб. Но милостивый Бог... открыл мне собственными Своими устами, что "он не погиб, как вы предполагаете... Я излил на него свою милость и помог ему"»⁹. Не исключено, что славянский перевод этого жития, очень популярный на Руси, и сыграл определенную роль в «помиловании» Соломона Нестором. А возможно, здесь сказалось влияние

¹ ПВЛ. 1996. С. 37; ср.: НПЛ. 2000. С. 29, 528.

² Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. I. С. 152.24. Ср.: Georgii monachi chronicon / ed. C. de Boor. I. 1978. P. 211.24.

³ Данилевский И. Н. Библизмы ПВЛ // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI в. Сб. 3. М., 1992. С. 81; Концев А. В. Fornicator immensus — о «гареме» киевского князя Владимира Святославича // Russian history / Histoire russe. 2004. Vol. 31. № 1–2. P. 1.

⁴ Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. I. Кн. 1. С. 107.

⁵ Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 123.

⁶ Athanasii Alexandrini Synopsis scripturae sacrae // Patrologiae cursus completus. Series Graeca. 1887. Т. 28. P. 384.

⁷ Amphilochii Oratio in mesopentecosten. l.168–169 // Amphilochii Iconiensis opera / ed. C. Datema. Turnhout, 1978.

⁸ ПВЛ. 1996. С. 44.

⁹ Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови / Підг. А. В. Ристенко. Одеса, 1928. С. 58–59.

византийской иконографии, в которой к XI в. прочно утвердилось изображение Соломона в сценах Сошествия во Ад¹⁰. Сочинений средневизантийского времени, в которых содержалась бы апология царя, нам неизвестно, но о том, что они существовали, косвенно свидетельствует яростная полемика со стороны противоположного лагеря: в XII в. Михаил Глика посвятил проблеме спасения библейского героя целый трактат. Он начинается как раз с намека на «иконографический» аргумент и с упоминания о раскаянии Соломона: «Говорят, что он вознесся из Ада вместе с Господом и был сопричислен святым пророкам в священных полатах, пользуясь тем, что покаялся в прегрешениях... Не дай и себя ввести в заблуждение подобными аргументами»¹¹. С Гликой солидаризуется и Георгий Кедрин¹². Таким образом, если первоначальное осуждение Соломона на вечные муки попало в летопись из хроники Амартола, то позднейшая его «реабилитация» опирается, быть может, на некоторое знакомство с актуальной богословской полемикой, происходившей в Византии.

¹⁰ Kartsonis A. D. Anastasis. The Making of an Image. Princeton, 1986. P. 231.

¹¹ *Mihaeel tou Gluka. Eis tas aporias tees Theias Grafees* / ed. S. Eustratiades. Alexandria, 1912. P. 69. Все письмо Глики имеет № 52 и занимает страницы 68–77.

¹² *Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope* / ed. I. Bekker. Bonn, 1838. V. I. P. 169–173.

Н. П. Иванова (Барнаул)

СВЯТОЧНОЕ ДАТИРОВАНИЕ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Месяцеслов является уникальным историческим источником. Месяцесловы появляются на Руси вместе с другими богослужебными книгами после принятия христианства. Здесь они получают второе, более распространенное название — святцы. Постепенно святцы настолько прочно вошли в жизнь древнерусского общества, что стали употребляться параллельно, а порой вместо календаря. Эта традиция сохранялась в русской традиции довольно долго.

Русские летописцы в своих произведениях также использовали месяцеслов для датирования исторических событий. Мы попытались проанализировать, насколько рано святцы начинают использоваться в летописях в качестве датирующего элемента и каким образом эта традиция укоренялась на Руси. Для этого мы ограничили хронологические рамки своего исследования Повестью временных лет (далее — ПВЛ), а точнее, окончанием третьей (Ипатьевской) редакции (по А. А. Шахматову).

Наиболее раннее сообщение, имеющее святочное датирование, встречается в новгородских летописях: Софийской Первой и Новгородской Четвертой, в которых, как известно, лучше сохранился протограф ПВЛ. Это известие 6376 г. о землетрясении в Царьграде, продлившемся 40 дней и начавшемся на память св. Полиевкта. Этого сообщения нет в списках Новгородской Первой летописи, а также в списках Лаврентьевской и Ипатьевской редакций. Хотя оно не относится к событиям русской истории, остановимся на нем подробнее, поскольку из его анализа видно, что летописцы изначально избрали для себя возможность датировать события с помощью святцев, даже не прибавляя календарной даты.

Именно это известие заставляет задуматься об истоках зарождения святочного датирования в русском летописании. Очевидно, что традицию святочных датировок летописцы Древней Руси заимствовали из греческих источников, и то, что в русских летописях сохранилось известие о землетрясении в Царьграде с такой датировкой, наглядный тому пример.

У Сергия в «Полном месяцеслове Востока» есть небольшая заметка об этом землетрясении, произошедшем 9 или 10 января 869 г., при императоре Василии Македоняине, во время которого была разрушена церковь Богородицы в Сигме. В древнерусских месяцесловах память об этом

землетрясения зафиксирована под 9 января в Типографском-6 Евангелии XII в., в Евангелии XIII в. (Пог. 13), в Холмском Евангелии второй половины XIII в. и др.¹

Судя по святочной датировке этого землетрясения в летописи, составитель ориентировался на память мученика Полиевкта. Надо отметить, что день поминовения этого святого некоторые римские мартирологи относят к 10 января². Константинопольская же церковь, Устав которой некоторое время использовала и Русская православная церковь, ориентировалась на 9 января при поминовении св. Полиевкта.

Что касается русских летописных источников, то кроме двух вышеназванных списков землетрясение 869 г. упоминается во Владимирском и Пискаревском летописцах. Причем во всех летописях землетрясение датируется только святочным обозначением без юлианской даты, что свидетельствует о том, что запись имеет общий первоисточник и, вероятнее всего, византийское происхождение. Очевидно, что в одном из древних источников было отмечено совпадение двух событий: «труса» и памяти св. Полиевкта.

На протяжении ПВЛ нами выявлено десять святочных обозначений, из которых четыре — это случаи перенесения мощей подвижников веры, в дальнейшем канонизированных Русской православной церковью, а эти события были внесены в святцы как отдельные праздники. К таковым относятся, в частности, два перенесения мощей Бориса и Глеба (6580 и 6623 г.), перенесение мощей Николая Мирликийского (6596 г.)³, причем это сообщение есть только в Н4Л и в Холмогорской летописи, а также перенесение мощей Феодосия Печерского (6599 г.).

Остальные святочные отсылки используются в качестве датирующих элементов, однако только в двух датах мы имеем полный хронологический комплекс (юлианская дата плюс святочное обозначение). Причем одна из них (дата смерти Ярослава Мудрого) имеет явно не святочное происхождение⁴.

Четыре же оставшиеся (включая и память св. Полиевкта) содержат только отсылку на святочное обозначение без юлианской даты.

Первым собственно русским событием, имеющим святочное датирование, является сообщение 6504 г. о набеге печенегов на Русь. Праздник Преображения Господня, обычно отмечаемый в святцах 6 августа, стал датирующим элементом битвы князя Владимира с печенегами под Василевым. В этой же статье говорится о том, что, попирав в Василеве 8 дней, Владимир вернулся Киев «на Успение святой Богородицы», т. е. 15 августа. Все хронологические показатели, относящиеся к данному эпизоду, согласуются между собой. Это два наиболее крупных праздника, так же как праздник Воздвижения Честного Креста (6558 г.), и месяцесловы не имеют расхождений в их датировании.

О последнем событии в указанном нами хронологическом промежутке сообщается под 6624 г. Это поход Мстислава Владимировича на чудь и взятие Медвежьей головы датируется только в новгородских летописях памятью 40 мучеников. Здесь, безусловно, имеются в виду 40 севастиийских мучеников, память которых в месяцесловах отмечена 9 марта.

В целом, как видно из приведенной ниже таблицы, больше всего святочных обозначений сохранилось в новгородских летописях. Причем прослеживается некоторая закономерность в распределении святочных обозначений в ПВЛ. До даты смерти Ярослава Мудрого (6562 г.) в основном встречаются святочные обозначения, не привязанные к юлианской дате («Преображение Господне», «на Успение святых Богородицы», «на 40 святых» и др.), после этого святочные отсылки чаще всего имеют привязку к юлианскому числу (за исключением взятия Медвежьей головы).

Таким образом, можно констатировать, что традиция святочного датирования исторических событий зародилась на Руси достаточно рано, вероятнее всего, присутствовала еще в протографах ПВЛ и была заимствована у представителей православного мира.

¹ Лосева О. В. О землетрясениях в греческих месяцесловах и об особенностях Холмского Евангелия XIII в. // Записки отдела рукописей. М., 2000. Вып. 51. С. 342, 344; Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 244.

² Сергей (Спаский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. 2-е изд. Владимир, 1901 (репринт: М., 1997). Т. II. С. 9; Т. III. С. 16.

³ См.: Иванова Н. П. О причинах возникновения и укоренения культа святого Николая Чудотворца в Древней Руси // Мат-лы межд. конф. «Первые исторические чтения Томского гос. пед. ун-та». Томск, 2005. С. 61–66.

⁴ Цыб С. В. Хронология домонгольской Руси. Барнаул, 2003. Ч. 1: Киевский период. С. 108–111.

Таблица 1. Частота употреблений святочных обозначений в летописях

название летописи / год от С.М.	Н1Л Син.	Н1Л Ком.	С1Л	Н4Л	ЛЛ	ИЛ	ПЛ	ХЛ	ВЛ
6376	–	–	0/1	0/1	–	–	0/1	+	0/1
6504	–	0/2	0/2	0/2	0/2	0/2	+	+	–
6558	–	+	0/1	0/1	–	–	0/1	+	+
6562/61	0/0	0/1	1/1	1/1	0/1	1/1	1** /0	+	1/1(*)
6577	1/1	–	1/1	1/1	–	–	1/1	+	1**/0
6580	+	+	2/1	1/1	1** /1	1** /1	1/1	+	1/1
6596	–	–	–	0/1	–	–	–	0/1	–
6599	+	+	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	–	1/1
6623	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	1/1	–	1/1	1/1
6624	0/1	0/1	+	0/1	–	–	–	–	0/1

Условные обозначения:

дробь означает юлианское число / святочное обозначение

(*) означает разночтение в годе

** означает разночтение в юлианской дате

*** означает разночтение в святочном обозначении в разных летописях

«–» означает отсутствие известия

«+» означает наличие известия без даты

ВЛ – Владимирский летописец

ИЛ – Ипатьевская летопись

Ком. – Новгородская Первая летопись младшего извода по Комиссионному списку

ЛЛ – Лаврентьевская летопись

Н1Л – Новгородская Первая летопись

Н4Л – Новгородская Четвертая летопись

ПЛ – Пискаревский летописец

Син. – Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку

С1Л – Софийская Первая летопись

ХЛ – Холмогорская летопись

Е. Л. Конявская (Москва)

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ И КРАТКИЙ НОВГОРОДСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Краткий новгородский летописец, представляющий собой в основном сокращение новгородской владычной летописи, отразился в Рогожском летописце (далее – Рог), Летописи Авраамки (далее – ЛА), Летописце епископа Павла (далее – ЛЕП), Летописи из Троицкого собр. № 805 (далее – Тр), Новгородской Большаковской летописи (далее – НБЛ) и отчасти в Летописи по списку Н. К. Никольского. Общность этих памятников отмечалась исследователями. Так, А. А. Шахматов определил, что первые три из них имели общий протограф – «краткое извлечение из Новгородского свода 1448 г.»¹. Позже А. Н. Насонов, а затем Б. М. Клосс указали на сходство с ними Тр, ЛН и ЛЕП. Обнаружение НБЛ, дальнейшее изучение указанных сводов и отказ современной науки от идеи «свода 1448 г.» заставляют обратить

¹ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. // Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 746–749, 814–815 и др.

более пристальное внимание на гипотетически восстанавливаемый Краткий новгородский летописец. Анализ показывает, что наиболее ярко он обнаруживает себя в летописных статьях указанных сводов до конца 30-х годов XIII в. Далее текстуальные совпадения и сходство по составу известий уже не носят систематического характера. И если начиная с рассказа о крещении новгородцев ясно различима черед новгородских известий, а с середины 90-х годов XI в. присутствует почти исключительно новгородский материал, то начальные статьи общего протографа рассматриваемых летописей сходны с текстом ПВЛ.

Первый такой общий для перечисленных памятников текст — это фрагмент «Бысть языкъ словѣнскыи отъ плѣмене Афетова...». Он имеет заглавие «Начало земли Русской» или «Начало лѣтописцу Руской земли». Второй подзаголовок — «О Новѣгородѣ» — предвѣряет переход к повествованию о «словенах», которые основывают Новгород. Здесь читается фраза «и посадиша старѣшину Гостомысла», которая характерна для летописей новгородско-софійскаго круга. А. А. Шахматов возводил эту фразу к древнейшему пласту новгородскаго летописанія, считая ее вставкой. По отношению к ПВЛ имеются небольшие разночтенія, например: «по градомъ» вместо «по горамъ». Предпослано несколько варьирующагося заглавіе и описаніе пути из варяг в греки. Далее в Кратком летописце отсутствует весь текст, касающійся апостола Андрея, а дальнѣйшее повествованіе («Полянѣм живущим...») идет под заглавіем «О Києвѣ». В этом фрагментѣ по сравненію с ПВЛ отсутствует упоминаніе сестры Лыбеди, не говорится о лесе и ловах, не читается полемическій пассаж о Кие-перевозчикѣ.

В дальнѣйшем вышеперечисленныя летописи не всегда совпадают по количеству статей, их датам и объему, поскольку почти каждая из них, с одной стороны, что-то опускала, с другой — дополнялась по иному источнику. Наиболее «чистый» вид имеют в этом отношеніи НБЛ и ЛЕП, но в первой встречаются пропуски, объясняющіеся, скорее всего, ущербностью оригинала, а вторая предельно сокращала текст. На первом этапѣ исследования имеет смысл анализировать только общіе для всех перечисленных летописных памятников статьи, оставив их индивидуальныя отличія для изученія в дальнѣйшем.

Начиная со статьи 6367 г. летописи, отражающіе Краткій летописец, имеют даты. После этой статьи, несколько сокращающаго соответствующій текст ПВЛ, следует статья 6370 г. Если предыдущіе фрагменты оставляли возможность предполагать, что тексты ПВЛ были использованы составителем Краткаго новгородскаго летописца через посредство какой-либо летописи новгородско-софійскаго круга (тем более что слѣды новгородскаго версіи налицо: «мещера» вместо «черемисы» (кроме Рог), вставка о Гостомыслѣ и др.), то статья 6370 г. явно говорит об обратном. И НБЛ, и более поздніе летописи, восходящія к новгородско-софійскому своду, здесь отличаются от ПВЛ существенно. НБЛ все еще не имеет разбивки на годовыя статьи и содержит дополнительный текст: «а иже бяху у них, то ти насилье дѣяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди. И вѣсташа Словенѣ и Кривици и Меря и Чюдъ на Варягы». Летописи новгородско-софійскаго круга начинают статью 6370 г. со слов: «Вѣсташа кривици и словени, и меря, и чюдъ на варяги и изгнаша я за море» (ПСРЛ. Т. 42. С. 25). В ПВЛ же и Кратком новгородском летописце текст начинается: «Изгнаша Варяги за море...». Существенныя отличія от новгородских летописей есть и далее.

Вместе с тем и текст ПВЛ в летописях, отразивших Краткій летописец, представлен в сокращеніи. Так, они не содержат фрагментов, касающихся рассужденій о «руси» и других подобных обобщающих умозаклученій:

ПВЛ	Большаковская
(Лавр)идаша за море къ Варягомъ к Русі сице бо сѣ звахуть и. варязи суть. ꙗко се друзии зъвутьсѣ Свое. друзии же Оурмане. Анѣглѣне друзии Гъте. тако и си рѣша. Русь. Чюдъ [и] Словѣни. и Кривичи. всѣ земля наша велика и шбилна. а народа в ней нѣтъ. да поидѣте княжить и володѣти нами. и избращас. г. братья. с родѣз своими [и] поѣша по собѣ всю Русь. и придоша старѣшнии Рюрикъ [сѣде Новѣгородѣ]. а другии Синеоусъ на Бѣлѣшверѣ. а третии Изборѣстѣ. Труворъ. [и] ѿ тѣхъ [Варягъ] прозвасѣ Руская земля Новугородьци ти суть людѣе Нооугородьци ѿ	Идоша за море к варягом, избращася г брата с роды своими, а Рюрикъ сѣде в Новѣгородѣ, в Синеус на Белѣшверѣ, г Труворъ во Изборскѣ. По двою лѣту умре Синеус и брат его Трувор. И прият власть единъ Рюрикъ. А раздавая города людем своим (НИС. Вып. 10 (20). С. 349).

рода Варѣжска. преже бо бѣша Словѣни. по дву же лѣту. Синеоушь оумре. а братъ его Труворъ. и приа власть Рюрикъ . и раздаа мужемъ своимъ градъэ (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19–20).	

Последующие статьи также со всей очевидностью (и по составу, и по тексту) близки непосредственно к ПВЛ. Исключение представляет собой лишь известие под 6384 г., которое отсутствует в ранних летописях и читается в памятниках, по выражению А. А. Шахматова, «третьего круга». Это сообщение о смерти императора Михаила, который «црствова кд лѣта, скончася великий круг». Однако и этот текст А. А. Шахматов считал ранним и объяснял, что изначально он был заимствован из Пасхалии и читался уже в первой редакции ПВЛ. В процессе редактирования 22 года царствования императора были заменены на 24².

Обращает на себя внимание наличие в летописях, восходящих к Краткому новгородскому летописцу, даты смерти Ольги (11 июля). Можно предположить, что дата взята из Пролога, где она приводится, но в какое время и на каком этапе это случилось, сказать трудно.

Новгородский источник, близкий к использованному в НИ, сказывается в известии об установлении Ольгой погостов и даней, которое в Рог (под 6455 г.) практически полностью совпадает с первой частью статьи НМл (6454 г.):

«Иде Олга к Новгороду, и устави по Мьстѣ погосты и дань; и ловища ея суть по всей земли» (НИ. С. 113).

«Иде Олга къ Новгороду и оустави по Мьстѣ погосты и дани, и ловища ея по всей земли» (ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 14).

Правда, в Тр читается текст ПВЛ (согласно А. А. Шахматову, перешедший из Начального свода): «Иде **В**лга ко Новѣград и устави по Мьсты и по Лѣзи **в**броки и погосты, и дани, и ловища» (Л. 384). С определенной осторожностью можно предполагать, что ближе к общему протографу рассматриваемых летописей здесь Рог, так как трудно думать, что составитель Рог, сократив текст, совпадающий с ПВЛ, точно «попал» в текст НИ. Вместе с тем НБЛ, ЛА и ЛЕП не упоминают ни Мсты, ни Луги.

Таким образом, анализ начальных статей Краткого новгородского летописца показывает, что в нем отразилась летопись, в которой текст ПВЛ подвергся новгородской обработке (возможно, правке по новгородской летописи). Новгородская составляющая, обнаруживая себя первоначально лишь в деталях, затем становится все более отчетливой.

² См.: Шахматов А. А. Хронология древнейших русских летописных сводов // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 10, 16.

Н. Ф. Котляр (Киев)

ВОИНСКАЯ ПОВЕСТЬ В ЛЕТОПИСИ НЕСТОРА

Исследователи издавна отмечали сложность, своеобразную «мозаичность» летописных сводов, начиная с XII в. Мнение, согласно которому летописи состоят из разновременных и разнородных частей, представляя собой, следовательно, изводы, вовсе не ново и было высказано еще в начале XIX в. П. М. Строевым. Как писал Д. С. Лихачев, «было бы недопустимой модернизацией рассматривать тексты летописей (в том числе и Повести временных лет¹) как тексты единые, принадлежащие единому автору».

Достаточно рано в науке о летописании было высказано мнение, что в дошедших до нас сводах содержатся известия, заимствованные из различных источников, прежде всего княжеских летописцев.

¹ Далее в тексте – ПВЛ.

К. М. Бестужев-Рюмин полагал, что в составе Киевской летописи XII в. присутствуют также летописные повести. Эту мысль поддержал и развил А. А. Шахматов. Он видел в составе этого свода несколько крупных по объему летописных текстов, названных им его источниками.

Рассматривая Повесть об ослеплении теребовльского князя Василька Ростиславича (в составе ПВЛ), Д. С. Лихачев осторожно заметил, что «погодное изложение исторических событий в летописи не было обязательной и единственной формой исторических произведений XI в. и не было, таким образом, естественным отражением особенностей исторического мышления XI–XII вв.»². Думаю, что связанный рассказ об ослеплении князя Василька не является единственной Повестью в составе ПВЛ.

Многие исследователи не видели разницы между повестью в составе летописи и самой летописью. Не случайно до сих пор мы можем прочесть даже у летописцев о существовании летописей Всеволода Ольговича, его брата Святослава, Изяслава Мстиславича и его сына Мстислава и др. в составе Киевского свода XII в. Между тем существует, на мой взгляд, большая и принципиальная разница между повестями и летописями (в составе изводов). Повесть ведет свой рассказ, не обращая особенного внимания на даты событий, изложение в ней связно и целостно. Как известно, большие и малые повести, входящие в продолжение Киевской летописи в южнорусском своде — Галицко-Волынской летописи, писались вообще без обозначения годов (существующие в ее Ипатьевском списке даты расставлены намного позднее, не всегда удачно и почти всюду неточно). Главное же — в отличие от традиционной летописи в повести события сосредоточены вокруг главного героя.

Изобразительные средства и приемы в повести обычно намного более яркие, чем в летописном рассказе. Сама эмоциональность и художественность изложения в ней неизмеримо выше, чем в летописном повествовании. Думаю, это можно объяснить тем, что традиционный рассказ летописи, состоящий из отдельных погодных статей, временами связывает руки составителю, вынуждает его разделять и дробить изложение, даже в тех случаях, когда он воспользовался неизвестным нам связным и целостным произведением (рассказом или повестью). Все это проявилось в Повести о Владимире Мономахе, помещенной в ПВЛ между 1093 и 1125 г. Повесть эта, вне сомнения, является воинской.

Как заметил Д. С. Лихачев, летопись «до краев наполнена звоном военной славы», связанной во многом с именем Мономаха. Уступивший киевский стол двоюродному брату Святополку, Мономах стремительно выдвигается на первый план летописного рассказа уже в описании начала княжения Святополка. Только что севший на стол Святополк пребывал в смятении ввиду наступления половцев, и «смыслени» (вероятно, бояре) советуют ему просить помощи у Мономаха.

Явное расположение и сочувствие летописца к Владимиру Всеволодичу (что само по себе относится к чертам летописной повести) сопровождают рассказ о нем в ПВЛ. Это расположение видно как в описании поведения героя, так и в оценке его деяний (А. С. Орлов). Будучи в сущности миролюбивым человеком (перед войной с половцами в 1093 г. он высказывается за мир с ними, тогда как Святополк стремится в поход), Мономах руководствуется мыслью о необходимости отражения вторжений степняков и объединения русских князей против страшного врага. К тому же его двоюродный брат Олег Святославич начал постоянно наводить половцев на Русь, добиваясь своих корыстных целей, и повествователь страстно осуждает его («се уже третье [Олег] наведе поганья на землю Русьскую, его же грѣха дабы и Богъ простилъ, зане же много хрестьянъ изгублено бысть...»).

Особенно яркие черты воинской повести приобретает рассказ о Мономахе в ПВЛ с 1103 г. Подлинное начало этой Повести видится в статье 1103 г. С этого времени Владимир Всеволодич выдвигается на первый план в Повести, его вначале ставят рядом и наравне с киевским князем Святополком Изяславичем: «Богъ вложи в сердце княземъ рускимъ Святополку и Володимиру, и снятася думати на Долобьскѣ» о походе на половцев, после чего к ним присоединились прочие князья. Более того, Мономах преодолевает нежелание дружинников Святополка идти в степь и произносит свою знаменитую речь (начинающуюся словами: «Дивно ми, дружино, оже лошадей [крестьянских] жалуете...»), после чего пристыженный Святополк и его воины соглашаются отправиться в поход.

² Лихачев Д. С. «Повесть временных лет». Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1999. С. 349. Далее источник цитируется по этому изданию.

А вот в рассказе Повести о наиболее успешном походе русского войска в Половецкую степь 1111 г. инициатива сразу же отдана Мономаху: «Вложи Богъ Володимиру в сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганья». Для усиления эффекта повествователь повторяет речь Мономаха, обращенную к дружинникам киевского князя в 1103 г. Этот поход принес русским невиданную ранее грандиозную победу над степняками, о чем с гордостью пишет апологет Владимира Всеволодича: «Възвратишася русьстии князи въсвоия съ славою великою к своимъ людемъ. И ко всимъ странамъ далнимъ, рекуще къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима [слава] проиде...» Перед нами апофеоз и, в сущности, завершение воинской Повести о Мономахе в ПВЛ.

В соответствии с жанром, повествователь крайне благожелательно относится к Мономаху и его семейству. Даже неблагоприятные поступки героя (коварное убийство пришедших к нему на переговоры половецких ханов, попустительство Святополку и Давиду в ослеплении Василька) оправдываются автором Повести. Линия восхваления Мономаха подхвачена Киевской летописью в повестях о его «Володимировом племени», начинающихся после 1125 г.

А. В. Лаушкин (Москва)

ЕЩЕ О ТОЧНЫХ ДАТИРОВКАХ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Точные (полные) датировки в летописном повествовании, указывающие помимо года на месяц и число или на конкретный день церковного календаря, давно уже привлекли внимание исследователей. Содержащаяся в них информация чаще всего применяется для выяснения хронологии событий, а также для решения отдельных источниковедческих проблем, возникающих в ходе работы с памятниками летописания. Гораздо реже точные летописные датировки используются при изучении древнерусской темпоральной культуры — совокупности временных представлений и поведенческих норм, развивавшихся под воздействием этих представлений.

При последнем подходе точные датировки, внесенные в ткань летописного повествования, проливают свет сразу на два слоя названной культуры.

Во-первых, они позволяют выявить представления самих летописцев о значимости временной составляющей тех или иных событий, выразившиеся как в практике фиксации и внесения в летопись точных датировок, так и в форме их записи. Специальное обращение к этой теме показало, что появление точных датировок в летописных текстах раннего времени в целом не было случайным, а подчинялось некоей закономерности, которая обнаруживается уже в Повести временных лет. Хотя точные датировки в памятнике реже, чем в летописных сводах XII—XIII в., включали указания на праздник (или особый день) церковного календаря, книжники, работавшие над ПВЛ, как и их последователи, в первую очередь интересовались точной датой в случаях, если это было продиктовано канонической календарно-обрядовой необходимостью или если в описываемом ощущался провиденциальный подтекст, требующий соотнесения произошедшего с определенной точкой на линии сакрального времени¹.

Во-вторых, точные летописные датировки дают возможность понаблюдать за календарной практикой светских и церковных верхов описываемой эпохи. Речь идет об общественно-значимых событиях, даты совершения которых сознательно избирались (или в силу существовавших обстоятельств могли избираться) их главными участниками. К числу подобных событий относятся занятие князьями столов, рукоположения и настолования архиереев, закладка и освящение храмов, начало военных походов и т. д. Весьма интересные результаты обследования календарной приуроченности таких событий были получены при обращении к летописным памятникам XIV—XV в.² Датированные известия данной группы представлены

¹ Лаушкин А. В. Точные датировки в древнерусском летописании XI—XIII вв.: закономерности появления // Восточная Европа в древности и средневековье. Время источника и время в источнике. XVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2004.

² Борисов Н. С. К изучению датированных летописных известий XIV—XV веков // История СССР. 1983. № 4. С. 124—131.

и в заключительной части ПВЛ (в статьях с середины 60-х годов XIII в., где концентрируется подавляющее большинство точных датировок памятника).

В-третьих, наиболее перспективным направлением анализа названной группы датированных событий в ПВЛ, на первый взгляд, может показаться изучение предпочтений, отдаваемых при планировании тех или иных событий отдельным дням недели. Однако прямые указания на такие дни имеют немногие датировки, а их календарное вычисление по году, месяцу и дню серьезно затруднено из-за дискуссионности хронологии памятника (в частности, проблемы бытования в ПВЛ различных календарных стилей). Осторожный подход к вопросу позволяет согласиться с распространенным в литературе мнением, что значимые события церковной или политической жизни нередко назначались на воскресные дни — еженедельную «малую Пасху», собиравшую большое число молящихся в храмах. При этом представляется неверным мнение, порой используемое как аргумент в решении частных хронологических вопросов, что воскресный день для некоторых торжеств (рукоположения архиереев, закладки храмов и др.) был едва ли не обязательным.

В-четвертых, еще одна череда данных, получаемая при обращении к рассматриваемой группе датированных событий, может свидетельствовать о существовании практики приурочения некоторых важных мероприятий к дням, значимым для правящей династии. ПВЛ сообщает, что завершение возведения собора Печерского монастыря и закладка князем Святополком Изяславичем собора Михайловского монастыря пришлось на один день — 11 июля (соответственно под 6583 и 6616 г.); накануне этого же дня произошла церемония крестоцелования братьев-Ярославичей полоцкому князю Всеславу (под 6575 г.). 11 июля — день памяти княгини Ольги (еще не внесенный в церковные календари из-за отсутствия официальной канонизации святой³). Под праздник Ольгиных именин, 20 мая, по инициативе Ярославичей произошло перенесение мощей свв. Бориса и Глеба (под 6580 г.). В день именин Владимира Святого, 1 января, в первый раз сел на киевское княжение Всеволод Ярославич (под 6584 г.), а его непосредственный преемник Изяслав Ярославич, в очередной раз возвративший себе Киев, выбрал для своего вокняжения 15 июля — день памяти Владимира Святого (также еще не попавший в месяцесловы⁴) (под 6585 г.). Признать все отмеченные случаи простыми совпадениями не позволяют примеры сходных приурочений позднейшего времени (так, князь Михаил Тверской последовательно назначал даты освящения столичного собора, своей свадьбы и постригов сына на день собственных именин).

³ Лосева О. В. Русские месяцесловы XI—XIV веков. М., 2001. С. 89—90.

⁴ Там же. С. 91—92.

П. В. Лукин (Москва)

СКАЗАНИЕ О ВАРЯГАХ-МУЧЕНИКАХ В НАЧАЛЬНОМ ЛЕТОПИСАНИИ И ПРОЛОГЕ*

Рассказ о киевских варягах-мучениках, известный в двух вариантах: летописном (далее — Л) и проложном (далее — П) — издавна привлекал внимание исследователей, ведь речь в нем идет о первых русских святых. Немало потрудился над ним и А. А. Шахматов, причем именно в связи с решением проблем начального летописания и именно в монографии, с юбилеем которой связана настоящая конференция.

Это краткое, но чрезвычайно интересное повествование, тем не менее, с исторической точки зрения изучено совершенно недостаточно. Между тем оно содержит информацию не только о христианском подвиге варягов-мучеников, но и важные сведения о религиозной практике и обычном праве дохристианской Руси. Однако, прежде чем ставить и пытаться решить собственно исторические вопросы, необходимо, насколько это возможно, выяснить вопросы источниковедческие, которые неизбежно встают в связи с тем, что имеются две версии повествования.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-00440а).

Текст Л привлекается по вариантам Повести временных лет и Новгородской I летописи младшего извода¹ (далее — НПЛ мл.), в каждом из которых есть, на мой взгляд, лучшие и худшие чтения; текст П — по изданию одного из древнейших списков (в составе Синайского палимпсеста, XIII в.), в котором сохранилось принципиально важное лучшее чтение².

Сравнение обоих рассказов убедительно показывает прежде всего то, что они текстологически связаны: многие фразы повторяются буквально, существенных фактических различий нет. Такая текстологическая связь может быть объяснена, как известно, тремя способами:

- а) первична летописная повесть, а проложное житие представляет собой ее позднейшую переработку;
- б) первично проложное житие, а летописная повесть представляет собой его позднейшую переработку;
- в) оба текста независимо друг от друга восходят к общему протографу.

Все эти точки зрения уже высказывались в историографии. Наиболее яркими их сторонниками можно признать соответственно С. А. Бугославского³ и Б. М. Клосса⁴ (а), А. А. Шахматова⁵ (б) и А. Н. Насонова⁶ (в). Однако все эти исследователи не проводили полного и подробного сопоставления текстов, а ограничивались отдельными наблюдениями. Статья В. В. Колесова, посвященная именно такому сопоставлению⁷, также не решает поставленного вопроса и к тому же не лишена внутренних противоречий. А поскольку проблема весьма непростая и при «импрессионистическом» и субъективном подходе довольно легко могли быть найдены аргументы в пользу любой из точек зрения, она остается нерешенной до сих пор.

Проведенный мной анализ, основанный на возможно более полном учете показательных с текстологической точки зрения разночтений, с большой долей вероятности приводит к следующим выводам. Обе версии рассказа о варягах-мучениках чрезвычайно близки между собой, но, тем не менее, **не могут быть возведены одна к другой** (для П это исключается полностью, для Л представляется очень маловероятным). Следовательно, **это редакции одного протографа** — «Первоначального сказания» (далее — ПС), с некоторыми различиями отразившегося в обоих текстах. При этом **редакция П существенно лучше отражает протограф**, хотя некоторые лучшие чтения есть и в Л. Таким образом, при использовании Сказания о варягах-мучениках как исторического источника следует класть в основу именно П и восполнять ее пробелы на основании имеющихся в Л лучших чтений, отсутствующих в П.

Среди наиболее важных аргументов, предполагающих именно такое решение проблемы, надо отметить следующие.

1. Наличие бесспорно лучших чтений в П по сравнению с Л. Прежде всего, это «человек Божий именем» (как назван старший варяг в одном из древнейших списков П — так называемом Синайском палимпсесте), а также наличие в П точной даты подвига варягов-мучеников и имени младшего варяга (Иоанн). «Человек Божий именем», выражение, которое передает какое-то неславянское имя (им с большой долей вероятности могло быть древнескандинавское имя *Rógr* или близкое к нему по этимологии и звучанию, хотя полностью не исключены и другие, например греческие, варианты), — это, несомненно, классическая *lectio difficilior*, т. е. очевидный критерий первичности именно П.

2. Наличие в Л уточнений, связанных, по-видимому, с творчеством позднейшего летописца (топографические отсылки в связи с темой языческого жертвоприношения), и вставки богословского характера, не содержащей конкретной информации и отсутствующей в П (что уже было отмечено А. Н. Насоновым).

¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 82–83; ПСРЛ. Т. III. С. 130–131.

² Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ. Q.л.1.63) // Русская агиография. Исследования, публикации, полемика. СПб., 2005. С. 305–306.

³ Бугославский С. Отчет о занятиях в библиотеках Москвы, С.-Петербурга и с. Поречья (гр. Уваровых) (Август–Октябрь 1912 г.) // Киевские университетские известия. 1913. № 10. Октябрь.

⁴ Клосс Б. М. Житие Федора Варяга и его сына // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003.

⁵ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 109–111 (§ 104).

⁶ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII вв. Очерки и исследования. М., 1969. С. 23–25.

⁷ Колесов В. В. «Сказание о Варяге и сыне его Иоанне» // Русская речь. 1981. № 5.

3. Наличие в П некоторых, по-видимому, поздних по сравнению с Л чтений (эпитет «великий» по отношению к Владимиру Святославичу) и отсутствие некоторых, вероятно, достоверных деталей (упоминание о разрушении двора варягов в П).

Присутствие рассказа о варягах-мучениках в НПЛ мл. позволяет достаточно уверенно предположить, что он читался в Начальном своде, а следовательно, ПС не могло возникнуть позднее 90-х годов XI в. А. А. Шахматов считал, что в летопись включил этот рассказ уже составитель Древнейшего свода, составленного, по его мнению, при Ярославе Мудром. Он обосновывал это тем, что в Древнейшем своде есть «следы пользования» этим рассказом, а именно в речи немецких проповедников и в сетовании дьявола при Крещении Руси. Выше, однако, был уже сделан вывод о том, что эти оценки А. А. Шахматова отнюдь не являются бесспорными. С учетом интереса составителя именно Начального свода к топографии киевских жертвоприношений обработку Л следует связывать именно с творчеством последнего. Во всяком случае, ничто не заставляет нас считать вслед за А. А. Шахматовым, что рассказ проник в киевскую летопись ранее конца XI в. и, следовательно, именно 90-е годы XI в. следует рассматривать при датировке ПС как *terminus post quem*. Непременно связывать составление ПС с Десятинной церковью, как предлагал А. Н. Насонов, нет твердых оснований: главным свидетельством в пользу этого историк считал фразу о местоположении двора варягов, но она, скорее всего, отсутствовала в первоначальном тексте (хотя, конечно, такие детали, как точная дата преставления или имя младшего варяга (не говоря уже о собственно агиографическом характере повествования), наводят на мысль о каком-то церковном источнике).

С другой стороны, многие явно древние и достоверные черты этого исходного краткого повествования заставляют предполагать, что оно могло возникнуть и гораздо раньше, в том числе и «по горячим следам», хотя бесспорных критериев для более точной датировки нет.

А. В. Майоров (Санкт-Петербург)

К ИЗУЧЕНИЮ БЕРЛИНСКОГО СПИСКА НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ

Берлинский список (или список Филиппса) (далее — *Бр*) Новгородской Первой летописи (далее — НПЛ)¹ известен в России с начала XIX в. В XVIII—XX в. судьба *Бр* складывалась драматично: он несколько раз менял владельцев и не всегда был доступен исследователям². Видимо, поэтому только однажды *Бр* был использован при публикации текста одного из входящих в его состав древнерусских памятников.

Речь идет об опубликованном в 1947 г. тексте Краткой редакции Русской Правды³. Публикации текста предшествовало его исследование, выполненное Г. Л. Гейермансом, остающееся единственным на сегодняшний день источниковедческим исследованием *Бр*⁴.

Проведя сравнительное изучение списка, Г. Л. Гейерманс пришел к выводу, что он возник в результате редакторской работы В. Н. Татищева, подвергнувшего значительной переработке текст НПЛ (в основном путем сокращения). При этом наиболее существенной редакторской правке подвергся текст Русской Правды, в результате чего Гейерманс, а вслед за ним и составители издания 1947 г. трактовали *Бр* как самый ранний Татищевский список Правды.

Вследствие такого понимания текст Правды по *Бр* в упомянутом издании был напечатан так, как будто рукописный текст его однороден, а произведенная Татищевым правка уже учтена переписчиком.

¹ Staatsbibliothek zu Berlin — Preussischer Kulturbesitz. Handschriftenabteilung. Ms. Phil. 1987.

² Подробнее см.: Майоров А. В. Список Филиппса (Берлинский) Новгородской Первой летописи (предварительные итоги изучения) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2. С. 91–108.

³ [Мюллер Р. Б.] Татищевские списки Правды // Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. II. С. 821–824.

⁴ Гейерманс Г. Л. Татищевские списки Русской Правды // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб. 3.

Это позволило издателям представить *Br* не как список НЛ, передающий древний текст памятника, а как «Татищевский I список», отразивший ранний этап формирования татищевского текста «Собрания законов древних русских».

Между тем характерная татищевская правка внесена историком собственноручно поверх летописного текста *Br*. Почерк Татищева и чернила, которыми он пользовался, заметно отличаются от почерка и чернил писца, что позволяет в большинстве случаев без труда выделить татищевскую правку.

На протяжении всего текста Правды Татищев последовательно заменил летописные выражения «аще» на «оже» или «ижь», «или» на «оли», «иже» на «ижь», «еже» на «оже» или «ожь», переправляя соответствующие буквы в словах (не выходя за пределы строки).

В ст. 1 о кровной мести (здесь и далее нумерация дается по академическому изданию Русской Правды) летописное «братчаду» исправлено на «братачаду».

В ст. 2 о «кровоном муже» во фразе «взяти ему за обиду 3 гривны» цифра 3 переправлена из неустановимого теперь знака. Составитель Воронцовского списка НЛ (копии с *Br* первой половины 20-х годов XIX в.) (далее — *Br*) передал этот фрагмент так: «взяти ему за обиду 20 гривнень»⁵.

В ст. 12 о «чужом коне» в слове «конѣ» исправлено окончание — «кони».

В ст. 15 об «изводе пред 12 человека» во фразе «взыщеть на друзѣ проче» летописное «проче» исправлено на «прокъ» (в издании 1947 г. передано как «прочъ», в *Br* — «прочѣ»).

В ст. 16 о челядине в выражении «вдаи ты мнѣ свои челядинѣ» местоимение «мнѣ» переправлено на «ми». Эта правка осталась неучтенной в издании 1947 г., но она учтена в *Br*.

В ст. 31, устанавливающей наказание за кражу коня и пр., во фразе «аще будетъ единѣ краль, то гривну и тридесять рѣзанѣ платитъ ему» перед словом «гривну» поверх строки вставлена цифра 3, а в самом слове «гривну» последняя буква исправлена на «е».

Освобожденный таким образом от татищевской правки летописный текст и является подлинным текстом *Br* Русской Правды. О необходимости подобного восстановления текста *Br* говорил в свое время С. Н. Валк, указав на «существенную неточность», допущенную в 1947 г. издателями списка, повлекшую «ошибочное понимание» его значения⁶.

В части, содержащей текст Русской Правды, *Br* имеет ряд различий с обоими известными ныне списками НЛ середины XV в. — Академическим (далее — *Ак*) и Комиссионным (далее — *Км*), — сохранившими в своем составе древнейший текст Краткой редакции Правды. Эти различия особенно значительны во второй части памятника, именуемой Правдой Ярославичей. Примечательно, что, как показывает приводимая ниже сопоставительная таблица, упомянутых различий нет в Толстовском списке НЛ (далее — *Тл*), являющемся копией *Ак*, сделанной в конце 20-х годов XVIII в.

Ст	Академический	Толстовский	Берлинский
23	...яко оставилъ изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ дорогобудци.	...яко оставилъ изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ дорогобудци.	...яко оставилъ изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убили дорогобужцы.
24	А в сельскомъ старостѣ книжи и в ра(та)инѣмъ* 12 гривнѣ.	А в сельскомъ старостѣ книжи и в ратаинѣмъ дванадесять гривнѣ.	А в сельскомъ старостѣ книжи и врата инѣмъ** 12 гривнѣ.
26	А въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривнѣ.	А въ смердѣ и въ хопѣ пять гривнѣ.	А в смердѣ и в охотѣ 5 гривнѣ.
27	Аще роба кормилица любо кормиличиць...***	Аще роба кормилица любо кормиличиць...	Аще раба кормилица любо кормилицынѣ...
38	Аще убьютъ татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти или у хлѣва, то тои убить.	Аще убьютъ татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти или у хлѣва, то тои убить.	Аще убьютъ татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти или у хлѣба, то тои убить.
41	А от гривние мечнику куна...	А от гривние мечнику куна...	А от гريدне мечнику куна...
42	...а въ среду рѣзану, въже**** сыры, в пятницу же тако же... ...то всѣхъ кунъ 15 кунъ на недѣлю...	А от гривние мечнику куна... ...а въ среду рѣзану, в три же сыры, в пятницу же тако же... ...то всѣхъ кунъ пятнадцать кунъ на недѣлю...	...а в среду рѣзанѣ, в три же сыры, в пятницу же тако же... ...то всѣхъ кунъ 15 на недѣлю...

⁵ БАН. 31.7.31. Текст Русской Правды помещается на л. 29 об. — 31.

⁶ Валк С. Н. Татищевские списки Русской Правды // Материалы по истории СССР. М., 1957. Т. V. С. 616—617.

* В рукописи первоначально «раинѣм», слог «та» написан другими чернилами и другим почерком над строкой.

** В рукописи первоначальное «и врата инѣмъ» впоследствии переправлено на «и вратанѣмъ», в *Br* «и вратанѣмъ».

*** Первоначально в рукописи значилось «кормиличинъ».

**** Над «въж» написано другими чернилами «трн», т. е. «вторник же».

В заголовке к Правде Ярославичей в *Br* также можно найти несколько чтений, отличающих его от *Ак* и *Тл*:

<i>Академический</i>	<i>Толстовский</i>	<i>Берлинский</i>
роусьской земли	роусьской земли	рѹсской земли
съвокупилъ изаславъ всеволодь...	свокупилъ изаславъ всеволодь...	совокупилъ изаславъ всеволода...
микыфоръ кыанинь...	микыфоръ кыанинь...	никифоръ кіанинь...

В то же время текст Русской Правды по *Br* заметно отличается и от ее текста по *Км*.

В ст. 19 об убийстве огнищанина «во обиду» в *Br* читается «в подѣздномъ», а не в «ездовомъ» как в *Км* (в *Ак* «подѣздномъ»).

В ст. 33 об «умучивании» смерда, огнищанина, тиуна или мечника в *Br* читаем «в тивѹницѣ» вместо «в тиоунѣцѣ» в *Км* (в *Ак* «тивоуницѣ»).

В ст. 34 о перепаживании межи в *Br* значится «перетесь» вместо «сопретесь» в *Км* (в *Ак* «перетесь»).

В ст. 42 о «поконе вирном» в *Br* (как и в *Ак*) значится «поклонъ вирныи» вместо правильного «поконъ вирныи», которое читается в *Км*. В этой же статье в недельном «поконе» вирнику в *Br* записано: «а в сре(ду) рѣзанѹ (впоследствии «ѹ» переправлено на «ь»), в три же сыры, в патницѹ же тако же». *Км* дает сокращенный вариант: «а въ сред(оу) рѣзаноу, а в патницю тако же...» (в *Ак* текст близок к *Br*).

Ряд чтений отличают *Br* как от *Км*, так и от *Ак*:

Ст.	<i>Академический</i>	<i>Комиссионный</i>	<i>Берлинский</i>
1	...любо абетникъ...	...или табетникъ...	...любо табетникъ...
4	Аще оутнетъ мечемъ, а не вынемъ его...	Аще оутнетъ мечемъ, а не вынезь его...	Аще оутнетъ мечемъ, а не вынемъ его...
9	Оже ли кто вынезь мечъ, а не тнетъ...	Аще кто вынемъ мечъ, а не тнетъ...	Оже ли кто выневь* мечъ, а не тнетъ...
15	...ити емѹ на изводъ пред 12 человекѹка...	...ити емоу на изводъ пред 12 моужа...	...ити емѹ на зводъ предъ 12 ч(е)л(о)в(ѣ)ка...
28	...а третьакъ... за лоньщиноу... за ара...	...а третьакъ... за лоньщиноу... за ара...	...а третьакъ... за лонцинѹ... за ара...
36	...в жеравѣ...	...в жеравѣ...	...в жеравлѣ...

* Первоначально в рукописи значилось «вынезь».

Можно утверждать, что первая публикация памятника в составе татищевского «Собрания законов...» была подготовлена по тексту *Br*. Этот вывод подтверждается сопоставлением текста Русской Правды по *Br* и спискам татищевского «Собрания законов...» в редакциях 1740 и начала 1750 г. Для сравнения возьмем те статьи Правды, где текст *Br* имеет наиболее значительные смысловые отличия от текста *Ак* и *Км*:

Ст.	<i>Берлинский</i>	<i>Татищевский 1740 г.</i>	<i>Татищевский начала 1750 г.</i>
26	А в смердѣ и в охотѣ* 5 гривенъ	...а в смерде і в охоте 5 гривенъ.	...а в смерде и в охоте 5 грив[ен].
38	Аще убьютъ татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти или у хлѣба**, то тои убить.	Оже убьютъ татя на свои дворъ любо у клети, любо у жита, то тои убить.	Убьетъ татя на свои дворъ любо у клети, любо у жить, то тои убить.
41	А от гридне*** мечнику куна...	...а от гридне мечнику куна...	...а в гридне мечнику куна...

* В *Ак* «хопѣ», в *Км* «холопѣ».

** В *Ак* и *Км* «у хлѣва».

*** В *Ак* «гривние», в *Км* «гривнѣ».

К. А. Максимович (Москва)

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ И ХРОНИКА ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА:
МЕХАНИЗМЫ ЦИТИРОВАНИЯ

В. М. Истрин привел в своем издании славянской Хроники Георгия Амартола (далее – ХГА) 20 аллюзий или прямых цитат из этого памятника в Повести временных лет (далее – ПВЛ)¹. В докладе предлагается обзор наиболее важных цитат, а также интерпретация некоторых особенностей текста ПВЛ с точки зрения манеры цитирования². Греч.: τὸ πατρώου ἔθος

ЛЛ 14: законъ имуть ѿ (РА отець) своихъ вбычай

ХГА 49.27: ѿць своихъ вбычай

Внутренний диктант: описка ѿ своихъ вместо ѿць своихъ возможна только при восприятии текста на слух, когда звук ц (точнее, сочетание цс, произносившееся как долгое ц) воспринимается как сочетание тс.

Греч. παρὰ Βακτριανος

ЛЛ 14: законъ же и у Ктирианъ

ХГА 50.2: законъ ж(е) и оу Вактирианъ

При переписке слова «вактирияне» в ЛЛ пропал слог «ва». Мы объясняем это соседством *ва* с *оу* (оу Вактирианъ) – два слога, содержащие лабиальные звуки, слились в один, вероятно, в результате того же внутреннего диктанта (ср. в ХГА 305: *въ Оузаньтию* < *въ Вузаньтию*). Поскольку гаплографию как явление письменной речи здесь видеть невозможно (графически *оу* и *ва* различаются весьма существенно), то это явление устной речи – гаплогогия.

(858) Поход Михаила III на болгар. ЛЛ 19 – сокращенная версия ХГА 508.21–28: в описании ЛЛ опущено имя кесаря Варды и болгарского князя Симеона.

(866) Поход Аскольда и Дира на Царьград. ЛЛ 21 – версия ХГА 511.7–21: в ПВЛ опущено имя епарха Города (Оорифант), а Константинъ градъ назван Царьгородъ/Царьградъ, опущено объяснение происхождения района Влахерны. Погружение ризы Влахернской богородицы в море заменено погружением «в *рѣку*», *лодия* заменена на *корабль*.

(902) Поход венгров на болгар. ЛЛ 29 – сильно сокращенная версия ХГА 529.20–530.7. В ПВЛ пропущен яркий болгаризм *бѣшию*, а калька *яко* + асс. с. inf. (*яко едва Семиною въ Дерестръ вѣгнути*) заменена личной конструкцией *яко одва Семины въ Дерестръ убеж(е)*.

(907) Поход Олега на Царьград. ЛЛ 29–30 – сильно сокращенная и измененная версия ХГА 567.1–31 о походе Игоря (941 г.) с опущением византийских имен и реалий (*дромонъ, патрикии, породинастевонъ, Форо, Варда Фока, магистръ, доместикъ схоломъ, Соудъ* и др.).

(911) ЛЛ 33: ависа звезда велика на западъ купиным (А копейнымъ) вобразом. ХГА 541.12 – копииника его нарицахоу.

Смешение *копья* и *купины* в ЛЛ могло возникнуть лишь при внутреннем диктанте писца (закрытое произношение *о*).

(912) Сказание об Аполлонии Тианском (после эпизода о коне и вещем Олеге, как иллюстрация могущества волхвов).

(915) Поход Семиона во Фракию. Опущены многие византийские реалии и названия.

ЛЛ 42 демонстрирует аканье – *Дрестовъ градъ*, ср. ХГА 546.7: *Урестианъ град*. Аканье возникает как следствие внутреннего диктанта. Ср. ниже в ЛЛ гиперкорректное окающее обозначение Адрианополя: Ундр \ -нъ градъ, в ХГА 546.12 исконное: град Андрианъ.

(941) поход Игоря на Царьград. В ЛЛ 44–45 с изменениями пересказывается ХГА 567.1–31. В отличие от ст. 907 г., византийские имена и реалии (*деместикъ Памѣфиръ, Фока патрикии, Феодоръ стратилатъ*) в этот раз не опускаются.

(942) Поражение от хорватов и смерть Симеона. В ЛЛ 45 приведена сильно сокращенная версия ХГА 560.20–26.

¹ Истрин В. М. *Книгъ временъзана и вбразъзана Георгия Мниха*. Хроника Георгия Амартола в древнем славянонорусском переводе. Т. II. а) Греческий текст «Продолжения Амартола»; б) Исследование. Пг., 1922. С. 348–349.

² ПВЛ цит. по изд. Лаврентьевской летописи (далее – ЛЛ): ПСРЛ. Л., 1926. Т. I.

(943) Второе нашествие венгров на Царьград. В ЛЛ 45 — сокращенная версия ХГА 568.17–19 с пропуском византийских имен и реалий (*паракимуменъ и патрикии Феофанъ*).

(1065) В связи с появлением на западе красной звезды перечисляются знамения при императорах Антиохе, Нероне, Юстиниане, Маврикии и Константине Копрониме. ЛЛ 164–165 восходит к ХГА 200.16–19; 262.17; 421.1–7; 428.20–26; 479.16–26.

ЛЛ 165: Восия звѣзда на (РА въ) образъ копиинны, ср. ст. 911 г.

Выводы:

При цитировании ХГА в ПВЛ используются следующие механизмы:

1) Внутренний диктант. В принципе, это механизм переписки, а не цитирования. Однако необходимым условием его является относительная понятность результирующего текста, своего рода «референционный контроль» (ср. *звезда купинным образом*, вместо *копиинным образом*). Соответственно, он используется и при цитировании.

2) Опущение византийских реалий и персоналий в ст. 907 г. При создании статьи использовался более поздний материал 941 г., поэтому летописец, видимо, не захотел слишком конкретизировать свое повествование во избежание анахронизмов.

3) Сравнительно-иллюстративный подход: античное сказание о чудесах мага Аполлония Тианского (I в.) приведено в связи с эпизодом о смерти Олега от коня по пророчеству волхва (912 г.); знамения в древнем мире перечислены в связи с появлением красной звезды (1065 г.).

4) Русификация языка (ПВЛ. Ст. 902 и 915 г.).

Е. А. Мельникова (Москва)

ВРЕМЯ УСТНЫХ ПРЕДАНИЙ В СОСТАВЕ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ И ВРЕМЯ ЛЕТОПИСЦА¹

Текст ПВЛ, посвященный событиям до конца X в., за немногими исключениями представляет собой переложение устных преданий, еще бытовавших в XI — начале XII в. Последовательность их расположения относительно друг друга определялась, видимо, собственными соображениями летописцев, основанными на многих факторах, в том числе на выстраиваемой ими генеалогической цепочке киевских князей, на возможности соотнесения предания с сообщениями византийских источников, в конце XI в. — на переводах договоров с греками. Результатом этой сложной работы было создание последовательной истории Руси, начинавшейся расселением восточного славянства на Восточно-Европейской равнине и разворачивавшейся в линейном одновекторном («эсхатологическом»: И. Н. Данилевский) времени христианской культуры (Д. С. Лихачев, В. В. Мильков).

Между тем устная традиция, из которой летописец отбирал необходимые ему сюжеты, формировалась в дохристианскую эпоху и основывалась на принципиально иных формах темпоральности, причем разнохарактерных, поскольку эта традиция была гетерогенной. В ней отчетливо выделяются, по меньшей мере, два основных пласта: **племенной** (родовой), который включал как этиологические этно- и социогенетические легенды, так называемые легенды о началах (*myths of origin*), так и «исторические» предания, и **дружинный** (В. К. Соколова, Б. А. Рыбаков, Н. Ф. Котляр, Е. А. Мельникова). Первый составляли сказания о происхождении восточнославянских племен как этнокультурной общности (включая легенду о хождении апостола Андрея) и о некоторых событиях в жизни прежде всего полян. Второй — повествования о воинских деяниях русских князей, возникшие и бытовавшие в дружинной среде. Каждому из этих пластов — наряду со многими другими характеристиками — соответствовал свой вид темпоральности.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Трансформация исторической памяти: от устной исторической традиции к письменной» по программе Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Действие в архаических сказаниях этно- и социогенетического типа относится к мифологическому первовремени — творения мира, социума, культурных ценностей, а также первопредков и первоправителей (А. Ф. Лосев, М. Элиаде, Г. Ольсен). Оно было осмыслено автором ПВЛ как неопределенно-временной («легендарный») континуум, что отразилось в изложении преданий этого типа в недатируемой части произведения (в НПЛ и Начальном своде все они излагаются под общим заголовком «Начало земли Руской»). Бесспорно, справедливо общее мнение о том, что для периода до середины IX в. летописцы не имели опорных дат в византийской исторической литературе и потому не могли датировать, пусть условно, описываемые события. Однако представляется, что такие датировки и не требовались летописцам: они не воспринимали этиологические легенды в координатах «исторического», т. е. исчисляемого и соотносимого с мировой историей, времени. Они упорядочивают события в логической, с их точки зрения, последовательности: пребывание на прародине — расселение — обретение наименования — провозвестие христианства — происхождение первого правителя. Каждая из легенд сохраняет свое сюжетно-замкнутое время, но выстроенные в единый логический ряд — на уровне макротекста — они приобретают темпоральную линейность и векторность, присущие христианской культуре.

Важной особенностью интерпретации «времени начал» было его осмысление летописцем в пространственных категориях (А. Я. Гуревич). «Начало» племени (полян, древлян и пр.) — это во всех случаях его перемещение в пространстве: миграция из прародины, приход и расселение на известной летописцу территории.

Предания о судьбах племен, как и дружинные сказания, — при всех различиях их иных характеристик (сюжеттики, типа героя, способов интерпретации и репрезентации действительности) — представляли собой квазиисторический нарратив и обладали сходными формами темпоральности. И в тех, и в других доминировало эпическое «фабульное время», линейное, дискретное, замкнутое в сюжете. Однонаправленность фабульного времени отдельных эпизодов (микротекстов) подчеркивается синтаксическим построением текста, в котором абсолютно господствует паратаксис, а сюжеты образуют цепочку, растянутую на временной шкале, но не объединяются причинно-следственными связями. Интервалы между событиями, составляющими единый сюжет, даже если они оговариваются летописцем («по двюю же лету Синеусь умре и братъ его Труворъ»), не образуют разрыва во времени, «стягиваясь» последовательностью событий. Видимо, именно поэтому попытки летописца «разложить» сюжет дружинного сказания на погодные статьи в датированной части ПВЛ оказываются безуспешными. Сказание излагается целиком, в одной годовой статье, хотя очевидно (в том числе и для летописца), что рассказываемое происходило на протяжении нескольких (подчас многих) лет. Однако на уровне макротекста фабульное время преодолевается и размыкается, благодаря тому что каждое отдельное сказание — лишь одно звено в непрерывной цепи событий, один из многих эпизодов, из которых складывается история Древней Руси.

Реинтерпретируя мифологическое время этиологических легенд и эпическое время племенных и дружинных квазиисторических сказаний, составитель ПВЛ эксплицирует принципиальное различие между ними в самой структуре своего повествования, разделяя его на две части: вводную — недатированную и основную — датированную. Во вводной части Повести временных лет этно- и социогенетические легенды объединены с «географическими» (ойкумены и Восточной Европы) и «этнографическими» (восточнославянских племен) описаниями. Такое объединение тематически разнородных сюжетов, видимо, не случайно. И те, и другие обладали, хотя и по разным причинам, сходной темпоральностью — принципиальной несоотносимостью с «историческим» временем. В датированной части ПВЛ использованы по преимуществу дружинные сказания и те немногие племенные квазиисторические предания, которые соотносились с «дружинными» героями.

Переход от первой части ко второй осуществляется в первой датированной статье, которая состоит из двух частей: этиологического, по существу, рассказа о возникновении названия «Русская земля» и расчета лет от Адама до смерти князя Святополка Изяславича (1113 г.). Оба текста имели глубокое символическое значение. Первый — об обретении имени (в результате похода руси на Византию при Михаиле III; о значении этого мотива см.: В. Н. Топоров), — являясь, в сущности, этиологической легендой, завершал «время начал». Второй — включавший русских князей во всемирно-исторический

ряд (шесть «веков» от Адама до Рождества Христова; два «века» византийской истории: до Константина Великого и от Константина до Михаила III и перечень русских князей с Олега до Святополка Изяславича) — знаменовал начало истории Руси и «исторического» времени и сопрягал эпическое время сказаний о первых русских князьях с хронологией византийской истории.

С. М. Михеев (Москва)

РАССКАЗ О СВЯТОПОЛКЕ И ЯРОСЛАВЕ И ЛЕГЕНДА О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ: ДРЕВНЕЙШИЙ СВОД И СВОД 70-х ГОДОВ XI в.

1. Идеологические, композиционные, грамматические, формально-лингвистические признаки позволяют стратифицировать тексты источников, выявляя вставки и определяя время их появления. Обращая внимание на подобные особенности, мы постараемся разграничить более ранние и более поздние слои в летописном рассказе о междоусобице сыновей Владимира Святославича.

2. Согласно реконструкции А. А. Шахматова¹, в летописях, предшествующих своду 90-х годов XI в., отсутствовала фраза «в се же время бяше оу него (у Владимира. — С. М.) Борисъ · Печенъгом идущемъ на Русь · посла противу имъ Бориса · а самъ бо боляше велми» (Лавр. 6523. Л. 44 об.). Ее окончание повторяет содержащееся выше сообщение о болезни Владимира, что является характерным признаком вставки.

3. Далее в летописи дважды упоминается о начале княжения Святополка. Первый раз о нем говорится непосредственно перед рассказом об убиении Бориса и Глеба: «Святополкъ съде в Киевъ по отци, и съзва кыянъ и нача даяти имъние имъ» (НовГлм 6523. Л. 75). После пространного повествования о гибели братьев от рук Святополка в летописи читается следующий текст: «С(вя)тополкъ же оканныи нача княжити Киевъ · созвавъ люди нача даяти овъмъ корзна · а другимъ кунами · и раздая множество» (Лавр. 6523. Л. 48).

Отмечая эту «явную сшивку в начале княжения Святополкова», С. М. Соловьев высказал догадку, что «об убиении св. Бориса и Глеба вставлено особое сказание в летопись»². Догадку Соловьева, во-первых, подкрепляет то обстоятельство, что дублировки, сходные с отмеченным историком удвоением сообщения о начале княжения Святополка, в составе Начальной летописи обычно маркируют собой вставки. Во-вторых, рассказ об убиении Бориса, Глеба и Святослава разрывает монолитное повествование о борьбе Ярослава и Святополка за Киев. В-третьих, как отметил Соловьев, перед первым сообщением о начале княжения Святополка в летописях имеется заголовок «О убиении Бориса и Глѣба» (НовГлм 6523. Л. 75), вероятно, имеющий позднее происхождение. В-четвертых, внутри рассказа об убийстве Бориса имеется поздняя с лингвистической точки зрения³ форма «рекъ»: «Святополкъ оканныи помысли в себѣ, рекъ» (НовГлм 6523. Л. 77). В-пятых, А. А. Горский обратил внимание на диссонанс между осуждением Святополка за убийство братьев и спокойным отношением летописца к жестоким деяниям Ярослава. Исследователь объяснил это тем, что осмысление трагедии Бориса и Глеба в духе заповеди «не убий» произошло уже в середине — третьей четверти XI в., когда на Руси была отменена кровная месть⁴.

Таким образом, очевидно, что весь рассказ об убийстве Бориса и Глеба является вставкой в изначально монолитное повествование о переходе власти от Владимира к Святополку, а затем — к Ярославу.

4. Еще одна небольшая вставка обнаруживается в рассказе о выступлении Ярослава против Святополка к Любечу. Перед этой вставкой и после нее дважды говорится: «и поиде на С(вя)тополка». В параллельном тексте Новгородской I летописи данной вставки нет. Во вставке встречается слово «рекъ».

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 617.

² Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. III–IV. С. 104.

³ См. Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игоревы... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. № 2. P. 147–181.

⁴ Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...» Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 99–100.

5. После рассказа об уходе Болеслава из Киева в 1018 г. в ПВЛ говорится о начале княжения Святополка и кратко сообщается о его поражении от Ярослава. Затем в статье 6527 г. подробно описывается неудачная для Святополка битва на реке Альте, последовавшее бегство и смерть Святополка в далеких краях.

Целый ряд обстоятельств заставляет видеть в рассказе о битве на Альте и о гибели Святополка вставку в первоначальный летописный текст. Во-первых, в конце статьи 6526 г. не говорится, что Ярослав сел в Киеве, хотя летописец никогда не забывает упомянуть о занятии князем Киева после рассказа о его победе над своим предшественником. Сообщение о начале княжения Ярослава мы видим лишь после рассказа о битве на Альте и о смерти Святополка. Только при изъятии предполагаемой вставки получаем цельный и ясный текст. Судя по всему, фраза «Ярославъ же пришедь съде в Киевѣ», неуместно звучащая после полного риторичности рассказа о смерти Святополка, должна следовать сразу за словами «и побѣди Ярославъ С(вя)тополка · и бѣжа С(вя)тополкъ · въ печенѣгы». Во-вторых, рассказ о битве на Альте начинается после заголовка годовой статьи, что часто маркирует вставки в тексте Начальной летописи. В-третьих, в рассказе о битве на Альте упоминается убийство Бориса, описание которого, как мы видели выше, является поздней вставкой в составе летописи. В-четвертых, в рассказе о битве на Альте встречается поздняя форма «рекъ». Наконец, в-пятых, рассказы о битве на Альте и о смерти Святополка состоят из сплошной риторичности, что несвойственно древнейшему ядру летописи.

6. Первоначальный текст статей 6522—6527 г. не содержал новых форм глагола «речи». Только в трех выявленных выше вставках встречается поздняя форма «рекъ».

7. А. А. Гиппиус недавно указал на то, что методы маркировки смены субъекта различаются в разных пластах Начальной летописи. В то время как в древнейшем ядре превалирует «и-модель» (*И рече Ольга... И рѣша деревляне... И рече Ольга...*), в более поздних фрагментах употребляется преимущественно «же-модель» (*Ольга же рече... Деревляне же рекоша... Рече же Ольга...*)⁵. В описании убийства Бориса и Глеба же-модель встречается 11 раз, а и-модель — 1 раз. В рассказе об избиении варягов, мести Ярослава новгородцам и о Любечской битве — 3 и 6 раз соответственно. Это еще раз подтверждает первичность описания борьбы Ярослава и Святополка за Киев в составе Начальной летописи и вторичность борисо-глебского повествования.

8. Судя по всему, все упоминания Бориса и Глеба в качестве мучеников до статьи 6580 (1072) г. объясняются вставками.

9. Рассказ о гибели Бориса и Глеба мог появиться в летописи в конце 60-х — первой половине 70-х годов XI в. в связи с переносом мощей Бориса и Глеба 20 мая 1072 г.

Вероятность более ранней датировки вхождения легенды о гибели Бориса и Глеба в летописный текст представляется незначительной, так как Борис и Глеб как мученики изначально упоминались в летописи только с 1072 г. Умолчание летописей о перенесении мощей святых братьев при митрополите Иоанне свидетельствует об отсутствии у предшественников составителя свода 70-х годов XI в. интереса к борисо-глебской теме.

Незначительна и вероятность более поздней датировки появления летописного рассказа о Борисе и Глебе. Сложно представить себе, чтобы свод 70-х г. XI в., в завершающей части которого читался рассказ о переносе их мощей, не упоминал о гибели мучеников при описании междоусобицы Владимиричей.

10. Итак, в первоначальном тексте летописи последовательно рассказывалось о следующих событиях: (1) противостояние Ярослава и Владимира из-за отказа Ярослава отдавать дань отцу; (2) смерть и похороны Владимира, начало княжения Святополка; (3) избиение варягов в Новгороде, сборы Ярослава в поход на Святополка; (4) Любечская битва, начало княжения Ярослава в Киеве; (5) поход Болеслава, бегство Ярослава в Новгород; (6) победа Ярослава над Святополком и бегство Святополка к печенегам, начало княжения Ярослава в Киеве.

Когда на Руси складывался культ Бориса и Глеба, возникла потребность в записи истории их гибели. С конца 60-х годов XI в. по начало XII в. в летопись были внесены вставки об убийстве Святополком Бориса, Глеба и Святослава, о победе Ярослава над Святополком на реке Альте, о смерти Святополка.

⁵ Гиппиус А. А. Языковая гетерогенность и качество нарратива в «Повести временных лет» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 29—30.

Donald Ostrowski (Harvard University, USA)

WHERE WAS RIURIK'S FIRST SEAT ACCORDING TO THE POVEST'
VREMENNYKH LET?

In the first issue of the journal «Harvard Ukrainian Studies», Omeljan Pritsak published an article on the calling of the Varangians as described in the *Povest' vremennykh let* (PVL)¹. In that article Pritsak explained his reasons for preferring Ladoga instead of Novgorod as the place where Riurik first set up his rule while Riurik's younger brothers Sineus and Truvor ruled in Beloozero and Izborsk, respectively. Pritsak found the reading of the Hypatian Chronicle to be correct and explained the counter claim that Riurik first settled in Novgorod, as the Novgorod I Chronicle reports, to be the result “local patriotic sentiment” on the part of the Novgorod chronicler (15). Pritsak pointed out that “Old Ladoga is the oldest town in the northwestern part of Eastern Europe” and that its date of founding on the basis of archaeological evidence is 7th or 8th century. By the middle of the 9th century, the presumed time of Riurik's coming to the area, Ladoga was a major town, whereas Novgorod may not even have existed².

Among the primary manuscript witnesses to PVL (20, 5–6), Radziwiłł (P), Academy (A), Hypatian (И), and Khlebnikov (X) all testify to Ladoga instead of Novgorod as the place of Riurik's first establishing himself. Between the words «и придоша» and «а други», the two words that Л and Т have, «старейший Рюрик», also appear in И and X as well as in the К and Тол copies of Younger Redaction of the Novgorod I Chronicle (Новг. I мл. ред.) without any indication whether ЛТ is closer to ИХРА or to КТол.

ИХРА	ЛТ	КТол
<i>И придоша къ словѣномъ</i>	<i>и придоша</i>	<i>и придоша к новугороду</i>
<i>пѣрвѣ и срубша город</i>	<i>старейший</i>	<i>и сѣде старѣишии</i>
<i>ладогу и сѣде старейшии в</i>	<i>рюрикѣ</i>	<i>в новѣгородѣ</i>
<i>ладозу [РА: в ладозѣ старей]</i>	<i>а други</i>	<i>бѣ имя ему</i>
<i>рюрикѣ а други</i>		<i>рюрикѣ а други</i>

Chebotarev and Cherepanov, in their unpublished typeset plates of the Trinity Chronicle pointed out that «сѣдѣ Новѣгородѣ» were added to the word «Рюрик»³. N. M. Karamzin indicated that those words were written above the line in the manuscript over the name «Рюрик»⁴. M. D. Priselkov, in his reconstruction of the Trinity Chronicle, does not include «сѣдѣ Новѣгородѣ» in his text, relegating mention of it to a footnote⁵. The only other chronicle testimony in favor of “Novgorod” as the place of Riurik's seat is in the К and Тол copies of Новг. I мл. ред.⁶ In my reconstruction of PVL, I follow РАИХ, which testify to “Ladoga” as his seat⁷. Both S. A. Bugoslavskii and Ludolf Müller accepted “Ladoga” as the primary reading⁸. A. F. Vyckov and Karskii, in their editions of the Laurentian Chronicle, and Shakhmatov and Likhachev, in their editions of the PVL, reconstructed “Novgorod” as the place of Riurik's first seat⁹. All of them relied on the above-the-line insertion of сѣдѣ Новѣгородѣ in the Trinity copy. V. O. Kliuchevskii wrote that the information about Riurik's settling in Ladoga is absent from the early copies of the chronicles and deemed “Novgorod” to be the primary reading¹⁰. Franklin and Shepard, relying on Likhachev's edition of the PVL, accepted the reading “Novgorod” without

¹ Pritsak O. The Invitation to the Varangians // Harvard Ukrainian Studies. 1977. 1. P. 7–22.

² For this assertion, Pritsak cites Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955. С. 360–361; Raudonika W. J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930.

³ Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 58. Примеч. 3.

⁴ Карамзин Н. М. История государства российского. СПб., 1842. Т. 1. Примеч. 278.

⁵ Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 58.

⁶ ПСРЛ. М., 2002. Т. 3. Стб. 106, 434, 514.

⁷ Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Edited and compiled by Donald Ostrowski, with associate editor David J. Vimbaur, senior consultant Horace G. Lunt. Cambridge, 2003. P. 105 (updated version: <http://hudce7.harvard.edu/~ostrowski/pvl>).

⁸ Бугославский С. А. Повесть временных лет // Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. М., 2006. С. 41/91; Handbuch zur Nestorchronik / Herausgeg. von L. Müller. München, 2001. Bd. 4. P. 20. See also: Müller L. Die ‘dritte Redaktion’ der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1967. P. 180.

⁹ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 20; Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916. С. 20; Повесть временных лет. М.; Л., 1950. С. 18.

¹⁰ Ключевский В. О. Сочинения в 8 т. М., 1956. Т. 1. С. 93.

mentioning “Ladoga” as another possibility¹¹. In contrast, S. V. Bakhrushin writes that Riurik sat in Ladoga first before moving to Novgorod¹². V. I. Ianin cited the Hypatian Chronicle that Ladoga was the first residence of Riurik. But Ianin also states that Riurik “soon moved to a more convenient spot at the source of the River Volkhov, where the main East European trade routes intersected”¹³. This “more convenient spot” he sees as Gorodishche, some 3 kilometers from Novgorod¹⁴. Finally, there are those who think Riurik was legendary, so he could not have settled anywhere¹⁵.

A. A. Shakhmatov and A. A. Gippius, by invoking the *Nachal'nyi svod*, can argue on text critical grounds that “Novgorod” is the primary reading and that the exemplar of P and A was contaminated by the exemplar of И and X¹⁶. It follows from his arguments that whenever a reading of P=A=И=X against Л=Т=Новг. I occurs, then the exemplar of И and X contaminated the exemplar of P and A with its secondary reading. I have contested Shakhmatov’s and Gippius’ argument on this matter, although not on this specific reading, and have argued instead that in such cases, it is Новг. I that has contaminated the exemplar of Л and Т and that the agreement of PAИX represents the primary reading¹⁷.

Good reasons exist, as Pritsak pointed out, for a Novgorodian chronicler to want to change “Ladoga” to “Novgorod” as the first seat of the founder of the Riurikid dynasty. During the 14th century, the concept of a “Rurikid” dynasty begins to come to the fore. Before then, clan references in the PVL and the *Testament of Volodimir Monomakh* are to sons of particular princes, the Iaroslavichi (166,23 [1062]; 181,19 [1072]; 182,21 [1073]), the Rostislavichi (205,13 [1083]), the Iziaslavichi (248,20 [Testament of Volodimir Monomakh]), the Vseslavichi (281,21 [1106]) or to “men of” as in the Vasilkovichi (268,22 [1097]). There does not seem to be any good reason (although I suppose not-so-good reasons could be made up) for changing “Novgorod” to “Ladoga” (such as anti-Novgorod feeling among the scribes of the P, A, И, and X copies, which feeling is otherwise unattested). Whether or not Riurik was legendary or a particular town existed in the 9th century is irrelevant for ascertaining a reading in the PVL (which was compiled in the early 12th century although in large part drawing on earlier sources), unless one can demonstrate that this passage in the PVL derives from a 9th-century source, either written or oral. Since I cannot do so, I rely strictly on the text critical arguments and posit a secondary later influence of Новг. I мл. ред. through an independent scribal interpolation of сѣдѣ Новѣгородѣ in Т.

¹¹ Franklin S., Shepard J. *The Emergence of Rus 750–1200*. London, 1996. P. 38.

¹² Бахрушин С. В. *Держава Рюриковичей // Вестник древней истории*. 1938. № 2. С. 92.

¹³ Ianin V. I. *Medieval Novgorod // The Cambridge History of Russia*. Vol. 1. Cambridge, 2006. P. 190.

¹⁴ See: Носов Е. Н. *Новгородское (Рюриково) Городище*. Л., 1990.

¹⁵ See, e. g., Norman W. I., Raffensperger C. *Ryurik and the First Ryurikids: Context, Problems, Sources // American Genealogist*. 2007. 82. P. 11–13.

¹⁶ Шахматов А. А. «Сказание о призвании Варягов» // ИОРЯС. 1904. Т. 9; *Gippius A. A. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // Russian Linguistics*. 2002. № 26. P. 89–90.

¹⁷ See my “The Nacal’nyj Svod Theory and the Povest’ vremennykh let” (*Russian Linguistics*. 2007. № 31. P. 269–308).

А. И. Пересветов-Мурат (Стокгольм)

АГРАФ ПРОРОКА ЕЗДРЫ – ВНОВЬ ИДЕНТИФИЦИРОВАННЫЙ ИСТОЧНИК РЕЧИ ФИЛОСОФА

В христианских писаниях всех предыдущих веков нашей эры встречаются время от времени так называемые аграфы (греч. ἄγραφα – незаписанные), т. е. изречения Иисуса или пророков, не зафиксированные в канонической Библии. К этому корпусу следует отнести и слова, приписанные пророку Ездры в тексте Речи Философа (далее – РФ): «Ездра же реч[е] бл[а]г[о]с[ло]в[е]н[и] б[ог]ъ распрострѣ (Х. П. распрострѣ) руцѣ свои и сп[а]сль (НвгІ (ср. Л) спасѣ) иер[у]с[али]ма» (Ип, в Л текст испорчен), происхождение которых в последних научных изданиях ПВЛ считается неизвестным¹.

¹ Например, у Л. Мюллера: «bisher nicht nachgewiesen» (*Handbuch zur Nestorchronik*. Bd. 4. S. 124).

Данный аграф хотя и весьма редок, однако не вовсе уникален, если принять во внимание раннехристианскую и европейскую средневековую литературу. Обнаруживается он как у Ипполита Римского (II в. н. э.) в неизвестном по славянским переводам сочинении, так и в сборнике пророческих изречений ломбардийца Моисея Бергамского (XII в.)². Однако гораздо более важным в этом контексте представляется употребление аграфа в византийском противоиудейском сочинении «Поучения Иакова, новокрещенного из евреев» (*Clavis Patrum Graecorum 7793*, далее ПИ)³, где он находится, как и в РФ, рядом с одинаково отредактированным вариантом Втор. 28: 66. Текстологический анализ не оставляет сомнения в том, что этот текст и есть греческий первоисточник пассажа в РФ, хотя и не напрямую. В южнославянском переводе ПИ интересующий нас пассаж передается так: «[Подобаше распяти х[ри]стоу. яко законъ и пр[о]роци. тако проповѣдаша сп[а]сти ся ч[е]л[овѣ]чъствоу х[ри]сто[у]мь. монси бо г[лаго]леть . оузрите жизнь вашу висящюу предо очима вашима. якоже б[о]гъ есть пропятыи х[ристо]с[ъ],] Ез' дра г[лаго]леть, бл[аго]с[ло]вѣнь г[оспод]ь распростеръ [ср. в ВМЧ: распрострыи] руцѣ свои, спасъ иер[у]с[а]лима» (РГБ. Троиц. № 91 (1548) (к. XV в.). Л. 59); ср. для последних строк греч. [[Μωϋσῆς γὰρ λέγει· «[Ὁ Ψεσθε τὴν ζωὴν ἰμῶν κρεμαμένην κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν ἰμῶν». Ὅτι δὲ θεὸς ἐστὶν ὁ σταυρωθεὶς Χριστός,] Ἐσδρας λέγει· «Εὐλογητὸς Κύριος ὁ ἐκπετάσας τὰς χεῖρας αὐτοῦ καὶ σώσας τὴν Ἱερουσαλήμ» (изд. Déroche. С. 119). Бросается в глаза неожиданное употребление в обоих славянских текстах топонима «Иерусалимъ» как объекта глагола «спаси» в родительном падеже. (В другом месте в Поучениях аграф приписывается Иисусу Сираху (гр. изд. С. 207; Т-Л 91. Л. 93; «Иерусалимъ» там в вин. п.))

ПИ известно исключительно в восточнославянских рукописях (из которых древнейшие: РГИА. Син. оп. 3. 3760 (нач. XV в.); РНБ. Михайл. Q90 (вт. пол. XV в., текст идентифицирован нами); РГАДА. Оболен. 93 (посл. треть XV в.); РГБ. Троиц. № 772 (1865) (посл. четв. XV в.))⁴, но южнославянское его происхождение не вызывает сомнения. Датировку же перевода до сих пор осложняло отсутствие текстологического и лингвистического анализа текста, равно как и отсутствие свидетельств его бытования в славянской письменной традиции до XV в. В науке по этому вопросу было сделано несколько явно ошибочных предположений. Однако уже в начале прошлого века А. И. Соболевский выдвинул гипотезу о том, что ПИ, наряду еще с несколькими текстами, был переведен в восточной Болгарии в X в., на том лишь основании, что в нем употребляется существительное «чиститель»⁵. Не исключая древнего происхождения перевода, мы прежде считали эту датировку неосновательной⁶, но в свете новой находки гипотеза Соболевского представляется вполне правдоподобной. На нынешнем уровне изучения ПВЛ опять оправдывается привязка фрагментов, встречающихся в тексте как Ип, так и НвГІ, с высокой долей вероятности к древнейшим пластам русского летописания и, тем самым, в данном случае к раннему текстуальному облику РФ на восточнославянской почве. Считая вместе с А. С. Львовым и Н. (Х.) Трунте основной текст РФ древнеболгарским сочинением, мы, тем не менее, спешим согласиться с выводами, сделанными А. А. Гишпиусом по языковым признакам о неоднородности текста РФ, а именно: о наличии вставленного в более древнее (?) сочинение собрания пророческих изречений. Как бы мы ни отнесли к сложной проблеме прочих бытовавших в литературе Православного Славянства собраний пророчеств по темам истории Спасения (*Heilsgeschichte*) и места еврейского народа в мироздании, к возможности идентификации еще фрагментов ПИ в РФ или же к соотношению во времени и пространстве двух (?) главных ветвей славянского текста ПИ, придется констатировать, что данный фрагмент

² *Dagron G. Commentaire // Travaux et mémoires. Vol. 11 (1991). P. 250; Fédou M., Paramelle J. Nouveaux fragments d'un Esdras chrétien ? // Recherches augustiniennes. Vol. 19 (1984). P. 107–108; Dolbeau F. A propos d'un florilège biblique, traduit du grec par Moïse de Bergame // Revue d'histoire des textes. 1994. T. 24. P. 337–358. Ср. также, в связи с Езд. 7: 27: Daniélou J. Théologie du judéo-christianisme (= Histoire des doctrines chrétiennes avant Nicée. Vol. 1). Paris; Tournai; New York; Rome, 1958. P. 116.*

³ См. изд. греч. текста вместе с основательными статьями В. Дероша и Ж. Дагрона в *Travaux et mémoires* (Vol. 11. 1991).

⁴ Нами также идентифицированы значительные заимствования из него в рутенской редакции Жития Андрея Юродивого (не позднее 1411 г.) и в ряде рутенских противоиудейских сочинений XV в. (*Pereswetoff-Morath A. I. 'Whereby we know that it is the last time'. Musings on Anti-Messiahs and Antichrists in a Ruthenian Textual Community: Antidoron natalicium Laurentio Steensland expleto sexagesimo quinto jtatiss anno oblatum Lund, 2006 (= Slavica Lundensia Supplementa. Vol. III)*). О славянском тексте ПИ см.: *Pereswetoff-Morath A. I. A Grin without a Cat. Lund, 2002. Vol. I: 'Adversus Iudaeos' Texts in the Literature of Medieval Russia (= Lund Slavonic Monographs 4). P. 168–176.*

⁵ Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // СБОРЯС. Т. LXXXVIII. № 3. С. 122.

⁶ *Pereswetoff-Morath A. I. A Grin without a Cat. P. 173; Пересветов-Мурат А. «Адонай, заблудихом!»: об образе спорящего жидовина в восточнославянской письменности (XIV–XV вв.) // Архив еврейской истории. М., 2007. Т. IV.*

действительно находится во вставленной вторично части РФ⁷. Таким образом, остается открытым интересный вопрос о том, бытовало ли и читалось ПИ в Древней Руси уже в XI в. и вошло ли оно в РФ только там, или же оно стало известно лишь в списках, предположительно ввезенных с Афона во вт. пол. XIV в.

Надо, однако, отметить еще один весьма интересный момент, пониманию которого способствовала находка Гиппиуса. Именно на грани между двумя пластами в РФ начинается текст, совпадающий с «Пророчеством Осиным (в ркп.: Исаиным) пророка о отверженьи жидовъ» (которое известно лишь по утраченному рутенскому списку 1458–1483 г.). Факт распространения в отдельном списке того, что теперь можно вычленишь как обособленный, вторичный пласт РФ, — многообещающий, а не замеченным до сих пор он оставался отчасти потому, что в известном науке списке «Пророчества» в заглавии текста имя пророка Осии (автора первого в собрании изречения) передано как «Исаия». Более подробный разбор любопытнейших отношений между этими тремя текстами, как и изучение более древних слоев РФ и некоторых других собраний изречений пророков, имевших распространение в письменности православных славян, придется сделать уже в подготавливаемом нами в настоящее время издании сохранившихся фрагментов «Пророчества Осиина»⁸.

⁷ Ср.: Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игоревн... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. № 25. Р. 160, 176.

⁸ Следует отметить, что в свете вышесказанного бытование в тексте «Пророчества Осиина» аграфа Ездры заставляет модифицировать некоторые из предварительных выводов нашей книги 2006 г. о собственно рутенских литературных процессах и, возможно, все доселе сказанное по поводу собраний пророческих слов в литературе Православного Славянства.

В. Я. Петрухин (Москва)

ДРЕВНЕЙШИЙ СВОД И «НАЧАЛО ЗЕМЛИ РУССКОЙ». ШАХМАТОВСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И «ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА»

В реконструкции начального летописания А. А. Шахматов предполагал, что Древнейший (киевский) свод был составлен в период становления киевской митрополии в конце 30-х годов XI в. и прерван в связи с обострившимися русско-византийскими отношениями — войной 1043 г. Сложной проблемой всякой реконструкции оказывается проблема композиции свода, особенно зачина (тем более, если предполагать вслед за Шахматовым византийский образец — «от Адама» и т. п.¹). Композиция ПВЛ с ее начальными вопросами «откуда есть пошла Русская земля» и т. д. влияла не только на составление иных сводов, в том числе сохраненного Новгородской Первой летописью (далее — НПЛ), но и на реконструкцию Шахматова, который полагал, что Древнейший свод начинался (как и реконструируемый им древний Новгородский свод) с главки «Начало земли Русьсте». Это предположение основывается на конструкции НПЛ, сокращавшей (по предположению автора доклада) ПВЛ: в НПЛ главка «Начало земли Руской» предпослана фрагменту опущенного космографического введения и киевской легенде (о Кие), посвященной полянскому происхождению «кыян». Проблема в том, что ни в конструкции НПЛ, ни в реконструкциях Шахматова речи о начале Русской земли нет; о начале Русской земли прямо повествует легенда о призвании варягов — руси, но она следует за рассказом о полянах в НПЛ (по Шахматову, в Начальном своде) и не включается исследователем в реконструкцию Древнейшего свода. Отсюда несообразности реконструкции: варяги отождествляются в ней с новгородцами, но в Киеве варяги Олега почему-то прозвались русью. Эта информация нужна Шахматову, чтобы оправдать введение главки о начале руси, но она предполагает знание о варяжских истоках «Русской земли» вне реконструируемого свода.

Очевидно, что Шахматов следовал в своих реконструкциях древней конструкции составителя НПЛ, с чем связаны несообразности его собственных построений: предполагаемый Шахматовым редактор

¹ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVII века. М., 1969. С. 32.

Древнейшего свода в 1073 г. — Никон, побывавший в Тмутаракани и поэтому знавший о хазарах, — вставил рассказ о хазарской дани с полян; но Никон вводит этот рассказ вслед за киевской легендой характерным зачином: «по сих же летех братия си (Кий, Щек и Хорив. — В. П.) изгыбоша». О каких летах идет речь — неясно (вне контекста ПВЛ); невятна вне ПВЛ и фраза о варяжской дани с новгородцев: «в си же времена (?) Словене и Кривичи и Меря дань даяху варягом».

Основания для того, чтобы увязать Никона, Тмутаракань и хазар, ясны: это архаические традиции «исторической школы», ориентированной на прямолинейное соотнесение летописных конструкций с известными «историческими фактами». Текстология здесь отходит на второй план: Шахматов относит «новгородское» сказание о призвании варягов к Новгородскому своду, а сказание о хазарской дани с полян к редакторской правке, вносимой в Древнейший свод Никоном, игнорируя контекст этого сказания в библейском космографическом введении ПВЛ. Именно этот контекст позволяет понять, почему избавление полян от хазарской дани сопоставляется с Исходом евреев из Египта — расселение 12 славянских племен на территории будущей Русской земли ассоциируется с расселением библейских колен. Тмутаракань здесь ни при чем, ибо ясны «заказчики» этого сюжета (и летописи в целом): русские князья изображаются избавителями славян от хазарского ига.

Космографическое введение ориентировалось не только на библейскую историю в изложении доступного летописцу Хронографа, но и на выделяемое Шахматовым «Сказание о преложении книг на словенский язык». Оно и позволяло увязывать расселение славян в Русской земле с библейской историей через историю расселения всех словен с Дуная (до Новгорода). Здесь летописец оказывался предшественником «исторической школы»: совпадение имен киевских и польских полян позволяет ему объяснить распространение на Руси словенской грамоты (фиксируемое договором 911 г.?). Отсюда — центральная роль киевских полян (археологически неуловимых) и Киева в космографическом введении (дело не только в «патриотизме» киевлянина-летописца).

Естественным с этой точки зрения было соотнесение начала Руси с началом Киева: Шахматов предложил для реконструкции Древнейшего свода свою «нейтральную» редакцию легенды о трех братьях — основателях Киева, исключив полемику о статусе Кия: перевозчик или князь? Легенда оказалась сведенной к этимологической конструкции (Кий — Киев, Щек — Щекавица), выводящей топонимы из имен персонажей. Судя по библейскому имени Хоривицы (Хорив), ситуация была обратной — летописец прибегнул к традиционной средневековой этимологии, выводя из топонимов имена культурных героев. Ему необходим был Кий как древний герой, причем не как перевозчик (что соотносимо с фольклорным мотивом первопоселенца), а как князь. Этимологических конструкций вроде Киевца на Дунае здесь было недостаточно, и летописец признавался, что не знает императора, при котором князь Кий мог получить право осесть на Дунае.

Настаивать на этой конструкции летописца заставляли иные топонимы, сохранившиеся в Киеве до времен составления ПВЛ: то были могилы Аскольда и Дира. Могилы-курганы были на Руси монументальными погребальными памятниками князей. Официальная (достаточно сбивчивая) летописная генеалогия не признавала за Аскольдом и Диром княжеского статуса, именуя их боярами княжившего в Новгороде Рюрика: они захватили подвластный хазарам и лишенный собственных правителей Киев — город оказался «выморочным» после смерти братьев-основателей. Убитые Олегом (и Игорем) как узурпаторы Аскольд и Дир получили, тем не менее, княжеские почести, о которых напоминали киевлянам (и летописцу!) их курганы. Для нейтрализации этой традиции необходима была конструкция исконных древних владетелей Киева, один из которых наделен княжеским статусом.

Пришедшая из Новгорода варяжская династия объявила себя избавительницей славян от хазарской дани. Представляется, что и на ранних этапах летописания судьбы Киева и Новгорода невозможно (в духе «исторической школы») отделить от вопроса о начале Русской земли и варяжской легенды.

П. В. Петрухин (Москва)

И БАХУ ЛОВАЩЕ ЗВѢРЬ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Конструкция типа *бѣше ходѣ* вошла в славянскую письменность со времен Кирилла и Мефодия. По мнению Р. Вечерки, ее следует рассматривать не в ряду аналитических временных форм, а в качестве «перифрастического предиката», чье значение Вечерка характеризует как «продолжающаяся в течение длительного времени, повторяющаяся, обычная (usuell) активность / деятельность»¹. С генетической точки зрения данная конструкция, очевидно, представляет собой гебраизм: из древнееврейского она перешла в язык греческих переводов Ветхого Завета (Септуагинта), затем в новозаветные тексты и, наконец, в язык славянских первоучителей. Повесть временных лет свидетельствует о том, что рассматриваемая форма была усвоена восточнославянскими книжниками достаточно хорошо, чтобы задействовать ее при написании оригинальных текстов: составитель Повести использовал древнюю конструкцию «редко, но метко» — в значении, вполне соответствующем ее библейскому прототипу.

¹ *Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die Innere Satzstruktur. U. W. Weiher — Freiburg i. Br., 1993. S. 95*

Е. В. Пчелов (Москва)

КОМПОЗИЦИОННАЯ СХЕМА КНЯЖЕСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ (ЯЗЫЧЕСКИЙ ПЕРИОД)

1. Генеалогия первых поколений династии Рюриковичей, представленная в Повести временных лет (далее — ПВЛ), опиралась, вероятно, на устную традицию и, без сомнения, в определенной степени отражала историческую реальность. Однако в некоторых своих звеньях она могла являться плодом реконструкции летописцев, связывавших между собой родством тех или иных князей начальной Руси или фиксировавших такие искусственные «связки», возникшие еще в период устного бытования сказаний о первых князьях.

Безусловно, восходящая родословная древнерусских князей до Святослава достоверна. Генеалогия предшествующих поколений княжеской династии — так, как она представлена в ПВЛ, — может вызвать сомнения. Родственная связь между Святославом и Игорем подтверждается иными, внелетописными источниками, как древнерусскими («Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона), так и иностранными («Об управлении Империей» Константина Багрянородного, «История» Льва Диакона). Родственная связь между Святославом и Ольгой — также («О церемониях» Константина Багрянородного). В то же время в тексте договора руси с греками 944 г. зафиксировано несколько имен княжеских родственников, в том числе двух племянников Игоря от сестер — Игоря и Акуна. Очевидно, что летописная традиция не зафиксировала существовавшие боковые ветви княжеского рода по причине или отсутствия сведений о них (например, в устных сказаниях о князьях), или искусственного «отсечения» боковых родственников при конструировании генеалогии основной княжеской линии.

Еще более неопределенны родственные связи Игоря с Рюриком и Рюрика с Олегом. Ясно, что Олег был полноправным «великим князем руским», как это следует из текста договора с греками 911 г., и в летописной традиции Начального свода трансформировался в «воеводу» Игоря (Новгородская I летопись). ПВЛ называет Олега родичем Рюрика. Косвенным подтверждением такого родства может служить аналогичное имя второго сына Святослава, хотя оно не обязательно могло быть обусловлено наличием родственной связи.

Родство Игоря с Рюриком четко зафиксировано во всех летописях. Главной причиной сомнений в нем, как известно, является летописная хронология, которая за ранний период в большинстве случаев носит условный характер. Очень косвенным аргументом в пользу родства Игоря с Рюриком можно считать имя сына Игоря — Святослава, которое имеет одну из основ («-слав»), аналогичную одной из основ имени «Рюрик» (Hr̥gerek̥, первая основа Hr̥ōð- со значением «слава»). Умолчание о Рюрике митрополита Илариона и Иакова Мниха абсолютно невозможно признать аргументами в пользу отрицания этого родства. Впервые имя «Рюрик» в русской княжеской династии после 862 г. появляется во второй половине 50-х годов XI в. (между 1056 и 1062 г., скорее всего — между 1058 и 1060 г.). Так был назван старший сын Ростислава Владимировича. Имена сыновей князя-изгоя — Рюрик, Володарь, Василько, — отсылавшие к именам Рюрика и св. Владимира, по-видимому, должны были указывать на полноправное положение этой ветви среди потомков Ярослава Мудрого и легитимировать ее статус. Следовательно, Рюрик уже тогда должен был восприниматься прародителем княжеской династии, причем ее представителями в целом (а не только самим Ростиславом). Это означает, что сведения о родстве Игоря и Рюрика присутствовали в сказании о Рюрике еще до середины XI в. и имелись, вероятно, уже в устной традиции.

Если указание на происхождение Игоря отсутствовало в устном предании изначально, то оно, скорее всего, должно было появиться тогда, когда существовала реальная необходимость в легитимации власти династии киевских князей. Ведь факт именно приглашения (призвания) варяжских князей, обеспечивавший законность правления на Руси реальных или предполагаемых потомков Рюрика, носил, по-видимому, принципиальный характер. Во всяком случае, от княжения Рюрика сохранился только этот мотив, а все остальные сюжеты, если и существовали, то редуцировались. Следовательно, установление родственной связи Игоря с Рюриком было обусловлено идеей легитимации всего княжеского рода. Необходимость в ней могла быть прежде всего тогда, когда на Руси существовали другие династии или правители, которые могли соперничать с потомками Игоря за власть или с которыми у «Игоревичей» возникали конфликты. Таким временем был период правления Владимира, когда еще были памятны князья скандинавского происхождения в разных центрах (типа Рогволода в Полоцке, возможно, Туры) и когда произошло объединение Руси под властью киевского князя. Единому государству, созданному Владимиром, управлявшемуся одним князем и имевшему единую религию, должна была соответствовать идея одного княжеского рода, источником власти которого являлось его призвание на Русь местными племенами. Рюрик в таком случае оказывался идеальной легитимной фигурой, а сама эта идея приобретала важное государственно-политическое значение. Если родство Игоря с Рюриком и было сконструировано на каком-то этапе развития сказаний о первых князьях, то это был этап еще устной традиции, скорее всего относящийся к эпохе правления Владимира, тесно связанного с Новгородом (и, по летописи, даже приглашенного новгородцами к себе на княжение, подобно Рюрику). С мотивом происхождения Игоря от Рюрика непосредственно связан и мотив законности на Руси власти только Рюрикова рода, зафиксированный в ПВЛ в сказании о захвате Киева (слова Олега к Аскольду и Диру: «Вы неста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа... А се есть сынъ Рюриковъ»).

Генеалогия первого поколения Рюриковичей обусловлена, вероятно, широко распространенным мотивом трех братьев, известным в контексте переселенческих сказаний. Хотя, как показали исследования Г. Шрамма, Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина, за летописными фигурами братьев Рюрика, скорее всего, стояли реальные исторические персонажи. Не вполне ясно, почему они были сопряжены с Белоозером и Изборском, где в IX в. еще не существовало поселений. Возможно, сыграло роль семантическое соотнесение имени и топонима — скандинавское имя, переосмысленное в древнерусском варианте как «Сине-ус» (ср. «синий» в значении «черный») могло ассоциироваться с «Бело-озером».

2. Генеалогия от Рюрика до Владимира, зафиксированная в ПВЛ и частично сконструированная летописцем, обнаруживает удивительно продуманную и соразмерную композицию. Трех братьям в ее начале соответствуют три брата в конце, причем в первой триаде род дальше идет от старшего брата (Рюрика), а во второй — от младшего (Владимира). Это принцип «зеркальной» композиции, между двумя «полюсами» которой расположены еще как бы две триады. Рюрик оставляет малолетнего сына Игоря на попечение родственника Олега. Игорь, по сути, оставляет малолетнего сына Святослава на попечение жены Ольги. Если начальные поколения генеалогии сконструированы искусственно, то образцом

для взаимоотношений *Рюрик — Олег — Игорь* должна была послужить «композиция» *Игорь — Ольга — Святослав*. В то же время Олег связан с Ольгой, поскольку он ее «приводит» в жены Игорю. Ольга связана с Владимиром христианской преемственностью. Таким образом, прослеживаются еще две триады: *Рюрик — Игорь — Святослав*, и *Олег — Ольга — Владимир*. В первой из них персонажи связаны прямым генеалогическим родством, во второй — как бы родством «духовным». В первой триаде князя-воины «храбры» (по терминологии НЛ), кроме Рюрика, во второй — князя «мудры» (по той же терминологии). В первой триаде два князя из трех погибают в сражениях, во второй — умирают своей смертью (хотя в случае Олега это не вполне так). Владимир начинает новую эпоху — эпоху христианской Руси, подобно тому, как Рюрик начинает историю династии в целом. Поэтому в летописной перспективе Владимир — это как бы «новый» Рюрик, первый князь. И он делает *то же самое*, что делает Рюрик, — раздает города (только не «мужем своим», а сыновьям). Наиболее важные из них перечислены в летописной статье под 988 г. в первую очередь: Новгород, Полоцк, Туров, Ростов, Муром. Это почти те же города, которые упомянуты и в известии о Рюрике: Новгород, Полоцк, Ростов, Белоозеро, Муром. Так «легендарная», сконструированная генеалогия заканчивается и начинается генеалогия «реальная». Как видим, основной принцип, по которому выстроена эта ранняя генеалогия, — тернарный. Все, что не соответствовало ему, не нашло в ее структуре места.

Михаил Раев (Кембридж, Великобритания)

ЖИТИЕ СВ. ВАСИЛИЯ НОВОГО И ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

В настоящем сообщении мы хотели бы обратить внимание на данные Жития св. Василия Нового (далее — ЖВН) в древнерусских летописях, которые относятся к походу князя Игоря на Константинополь в 941 г. Мы рассмотрим эту информацию в контексте концепции А. А. Шахматова о летописях, предшествовавших Повести временных лет (далее — ПВЛ), и попробуем объяснить передачу информации ЖВН в ПВЛ на основе теории А. А. Шахматова об источниках ПВЛ и А. Н. Насонова и А. А. Зимина о связи между списками Новгородской Первой летописи (далее — НЛ) XV в.

Сто лет назад А. А. Шахматов опубликовал свою монументальную работу «Разыскания о древнейших русских летописных сводах». В ней он попытался решить многие текстологические проблемы, начертить стемму списков и реконструировать исторические труды XI в., использованные при составлении ПВЛ. По Шахматову, эти исторические сочинения были объединены в Начальном своде 90-х годов XI в., которым независимо друг от друга пользовались составители ПВЛ и НЛ.

ПВЛ составлена во втором десятилетии XII в., и это подтверждают рукописи, передающие общий текст до 1111 г. Мнения ученых относительно точной даты создания ПВЛ и ее автора разошлись. Редакции ПВЛ сохранились в Лаврентьевском списке (XIV в.) и в Ипатьевском списке (XV в.) и еще более поздних. В первом ПВЛ продолжается суздальской летописью после 1111 г. и до 1304 г., а во втором она заканчивается в 1117 г. и продолжена киевской и галицко-волинской хрониками.

НЛ содержит уникальные сведения о политическом устройстве и развитии Новгорода. Известны две редакции этой хроники: старшая, сохраненная только в Синодальном списке XIII–XIV в., и младшая, дошедшая в Академическом, Комиссионном и Толстовском списках. Самые ранние списки НЛ младшего извода (далее — НЛ мл) датируются 40–50-ми годами XV в. Первые шестнадцать тетрадей, с описанием событий до 1016 г., в Синодальном списке утеряны. Б. М. Клосс, следуя за А. А. Зиминим и А. Н. Насоновым, предположил, что в Троицком списке НЛ, датируемом 50-ми годами XVI в., сохранен более древний текст по сравнению с НЛ мл. В Троицком списке содержится текст НЛ до

1015 г., который продолжается Новгородской Пятой летописью¹. А. А. Зимин и А. Н. Насонов предположили, что несохранившаяся часть Синодального списка содержится именно в Троицком списке².

Что касается византийского жития св. Василия Нового, оно известно в двух редакциях: пространной и краткой. Обе были переведены на древнеславянский язык. Краткая редакция стала популярной на Руси с XIV в., а полный перевод пространной редакции сохранился в рукописях XVI в. Шахматов предполагал, что автор ПВЛ пользовался пространной редакцией при составлении статей о походе Игоря на Константинополь в 941 г., в дополнение к первому древнеславянскому переводу Хроники Георгия Амартола (далее — ХГА). Выдающийся русский ученый считал, что историческая компиляция на основе Хроники Георгия Амартола использовалась в древнерусском летописании XI в. о древнерусской кампании 941 г. Эта компиляция отразилась в новгородском летописании, а в ПВЛ информация была расширена за счет ЖВН и упомянутого славянского перевода ХГА. В. М. Истрин предположил, что этой компиляцией является сокращенная версия славянского перевода ХГА, названная им *Хронографом по великому изложению* (далее — ХВИ). Продолжая эти исследования, О. В. Творогов подтвердил многие утверждения Шахматова и Истрина³. Используя некоторые новые методики исследований, А. А. Гишпиус аргументировал существование Начального свода, остатки которого сохранились в НИЛ мл. В. М. Истрин и С. А. Бугославский критиковали некоторые идеи Шахматова и предложили иные объяснения для тех пунктов его стеммы и реконструкции, которые они считали противоречивыми. В последние годы Т. Л. Вилкул и Д. Островски, отвергая идею Начального свода, предложили новые аргументы в пользу сокращения текста ПВЛ в НИЛ⁴.

Теория Шахматова об отношении ПВЛ и НИЛ может быть частично проверена данными ЖВН. В Ипатьевском списке содержится пространный текст о походе Игоря 941 г. (около 300 слов). Сходное сообщение, но сокращенное до 100 слов и под иным, 920 г., находится в НИЛ мл. Естественно, когда мы сравниваем эти два текста, мы приходим к тем же выводам, что Шахматов и Творогов. Но если мы привлечем еще и другие близкие рукописи НИЛ мл, то мы не можем подтвердить их полностью. В частности, в ПВЛ св. Феодор Стратилат принимает участие в операции против русской армии в Малой Азии, возглавляя стратиотов фемы Тракезион. Упоминание этого византийского военного святого имеет смысл в ЖВН, которое является источником ПВЛ. Эта информация отсутствует в славянском переводе ХГА, а также в Комиссионном, Академическом и Толстовском списках НИЛ мл. Однако в Троицкой рукописи НИЛ мы встречаем фразу: «Посла Роман патракиа Феодора, Феофана с вои на Русь». Зимин и Насонов предположили, что эта рукопись содержит редакцию Новгородского свода, более древнюю, чем та, которая представлена в Комиссионном списке. Они также отметили, что рассказ о Борисе и Глебе здесь ближе к ПВЛ, чем к НИЛ мл.⁵ Соответственно, нужно учесть и ту возможность, что данные ПВЛ повторно привлекались в Троицком списке, из-за чего возникла контаминация. Однако сличение текстов Троицкого и Комиссионного списков (ниже) показывает, что скорее информация о св. Феодоре была сокращена в НИЛ. Возможность того, что переписчик Троицкого списка исправлял его по ПВЛ, нам кажется маловероятной. Во-первых, подобная правка касается только одного имени, и, во-вторых, пока что не найдены аналогичные правки.

Этот фрагмент из ЖВН и его заимствование в ПВЛ и Троицкой рукописи НИЛ предполагает: для подтверждения идей Шахматова, что в НИЛ имеются данные из Начального свода, необходимы дальнейшие исследования, которые будут учитывать и объяснять отмеченное противоречие.

¹ ПСРЛ. М., 2003. Т. III. С. VII–VIII.

² Там же. С. 511; Зимин А. А., Насонов А. Н. О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи // Вопросы истории. 1951. № 2. С. 90.

³ О ЖВН см.: Творогов О. В. Житие Василия Нового // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. М.; Л., 1987. С. 142–143; Пентковская Т. В. Житие Василия Нового в Древней Руси: проблемы оригинала и перевода // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2004. № 1. С. 75–97.

⁴ Дискуссия обобщена в: Ostrowski D. The Načal'nyj Svod Theory and the Povest' Vremennyx Let' // Russian Linguistics. 2007. № 3. P. 269–308; Михеев С. М. Отражение Начальной летописи в Новгородской I летописи младшего извода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 45.

⁵ См. сноску 2.

ПВЛ по Ипатьевскому списку	Комиссионный список НЛ
лѣто . ꙗꙋ . мѠ [6449 (941)] ∴ Иде Игорьъ на Грѣкы . Панфирь . деместникъ . съ четырьми десѣтъ тысащъ . Фока же патрикии съ Македоны . <u>Феодоръ же стратилать съ Фракы .</u> и с ними же и сановници богарьстии . ѡбидоша Русь . ѡколо . и свѣщаша Русь и изидоша противу въвружившесѧ на Грѣкы . и брани межю има бывши злѣ . ѡдва ѡдолѣша Грѣци . Русь же възвратишасѧ къ дружинѣ своєї к вечеру . и на ноць влѣзше въ лодыѧ ѡбѣгоша . <u>Феоданъ же оусрѣте ѧ въ ѡладѣхъ съ ѡгнемъ . и нача пуцати ѡгнь трубами на лодыѧ Рускыѧ .</u> Игорьъ же пришедъ . и нача съвокупити вои многы . и посла по Варягы за море . ваба и на Грѣкы . пагы хотѧ поити на нѧ ∴⁶	В лѣто 6428 [920]. Посла князь Игорьъ на Грѣкы . Въ время же то царствующю во градѣ Роману, и абие <u>посла Романъ цесарь патрикия Феодана съ вои на Русь, и огненымъ строемъ пожже корабля рускыя.</u> И възратишася Русь въ своя. Том же лѣтѣ препочиша и другое, на третье идоша⁷.
	Троицкий список НЛ В лѣта шесть тысящъ четырьста двадесѣт осьмаго. Посла вои на Грѣки Игорьъ Рускии. Бысть же Романъ тогда царь. <u>Посла Роман патракия Феодора, Феодана с вои на Русь, и огненымъ строемъ пожже корабля Руския.</u> Възвратишася из Руси въ своясы в томже лѣте препочиша и другое, на третье идоша⁸.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. С. 33–34.

⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 107–108.

⁸ Там же. С. 515.

А. М. Ранчин (Москва)

МЕТОД А. А. ШАХМАТОВА И ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ТЕКСТА ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ: О КОНЦЕПЦИИ С. Я. СЕНДЕРОВИЧА

1. Так называемый сравнительно-текстологический метод, использованный А. А. Шахматовым при изучении истории текста Повести временных лет (далее – ПВЛ) и реконструкции ее редакций и гипотетических сводов, ей предшествовавших, в исследовательской литературе неоднократно противопоставлялся пониманию ПВЛ как относительно цельного летописного текста, как единого памятника (И. П. Еремин, А. А. Шайкин и многие другие). В работах последних лет обращается все большее внимание именно на структурное единство ПВЛ (исследования А. А. Гиппиуса, В. Я. Петрухина, А. Тимберлейка и др.; писал об этом и автор настоящих тезисов). Может быть, наиболее радикальными в развитии подхода к ПВЛ как к цельному произведению являются статьи С. Я. Сендеровича¹.

2. С. Я. Сендерович рассматривает структуру ПВЛ как реализацию идеи избранности младшего брата. По мнению С. Я. Сендеровича, этой историософской идеей объясняется отказ летописца осуждать Владимира Святославича за убийство старшего брата Ярополка (мнение, что убийство не поставлено Владимиру в вину, потому что он язычник, исследователь отводит, напоминая, что для древнерусских книжников был значим пример Каина, который не был прощен, хотя и согрешил «по неведению»). Напротив, Святополк Владимирович (Ярополчич) как старший князь был осужден за убийство младших (Бориса и Глеба), причем, по мнению С. Я. Сендеровича, их почитание как святых объясняется именно

¹ Сендерович С. Я. Св. Владимир: к мифопоэзису // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 300–313; Сендерович С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I: Древняя Русь. С. 461–499.

возрастом. Соответственно, Ярослав Мудрый, лишивший Святополка власти, оправдан как младший по возрасту, только старший из трех Ярославичей, Изяслав, обвинен в нарушении крестного целования, данного Всеславу Полоцкому, хотя преступили целования и младшие братья Святослав и Всеволод; изгнание Изяслава киевлянами — возмездие за грех; значима и его позднейшая смерть от руки вероломного убийцы (статьи 6575–6576 г.). Не менее показателен, по мнению С. Я. Сендеровича, отказ летописца обвинять младшего Ярославича, Всеволода, в изгнании старшего брата Изяслава из Киева; вся вина возложена на среднего брата Святослава (статья 6581 г.). Смутьяном, разделившим горькую судьбу отца, заявляет С. Я. Сендерович, представлен в ПВЛ и сын старшего Ярославича Ярополк (статья 6594 г.). Наконец, как утверждает С. Я. Сендерович, в паре князей: Святополк Изяславич — Владимир Мономах — старший, Святополк, повинный в ослеплении Василька Тербовольского, ассоциируется в летописном тексте с братоубийцей Святополком Окаянным, а младший, Владимир, как устроитель «династического мира» — с крестителем, устроителем христианской Руси — Владимиром Святославичем. Для обоснования своей трактовки ПВЛ С. Я. Сендерович ссылается на культурно-исторический контекст, который, по его мнению, образует для ПВЛ Ветхий Завет, где содержится мотив божественного предпочтения вопреки предустановленному порядку младшего, а не старшего брата.

С. Я. Сендерович полагает, что его подход (названный «культурно-историческим») позволяет установить парадигму, в которой работали разные летописцы и потому якобы в известной мере снимает вопросы, актуальные для шахматовского метода и в принципе в его рамках не решаемые (все ответы остаются сугубо гипотетическими). Эти проблемы: выявление не дошедших до нас летописных сводов, лежащих в основе ПВЛ, только посредством внутренней критики текста, при отсутствии параллельного материала; обнаружение в одном известии разных слоев редакторской правки и их снятие. Настаивая на определенных преимуществах декларируемого подхода перед шахматовским, С. Я. Сендерович вместе с тем полагает, что эти два подхода во многом совместимы.

3. Несмотря на ряд точных и убедительных наблюдений (это указание на соотнесенность Святополка Изяславича со Святополком Окаянным, а Владимира Мономаха — с Владимиром Святославичем), концепция С. Я. Сендеровича в целом очень уязвима и отнюдь не восполняет того «изъяна» гипотетичности, который исследователь находит у А. А. Шахматова. Если А. А. Шахматов, по характеристике С. Я. Сендеровича, строил гипотезы «второй степени», опираясь при реконструкции несохранившихся сводов на другие, также существующие только как реконструкции, то его оппонент исходит из недоказанной презумпции о наличии в Слове о Законе и Благодати мотива богоизбранности младшего брата; у Илариона, бесспорно, есть лишь мотив избранности «младшей» по отношению к иудаизму веры — христианства и «младшей», русской ветви его, подкрепляемый ветхозаветными примерами. Затем эта гипотеза экстраполируется на текст ПВЛ, хотя, даже если бы она была верна, необходимо доказать, что Иларион и ПВЛ ориентируются на одну и ту же историософскую модель. При анализе текста ПВЛ совершается весьма решительное отсечение материала, концепцию не подтверждающего. Так, не учитывается, что Владимир прямо не обвиняется в грехе братоубийства, но его деяние отнюдь не игнорируется. Очевидно, от греха его очищает крещение. (Заметим, что и старший брат, язычник Ярополк, прямо не осуждается за причастность к смерти брата Олега.) Победивший в междоусобной борьбе Ярослав Мудрый был моложе Святополка Окаянного, но среди сыновей Владимира он один из старших. Почитание Бориса и Глеба прямо, конечно, никак не связано с тем, что они младшие сыновья. (Кстати, достоверность известий ПВЛ и житий об их возрасте, как известно, небесспорна.) Как раз культурно-исторические аналоги их культа свидетельствуют против этого (ср. хотя бы хрестоматийный пример чешского князя св. Вячеслава/Вацлава, убитого младшим братом Болеславом; почитание Вячеслава, по-видимому, повлияло на формирование Борисоглебского культа).

Действительно, Изяслав повинен более братьев в нарушении крестного целования из-за своего старшинства; но его статус, вероятно, трактуется не как «изъян», а как обязанность быть примером чести и ответственности. (По этой же причине, скорее всего, ответственность за изгнание Изяслава летописец возлагает прежде всего на среднего брата Святослава, а не на младшего — Всеволода.) В летописном некрологе именно Изяслав представлен благочестивым правителем и праведником, а его сын Ярополк уподоблен святым страстотерпцам Борису и Глебу (статьи 6586 и 6594 г.). Напротив, младший Ярославич Всеволод упрекается в неразумии и недальновидности (статья 6601 г.).

С. Я. Сендерович неоправданно смешивает уровни оценок и летописных фактов при обосновании своей концепции. Так, насильственная смерть старшего по возрасту князя трактуется как однозначное подтверждение концепции, хотя при отсутствии оценки ее летописцем она должна рассматриваться как констатация реального события и не более того. В таком случае резонен вопрос, почему не принимается во внимание пример, противоречащий идее исследователя: трагическая гибель Ростислава Всеволодовича, младшего из «младшей» пары — Всеволодовичей.

Следуя принципу «бритвы Оккама», С. Я. Сендеровичу нужно бы доказать недостаточность принадлежащего А. А. Шахматову «чисто политического» объяснения оценок летописцами того или иного князя (Святополка Изяславича и Владимира Мономаха).

Наконец, весьма вольную трактовку получает и ветхозаветное понятие старшинства, проецируемое, например, и на возрастные корреляции «старший двоюродный брат — младший двоюродный брат».

4. Сказанное, естественно, не означает, что презумпция культурно-исторического подхода к ПВЛ, декларированная С. Я. Сендеровичем, порочна как таковая. Причем этот подход и шахматовский метод не являются взаимоисключающими. Проблема выявления историософских парадигм, значимых для летописцев, но не эксплицированных в тексте, частично уже решенная, требует дальнейшего изучения.

В. М. Рычка (Киев, Украина)

«ДВЕНАДЦАТЬ» (О СИМВОЛИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЧИСЕЛ В ЛЕТОПИСНОЙ СТАТЬЕ 6496 г.)

Как известно, типологический символизм определял основное идейное содержание раннего киевского летописания. Почти каждый его персонаж, каждое заметное событие находят соответствие в библейских, прежде всего ветхозаветных, событийных моделях и/или в византийских хрониках. «Событие существенно для летописца постольку, поскольку оно являлось со-Бытием... Аналогия с библейскими событиями давала летописцу типологию существенного. Священное Писание являлось для него и его современников семантическим фондом, из которого оставалось выбрать готовые клише для восприятия, описания и одновременной оценки происходящего»¹.

Например, обращение в христианство киевского князя Владимира уподобляется древнерусскими книжниками, как уже отмечалось исследователями², обращению Савла — будущего апостола Павла: идущему ему по дороге к Дамаску внезапно осиял его свет Господний, и Савл ослеп, а через три дня, когда по повелению Иисуса некий ученик его по имени Анания возложил на Савла руки, исполнился он Духа Святого и «тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился, и, приняв пищи, укрепился» (Деян. 9: 3–19). Крещение Руси старокиевские книжники соотносили, как представляется, с дарованием иудеям Закона при горе Синай. Память об этом событии отмечалась в Палестине на пятидесятый день после Пасхи. Согласно христианской традиции именно в день Пятидесятницы на учеников Иисуса Христа, которые собрались в Иерусалиме на молитву, снизошел Святой Дух, который наделил их способностью исполнить заветную Иисусом миссию — нести роду человеческому слово Христово, проповедовать его учение (Лк. 24: 49). Такой способностью обладает после своего обращения в христианство и киевский князь Владимир. Возможно, именно поэтому крещение киевлян в водах Днепра совпало с праздником Пятидесятницы, который в 988 г. приходился на 27 мая³.

¹ Данилевский И. Н. Библия и Повесть временных лет: К проблеме интерпретации летописных текстов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 79.

² Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). 2-е изд., испр. и доп. для русского перевода. СПб., 1996. С. 205; Сендерович С. Св. Владимир: к мифопоэзису // ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1966. С. 309–310; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 445–449.

³ Поппе А. Візантійсько-руський союзницький трактат 987 р. // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 20–22.

Крещению киевлян предшествовало уничтожение пантеона языческих божеств, воздвигнутых ранее на Перуновом холме. Владимир Святославич приказал, как сообщает летописец, «кумиры испроверщи, овы исѣщи, а другия огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневѣ къ хвосту и влещи с Горы по Боричеву на Ручай, **12 мужа** пристави тети жезльемь... Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еше бо не бяху прияли святого крещенья. И привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимерь, рек: “Аще кде пристанеть, вы отрѣваите его от берега; дондеже пороги проидеть, то тогда охабитися его”. Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ пороги, изверже и вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу Перуна Рѣнь, якоже и до сего дне словеть»⁴.

Двенадцать «мужей», которых поставил Владимир избивать поверженного идола железными палками, символизируют здесь, думается, двенадцать апостолов. Неслучайным совпадением представляется и то обстоятельство, что в отличие от перечня детей Владимира под 6488 г., в котором насчитывается 10 его сыновей и две дочери, в статье 6496 г. Повести временных лет встречаем уже двенадцать сыновей: «Володимерь же просвещенъ самъ, и синове его, и земля его. Бе бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволод, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ»⁵.

Перечень двенадцати сыновей Владимира, помещенный в летописной статье 6488 г., является, по мнению И. Н. Данилевского, следствием переосмысления составителями Повести временных лет библейской книги Бытия (Быт. 35: 22–26) и «Сказания Епифания Кипрского о 12 драгоценных камнях на ризе первосвященника»⁶. Посаждение Владимиром своих «двенадцати сыновей» на княжение в различные города Руси, о чем сообщает летописец под 6496 г., соотносится, на мой взгляд, с «двенадцатью приставниками», которых поставил библейский царь Соломон над Израилем: «И было у Соломона двенадцать приставников над всем Израилем, и они доставляли продовольствие царю его; каждый должен был доставлять продовольствие на один месяц в году» (3 Цар. 4: 7)

Числовое соответствие представлялось одним из ключей к глубинному единству. В христологии число 12 символизировало обновленное человечество, земную и небесную Церковь. Для древнерусских книжников символика числа 12 была привычной: ее можно обнаружить не только в летописании, но и в других памятниках, например в Киево-Печерском патерике. Его двукратное использование в интересующей нас статье придавало летописному рассказу о крещении Руси черту ее особого избранничества и, кроме всего прочего, должно было засвидетельствовать апостольское предназначение киевского правящего дома.

Не исключено, что самому же Владимиру отводилось почетное место тринадцатого апостола. Эта мысль исподволь развивается в произведениях старокиевских книжников середины — второй половины XI в. Так, в ранг тринадцатого апостола возводит Владимира Иаков Мних в своей «Памяти и похвале князю Владимиру», прямо называя его апостолом «в князих»⁷. Характерным в этом отношении является также сообщение Киево-Печерского патерика: «видѣхом свѣтъ вѣры апостолом нашим, посланным от Бога, князем Владимиром: сам Бога познав святым крещением и нам того показав»⁸. Более основательно и последовательно эта тема разработана в «Слове о Законе Благодати» киевского митрополита Илариона, утверждавшего: «...хвалить же похвальными гласы Римскаа страна Петра и Павла има же вѣроваша въ Иуса Христа Сына Божїа; Асія і Ефесъ и Пафмъ — Иоанна Богословьца; Индіа — Фому; Египетъ — Марка. Вся страны и гради и людїе чтятъ и славятъ коегождо ихъ учителя иже наоучиша я православноѣ вѣрѣ. Похвалимъ же и мы по силе нашей малыими похвалами великаа и дивнаа сътворишааго нашего оучителя и наставника, великааго кагана нашаа земли Володимера»⁹.

В византийской агиографической традиции титул тринадцатого апостола впервые употребляется в отношении Константина Великого¹⁰. Византийские василевсы выступали в ней продолжателями возложенной

⁴ Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. СПб., 2007. С. 52.

⁵ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 54.

⁶ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). М., 1999. С. 352.

⁷ Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1963. Вып. 37. С. 68.

⁸ Киево-Печерський патерик / Під ред. Абрамовича Д. І. К., 1930. С. 87.

⁹ Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. К., 1984. С. 91.

¹⁰ Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). С. 201.

на апостолов миссии¹¹. В свою очередь, в древнерусских письменных источниках киевский князь Владимир Святославич уподобляется равноапостольному императору Константину Великому. Это подобие задекларировано, например, митрополитом Иларионом, который называет последнего «подобниче великааго Коньстантина — равнооумне, равнолюбче, равночестителю слоужителемь его»¹². В некрологе на смерть князя, помещенном в Повести временных лет под 1015 г., утверждается, что Владимир «есть новии Константинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя: та и съ створи подобно ему»¹³.

¹¹ См.: *Dvornik F.* The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of Apostle Andrew. Massachusetts, 1958. P. 3–105; *Christou P.* The Missionary Activity of the Byzantine Emperor // *Byzantina*. 1971. Т. III. P. 277–286.

¹² *Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. С. 96.

¹³ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 58.

Акихиро Сато (Киото, Япония)

СТРУКТУРА ТЕКСТА ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ И ШАХМАТОВСКАЯ ТЕОРИЯ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

При внимательном прочтении ПВЛ можно заметить, что в ней представлены два типа текста: 1) текст, в котором различные события излагаются как исторические факты, и 2) текст, в котором эти события комментируются летописцем и дается оценка действиям персонажей, играющих в них важную роль. Первый тип назовем текстом типа «фактографии», а второй — текстом типа «комментария». В качестве примера текста второго типа можно привести следующие отрывки: «се же быс(ть) якоже при Соломанѣ... Г(о)с(под)ь реч(е) приходящаго ко мнѣ не ижену вонъ» (955 г., 62.8–25); «си быс(ть) предътекуция кр(ес)тъяньстѣи земли... защитилъ бо есть сию бл(а)ж(е)ну Вольгу. от противника и супостата дьявола» (969 г., 68.7–69.7.); «се есть новии Костянтинъ великого Рима... неиздреченьную радость. юже буди уллучити всѣмъ х(ре)с(т)ьяномъ» (1015 г., 130.30–131.29); «егоже по правдѣ. яко неправедна суду нашедшу на нь... тако и съ быс(ть)»¹ (1019 г., 145.14–146.8) и т. д.

Общий объем текста типа фактографии значительно превышает объем текста типа комментария. Однако схематически текст ПВЛ выглядит как бы построенным на последовательном чередовании этих двух типов текста.

Два типа текста различаются прежде всего дистрибуцией временных форм глагола. В тексте типа фактографии, если не принимать во внимание причастия, не имеющие собственного временного значения, глаголы употребляются исключительно в формах прошедшего времени. С другой стороны, в тексте типа комментария встречаются глаголы в формах как прошедшего, так и настоящего времени. Здесь нет единства временного плана. Помимо этого, в тексте типа фактографии часто цитируются слова действующих лиц, что придает повествованию жизненность, правдивость, в то время как в тексте типа комментария мы находим многочисленные цитаты из Библии, призванные придать авторитет данной летописцем оценке событий.

Наблюдаются также различия в порядке слов. Для текста типа фактографии в случаях наличия подлежащего характерно использование предложений с порядком слов «сказуемое — подлежащее», изображающих непрерывную последовательность течения событий. Также время от времени наблюдается употребление предложений с порядком слов «подлежащее — частица *же* — сказуемое», которые как бы прерывают ход событий, изображенных последовательностью предложений типа «сказуемое — подлежащее» и «сказуемое», и придают ритмичность повествованию, сигнализируя о смене подлежащих. В тексте типа фактографии порядок слов не определяется функциональными или дискурсными планами, а используется для формирования специфического «стиля повествования», т. е. определяется в основном стилистическими планами. В тексте типа комментария, с другой стороны, основным является порядок

¹ Цит. по: ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1; с упрощенным правописанием и с минимальными поправками.

слов «подлежащее — сказуемое», характерный для современного русского языка. Можно утверждать, что в тексте этого типа порядок слов определяется функционально, подобно тому, как он определяется в современном языке.

Наблюдается также разница в употреблении указательных местоимений. Для текста типа фактографии характерно употребление местоимения *онъ*, указывающего на отдаленный предмет или лицо. Употребление этого местоимения ограничивается случаями его использования в качестве подлежащего в предложениях типа «подлежащее — частица *же* — сказуемое», сигнализирующих о смене подлежащих. Здесь значение этого местоимения «указание на отдаленный предмет или лицо» можно понимать как «указание на перемену подлежащих». Употребление местоимения *онъ* в данном случае указывает на удаление от антецедента в форме подлежащего. В части текста типа комментария, с другой стороны, довольно часто употребляется местоимение *сь*, указывающее на близкий объект. Здесь местоимение *сь* не функционирует в качестве анафоры, указывающей на предмет или лицо из предшествующего контекста, а указывает непосредственно на лицо, о котором идет речь, на лицо, являющееся центральным действующим персонажем в данном контексте, предметом оценки летописца. Здесь значение этого местоимения «указание на близкий предмет или лицо» можно понимать как «сокращение психологической дистанции» между действующим персонажем и летописцем (либо же читателем, слушателем). В данном случае употребление местоимения *сь* близко по своему значению к дейктическому.

Возникает вопрос: как сформировались подобная структура ПВЛ и характерные черты каждого типа текста? Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего выяснить отношение между сделанными наблюдениями над структурой текста ПВЛ и теорией А. А. Шахматова о формировании текста ПВЛ.

В публикации, помещенной в конце книги А. А. Шахматова «Разыскание о древнейших русских летописных сводах» (1908), и в примечаниях к нему представлены восстановленные Шахматовым тексты трех предшествующих ПВЛ сводов, т. е. Древнейшего свода 1039 г., свода Никона 1073 г. и Начального свода 1093 г. А в книге «Повесть временных лет» (Пг., 1916. Т. 1) представлены тексты второй редакции ПВЛ 1116 г., третьей редакции 1118 г., а также Начального свода 1093 г.

Если принять теорию А. А. Шахматова и проследить дистрибуцию интересующих нас двух типов текста в сводах и редакциях ПВЛ, восстановленных им, то обнаружим, что различия между этими двумя типами текста прослеживаются уже на самом раннем этапе, т. е. уже на стадии Древнейшего свода 1039 г. Разницу в порядке слов и характерные черты употребления местоимений каждого типа текста тоже можно считать возникшими еще на этапе Древнейшего свода 1039 г. Можно предположить, что при составлении поздних сводов или редакций летописцы, придерживаясь установленной еще в самом начале разницы между двумя типами текста, то дописывали текст типа фактографии, то вставляли новые «комментарии», то дополняли своими словами или библейскими цитатами уже существующие «комментарии».

Именно таким представляется процесс создания конечной версии текста ПВЛ в том случае, если теория А. А. Шахматова признается верной. Дальнейшее исследование необходимо для того, чтобы ответить на вопрос, поддерживают ли представленные здесь наблюдения относительно двух типов текста теорию А. А. Шахматова о формировании текста ПВЛ или нет.

А. В. Севальнев (Москва)

К КРИТИКЕ ГИПОТЕЗЫ О НАЧАЛЬНОМ СВОДЕ

Вопрос взаимоотношения текстов Повести временных лет (далее — ПВЛ) и Новгородской первой летописи (далее — НПЛ) считается едва ли не главным в русской историографии. Предложенная же А. А. Шахматовым и принятая большинством исследователей оригинальная гипотеза о независимом отражении в ПВЛ и НПЛ несохранившегося более раннего Начального свода как будто раз и навсегда решает этот вопрос — мнения скептиков традиционно признаются менее убедительными.

Между тем критический анализ представлений Шахматова о ранних этапах русского летописания и попытки оспорить его выводы появились сразу после опубликования его трудов и продолжают появляться до сих пор (известные работы И. А. Тихомирова, В. З. Завитневича, В. М. Истрина, Н. К. Никольского, А. Брюкнера, С. А. Бугославского, М. Х. Алешковского, Д. Островского, Т. Л. Вилкул и др.). При этом взгляды критиков, имеющие разную степень доказательности, основанные на различных посылах и оттого никогда не сводившиеся в единую концепцию, по моему мнению, содержат-таки достаточный набор аргументов против гипотезы о Начальном своде, а многие частные примеры критики вполне убедительны. К таковым в первую очередь могут быть отнесены: признание принципиальной возможности сокращения в НПЛ избыточных чтений ПВЛ; определение вторичности некоторых чтений НПЛ; датировка так называемого введения началом XIII в. Кроме того, сама форма изложения гипотезы представляется мне несовершенной, а система доказательств — содержащей искусственные и логически противоречивые построения.

Так, вывод о существовании гипотетического Начального свода сделан Шахматовым в том числе на основании анализа обнаруженных им в составе ПВЛ чтений, имеющих, по его мнению, вставной характер, отсутствовавших в предшествовавшем ПВЛ летописном памятнике и не отразившихся в восходящей к нему же НПЛ.

Тем не менее, как это не раз показывалось критиками Шахматова, большая часть примеров «вставных» чтений не находит подтверждения в параллельных текстах дошедших летописей. Только в отношении двух случаев (статьи 946 и 971 г.) можно говорить о таком соотношении текстов НПЛ и ПВЛ, когда избыточные чтения последней действительно с большой долей вероятности могут быть приняты за вставки. Но принятию такого вывода немало способствует то, как Шахматов строит логическую конструкцию своих рассуждений, следуя которым у читателя невольно складывается впечатление, что сначала Шахматов обнаружил вставной характер чтений ПВЛ, а лишь затем его догадки подтвердились фиксацией отсутствия соответствующих текстов в НПЛ. Однако можно с уверенностью утверждать, что тексты ПВЛ и НПЛ были одинаково хорошо известны Шахматову. И, по моему мнению, такое искусственное выстраивание аргументации является очевидным слабым элементом системы доказательств Шахматова.

В отношении же «вставок» в статьях 946 и 971 г. Шахматов делает свои умозаключения в том числе на основе двух посылок: «вставки явные» и «сократить невозможно».

Между тем одновременное использование обоих этих тезисов совершенно исключено. Так, принятие первого тезиса означает, что второй неверен (что может быть проще сокращения явно инородного включения?), а принятие второго — что неверен первый (не может быть явно инородной частью, которую невозможно обнаружить и изъять). Принятие же каждого тезиса по отдельности, по моему мнению, лишает логическую конструкцию той оригинальной доказательности, которую, несомненно, хотел продемонстрировать Шахматов. Более того, принятие только первого тезиса разрушает аргументацию Шахматова, принятие же только второго переводит ее в разряд сугубо субъективно-смысловой.

Что до самих «вставок», то для сокращения рассматриваемых текстов совсем не обязательно обращаться к гипотетическому оригиналу, который якобы сохранился в составе НПЛ. Рассказ о четвертой мести Ольги имеет очевидный фантастический характер, для осознания этого не требуется ничего кроме обычного житейского опыта, описываемые в этом рассказе события никоим образом не могли происходить на самом деле, следовательно, поводом для его исключения могла быть лишь чуть большая «щепетильность» составителя НПЛ. «Нелогичность» же поведения Святослава во время похода на греков также очевидна и вполне могла быть «обнаружена» тем же составителем НПЛ. Во всяком случае, полагаю, нет никаких оснований для категорических утверждений, что сокращение этих текстов является событием невероятным.

Конечно, изложенные наблюдения сами по себе не могут служить основанием для отрицания существования гипотетического Начального свода, однако вкупе с другими аргументами, по моему мнению, подвигают к более внимательному рассмотрению альтернативных решений вопроса взаимоотношения текстов ПВЛ и НПЛ. Тем более что состояние проблемы, как мне представляется, до сих пор остается таким, что ни одно из известных текстологических доказательств первичности текста НПЛ не может быть признано безупречным, а невозможность возведения текста НПЛ к ПВЛ — безусловно доказанной. В связи с этим приведу примеры совсем недавно предложенных интерпретаций некоторых разночтений ПВЛ и НПЛ, которые, по мнению их авторов, свидетельствуют в пользу гипотезы о Начальном своде, но на поверку вполне могут рассматриваться в качестве аргументов против.

Так, А. А. Гиппиус на основании сложных лингвистических аналогий предположил, что имеющееся в НПЛ под 964 г. в пассаже «князю Святославу... возовъ по собе не вожаше, ни котла, ни мясь варяше, нь потонку мяса изрезавше, конину или зверину, грядину на углех испекъ, ядыше» уникальное чтение «грядину» первично и означает «вертел/шампур» (в ряде языков «гряда» и «вертел» обозначаются одним и тем же словом), а соответствующее чтение ПВЛ «говядину» вторично и является ошибочным¹. Между тем с практической точки зрения очевидно, что для приготовления мяса на шампурах его необходимо нарезать сравнительно крупно, а ни в коем случае не мелко или тонко, как то указано в обоих вариантах летописных статей. Отсюда полагаю, что в исходном тексте не было упоминаний ни о каких вертелях или шампурах, и, даже если гапакс «гряда» действительно означает-таки «шампур», введение этого термина в текст летописи, по моему мнению, следует отнести на счет творчества составителя НПЛ, который исказил первоначальное и вполне логичное чтение «или говядину» (кстати, в Троицком списке НПЛ читается «или (!) грядину»).

П. В. Лукин высказал также предположение, что оригинальное чтение статьи 1015/1016 г. НПЛ «князь Ярославъ разгневался на гражаны, и собра вои славны тысящу» первично по отношению к чтению ПВЛ «Ярославъ... пославъ к новгородцемъ... и позва к собе нарочитые мужи», ибо в последнем «нарочитые» стереотипно и является калькой с греческого².

Тем не менее термин «нарочитые» используется как в ПВЛ — в рассказах о мести Ольги древлянам (под 945 г.), о крещении Руси (под 988 г.), о Десятинной церкви (под 996 г.) и о противостоянии Святополка и Ярослава (под 1015 г.), так и в НПЛ, где встречается также под 945, 988 и 996 г., а кроме того, в Повести о взятии Царьграда фрягами (под 1204 г., причем только в Комиссионном и Академическом списках некий Никола назван «нарочитым воином», в Синодальном же — просто «воином»), в рассказе о постройке шведами города в устье Охты (под 1300 г.) и в рассказе о вызове в Москву новгородского владыки (под 1335 г., только в Академическом списке, в Комиссионном — «вятские»). Но при этом в НПЛ «нарочитые» — это всегда древляне, киевляне, греки, шведы, наконец; сами же новгородцы — «вятские», «славные», по крайней мере до середины XV в. термин «нарочитые» новгородскими летописцами по отношению к самим новгородцам не употреблялся. Из этого, по моему мнению, следует заключить, что именно составитель НПЛ изменил «неподходящее» чтение киевского летописца, а не наоборот.

¹ Гиппиус А. А. Как обедал Святослав: устный доклад на круглом столе «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе» (Ин-т славяноведения РАН, 5 июня 2007 г.).

² Лукин П. В. События 1015 г. в Новгороде // Отечественная история. 2007. № 4. С. 15.

С. Я. Сендерович (Cornell University, Ithaca, NY, USA)

ИСТОРИЧЕСКОЕ УМОЗРЕНИЕ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ: О ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ

1. Шахматовская реконструкция генеалогического древа русского летописания дает прочное основание для понимания летописей, какие бы поправки и дополнения ни приходилось вносить. От этой классической стратегии следует отделить попытки Шахматова расщепить Повесть временных лет (далее — ПВЛ) на составляющие ее более ранние своды: эти попытки не имеют достаточного основания, что подтверждено недавно изданным трудом С. А. Бугославского. Проблема составляющих ПВЛ заслоняла все другие проблемы начального летописания, а оно требует иных подходов.

2. ПВЛ — продукт и основное свидетельство начального летописания, и по ней мы должны судить о нем. Преодолевая мнимые очевидности, нужно выяснить, что она собой представляет — как жанр, как область особого применения языка, как произведение с определенным умыслом.

3. Предлагаю читать ПВЛ не как собрание данных и легенд, а в согласии с мыслью В. О. Ключевского о характере средневековых текстов — как выразительный документ духовной жизни эпохи. С этой целью ее можно исследовать в подходах, по крайней мере, на трех уровнях, рассматривая ее:

- а) в ее культурном горизонте — в контексте христианской историографии,
- б) в ряду текстов начальной русской письменности,
- в) в ее внутреннем строе.

Эти три подхода представляют постепенно сужающиеся контексты ПВЛ как смылосозидательного документа. В своей совокупности эти контексты ПВЛ ведут к реконструкции установок создателей летописания.

а) В христианской историографии используются античные и библейские историографические традиции. Различимы локальные истории только что прошедшей эпохи и универсальные хронографии, среди универсальных разнятся построенные как продолжение библейской или римской истории. По форме различаются повествования по типу анналов и саг. По содержанию — регистрирующие, повествующие и историософские. В этом контексте древнерусское начальное летописание уникально: оно представляет собой построение национального нарратива как венчающего эпизода универсальной христианской истории на библейской основе (в отличие от универсализма византийских хронографов, лишенных национальной задачи, и от Англосаксонской национальной хроники, построенной в продолжение римских Анналов, и от чисто абстрактной историософии типа Иоахима из Фьоре и т. д.). Поставленная в ПВЛ задача вписать национальную историю в универсальную христианскую мыслима лишь на основе концепции, исторического умозрения, т. е. историософии, подстилающей события и наделяющей их качеством исторических событий. Анализ текста ПВЛ не оставляет в этом сомнения.

б) В ряду начальной русской письменности историографическая задача поставлена Словом о Законе и Благодати. Она поставлена в форме историософской, точнее — в форме *типологической экзегезы*. Принято отмечать, что в Слове о Законе и Благодати русь трактуется как народ 11-го часа, с апокалиптической аурой этой идеи. Я различаю более глубокий план: идею младшего народа среди христианских — с параллелями к ветхозаветной парадигме превосходства младшего брата над старшим, которая была подхвачена в теологии ап. Павла и в житиях свв. Кирилла и Мефодия. В ПВЛ есть черты ее продолжения — как в той же проекции, что в Слове о Законе и Благодати, так и в проекции на основную тему ПВЛ — историю междоусобных войн в первых четырех поколениях киевских христианских князей. В том же смысловом ряду находится включение Жития свв. Бориса и Глеба в Захарьинский Паремийник, т. е. в цикл ветхозаветных чтений, на месте чтения о Каине и Авеле.

в) Во внутреннем строе ПВЛ выделяются характеристики: а) структурные и б) смысловые. Те и другие в совокупности свидетельствуют о творческих установках.

1) Структурно ПВЛ состоит из предыстории христианской Руси и ее христианской истории от св. Владимира до Владимира Мономаха. Христианская историософия доминирует в обеих частях. В предыстории языческие саги получают свое место именно как предысторическое языческое *баснословие* — по контрасту с историей как христианским проектом. История христианской Руси строится на чудесном и уникальном преодолении разрыва с универсальной историей и на неразрывной связи династической и христианской истории. Сквозь хаос династической борьбы проступает провиденциальный план для Руси.

2) В смысловом плане династическая проблема как проблема истории решается посредством *типологической экзегезы*, которая имеет два аспекта:

3) под поверхностью морализирующей риторики братолюбия последовательно реконструируется установка в пользу младшей семейной ветви, которая имеет типологическую основу в библейской парадигме превосходства младшего брата над старшим (*историческая типология* в продолжение Слова о Законе и Благодати) и

4) *именную типологию* — распределение участников борьбы как носителей добрых и злых имен: на *-миръ* и на *-полкъ* — и последовательное типологическое сближение носителей одного имени.

В ПВЛ события становятся историей благодаря их включенности в *провиденциальный замысел*. Таков творческий принцип, *τέλος* начального летописания Древней Руси. О нем свидетельствует вполне конкретный анализ текста.

4. В последние годы И. Н. Данилевский проделал ценную работу по прочтению эпизодов ПВЛ в свете библейских аллюзий. Кое-что в этих чтениях спорно, но совсем неприемлемо утверждение,

что данным уровнем контакт ПВЛ с Библией следует ограничить. Для поддержки этой позиции И. Н. Данилевский строит априорную герменевтическую теорию со ссылками на Деррида и Кристеву. Но априорное теоретическое построение герменевтики невозможно — она предметно специфична. Анализ текста ПВЛ показывает, что он строится на разных уровнях в соответствии с разными одновременно действующими установками (которые вовсе и не должны быть последовательно, непротиворечиво проведены для того, чтобы быть смыслозадающей силой). Напомню мысль Н. К. Никольского в полемике с А. А. Шахматовым о том, что в ПВЛ видны «следы работы не сводчика, а историографа», который руководствовался «историческим умозрением»¹. Решающий вопрос для понимания ПВЛ: ограничивается ли она «центонно-парафразовым, компилятивным характером» (И. Н. Данилевский) или все же является носителем исторического умозрения?²

¹ Никольский Н. К. ПВЛ как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930. С. 25.

П. С. Стефанович (Москва)

«ШАХМАТОВСКИЙ» ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ*

Одними из главных идей, которые развивал А. А. Шахматов в трудах, посвященных истории русского летописания, были две: 1) Повести временных лет (далее — ПВЛ) предшествовал Начальный свод (далее — НСв), который отразился главным образом в Новгородской первой летописи (далее — НПЛ); 2) НСв объединил разного рода произведения, в том числе и предшествующие летописные памятники. Несмотря на то что эти идеи получили позднее разностороннее развитие и подтверждение, они, на мой взгляд, явно недостаточно учитываются историками, занимающимися древнейшей историей Русского государства. Главным, а зачастую и единственным источником для этих историков продолжает оставаться ПВЛ. В редких случаях ее данные сравнивают с сообщениями НПЛ, а в совершенно исключительных — задают вопросом, какие данные могут восходить к пластам летописи более древним, чем НСв.

Между тем «шахматовский» подход в изучении летописания дает несомненные плоды для исторического исследования, так как позволяет «отслаивать» сведения относительно более ранние от поздних, в том числе явно недостоверных, возникших в результате переосмысления и правки предшествующих летописных текстов. В то же время выводы исторического характера могут иметь обратное значение — с их помощью можно верифицировать шахматовскую схему раннего летописания. Показательным примером могут служить сообщения о взимании налогов и поборов с подвластного населения (в основном дани с покоренных племен) в Древнерусском государстве. Таких сообщений около дюжины в ПВЛ, и все они приходятся на древнейшую часть летописи — до начала XI в. (не считая рассказа о сборе дани на Белоозере Янем Вышатичем в 70-х годах XI в.). В настоящем докладе излагаются результаты анализа расхождений в этих сообщениях между НСв по НПЛ младшего извода и ПВЛ по основным спискам.

Практически идентичный вид в НСв и ПВЛ имеют следующие известия: 1) о дани полян хазарам по мечу «от дыма» (под 6362 (854) г. в НПЛмл); 2) о походе Игоря «в дань» к древлянам, закончившемся его гибелью (945 г.) (кроме начала этого известия); 3) о дани вятичей хазарам «по шьягу от рала» (964 г.); 4) об окупе, который потребовали с киевлян варяги, пришедшие с Владимиром (980 г.); 5) об обложении данью вятичей «от плуга» Владимиром (981 г.); 6) об обложении данью радимичей Владимиром (984 г.).

Отличия между летописями следующие. В Сказании о призвании варягов в НСв сообщается, что словене, кривичи, меря и чудь давали варягам дань «от мужа по белей веверице». Согласно ПВЛ, эту дань платят также поляне, северяне и вятичи хазарам, причем не с «мужа», а «от дыма». Без сомнения,

* Исследование осуществлено в рамках гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых (грант МК-309.2007.6).

это известие является искусственной конструкцией автора-составителя ПВЛ, который вообще существенно переработал Сказание. А. А. Шахматов показал, что такой же конструкцией являются сообщения ПВЛ под 6391, 6392 и 6393 (883, 884, 885) г. о дани, которой якобы Олег обложил древлян, северян и радимичей. Нет сомнений также, что в ПВЛ было сокращено и переработано начало рассказа о гибели Игоря, в результате чего объяснение дополнительного похода князя к древлянам за данью потеряло всякую логику. Очевидно, вставной и легендарный характер имеет рассказ ПВЛ о «4-й мести» княгини Ольги, где говорится о дани-окупе, которую она потребовала с жителей осажденного Искоростеня.

Наиболее сложно для интерпретации сообщение о дани, которую установил Игорь (по НСв) или Олег (по ПВЛ) после убийства Аскольда и Дира и захвата Киева: «от Новгорода 300 гривен на лето мира деля». В НПЛмл оно явно в испорченном виде, а в ПВЛ изложено в связном. А. А. Шахматов в «Разысканиях» предлагал крайне сложную схему трансформации сообщения от Новгородского свода 1050 г. через свод 1079 г. и НСв к ПВЛ, прибегая для восстановления первоначального текста к разным летописным традициям. Однако некоторые исторические соображения позволяют считать, что внешняя логичность сообщения в ПВЛ — это снова плод позднейших догадок и правки, а первоначальный текст можно восстановить из того, который содержится в НПЛмл.

Если следовать главной идее А. А. Шахматова, что НПЛмл отразила более ранний этап летописания, то все расхождения и дополнения в приведенных известиях надо признать догадками автора-составителя ПВЛ или позднейшими легендами. Есть веские историко-текстологические доводы в пользу именно такой картины. Признание же этого факта ведет к двум следующим важным выводам. Во-первых, существующие в историографии представления об этапах подчинения племен и способах налогообложения в Древнерусском государстве необходимо существенно скорректировать. Во-вторых, эти примеры показывают, что схема взаимовлияния летописных сводов, которую предложил А. А. Шахматов, является неоправданно сложной. Он считал, что НПЛмл не донесла НСв в его первоначальном виде, поскольку позднее подвергалась правке по летописям, содержащим ПВЛ. С другой стороны, по его мнению, и составители НСв и ПВЛ также не придерживались последовательно одной какой-либо предшествовавшей летописи, но, имея перед собой летописи разного происхождения и разных этапов, в разных случаях оказывали предпочтение разным источникам либо контаминировали их. Такой взгляд позволял Шахматову для реконструкции сводов, предшествовавших НСв, прибегать и к НПЛмл, и к ПВЛ, и к другим летописям, причем не только в отдельных чтениях, но и в целых сюжетах и рассказах (именно таким методом он восстанавливал первоначальный вид сообщения о дани, установленной Игорем «мира деля»). Однако современные исследования показывают, что степень взаимовлияния и контаминации в летописной традиции была А. А. Шахматовым сильно преувеличена. Во всяком случае, примеры, приведенные в докладе, показывают, что этапы летописания, предшествовавшие НСв, в древнейшей части до начала XI в. вполне можно восстанавливать, придерживаясь в принципе НПЛмл.

А. Тимберлейк (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

К ПРЕДЫСТОРИИ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ И ХРОНОГРАФА ПО ВЕЛИКОМУ ИЗЛОЖЕНИЮ

А. А. Шахматов¹ полагал, что Повести временных лет предшествовала более ранняя традиция летописания. Несколько модифицируя шахматовский подход, мы можем наметить следующую предысторию Повести временных лет. Летописание началось с заложившего традицию эпизода (шахматовский Древнейший свод, который может быть датирован периодом между 1031 и 1044 г.), в ходе которого были записаны устные легенды и воинские повести. Различия в способах датировки событий в интервале от 1044 до 1087 г. заставляют думать, что летопись составлялась в форме анналов несколькими летописцами (возможно,

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

пятью). Вопреки шахматовской гипотезе в 70-е годы XI в. никакого особого эпизода редактирования не было. Сходства между статьями 1054 и 1073 г. восходят, надо думать, к Начальному своду. Таким образом, Шахматов был, безусловно, прав, утверждая, что до Повести временных лет существовала длительная традиция летописания, хотя деятельность хронистов характеризовалась большей преемственностью и меньшей прерывностью, чем предполагал Шахматов.

По всей вероятности, внешние источники (византийские, болгарские или чешские) стали привлекаться не ранее, чем при составлении Начального свода. Сравнение различных версий рассказа о Вавилонской башне² предполагает, что в использовании хронографического источника выделяются, по крайней мере, два этапа. В версии Архивского хронографа и предисловии к Повести временных лет отсутствуют какие-либо отсылки к Амартолу, что указывает на источник (назовем его Q_0) старший, чем Амартол; на самом деле, Амартол явно ссылается на этот Q_0 . Напротив, версия Толковой Палеи и Речь философа в Повести временных лет отличаются от Q_0 , поскольку они включают историю Евера, являющуюся парафразом из Амартола. Эта вторая версия, следовательно, восходит в иному прототипу (назовем его Q_1), который оказывается младше 860 г.

Любопытным образом два последовательных этапа версий рассказа о Вавилонской башне соответствуют двум старшим редакциям Хронографа по великому изложению³. Версия Q_0 соответствует «Хронографической редакции» в терминологии Творогова. Если Q_0 /Хронографическая редакция старше, чем Амартол, это должен быть византийский памятник. Напротив, версия Q_1 соответствует «Хронографу по великому изложению₁», источнику Начального свода. Q_1 /Хронограф по великому изложению является более поздним памятником, при составлении которого, судя по его стилю, были использованы славянские переводы Q_0 /Хронографической редакции и Амартола. Тем не менее в его полемических установках и использовании пророчеств он продолжает чисто византийскую традицию⁴, что предполагает знакомство с византийскими источниками.

Повесть временных лет сообщает о событиях, затрагивающих Византию и Русь или Фракию (929, 934 г.); других сведений о византийской истории очень немного. Эта информация извлечена из Амартола через посредство Хронографа по великому изложению⁵. Данные извлечения могли бы быть сделаны в Киеве, однако внимание к Фракии заставляет задуматься, не был ли источник болгарским. Такое положение вещей согласовалось бы с гипотезой о том, что Q_1 /Хронограф по великому изложению₁ был составлен на славянской почве, однако же в таком месте, где была известна византийская полемическая литература и компиляции ветхозаветных пророчеств. Возможность того, что Хронограф по великому изложению является византийским по происхождению памятником, скорее подчеркивает, нежели компрометирует достижения и оригинальность Начального свода. Начальный свод был тем преобразующим эпизодом редактирования, который придал летописи характерную для нее идеологию и лег в основу своеобразного синтеза устного местного нарратива и заимствованных сюжетов.

² Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи / ИОРЯС. 1897. Т. 2. Кн. 1. С. 175–209; Кн. 4. С. 845–905; 1898. Т. 3. Кн. 2. С. 472–531 (то же: СОРЯС. Т. 65. № 6. СПб., 1899).

³ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

⁴ Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи.

⁵ Творогов О. В. Древнерусские хронографы.

Susanna Torres Prieto-Hay (Universidad Complutense de Madrid)

“BY THEIR FRUIT YOU WILL RECOGNIZE THEM”: HEROIC MODELS IN THE PVL

The PVL provides a few accounts of princes' lives: Oleg, (col. 22: 24), Rostislav (col. 166: 15), Gleb Sviatoslavich (col. 199: 22), Vsevolod Jaroslavich (col. 215: 27), Jaropolk (col. 206: 1). Curiously, the first

physical description of a prince, and one of the few ones, is Mstislav's (col. 150: 15). It was the actions of the rulers, first and foremost, followed by their moral qualities what was considered relevant.

All these descriptions could fit into either one of two models that emerge throughout the chronicle: the model of the martyred prince and the model of the warrior prince. Each of these models uses its own literary resources and codes and, while the model of the martyred prince has been sufficiently discussed¹, the model of the warrior prince could be further studied. Furthermore, as we progress chronologically in the PVL, the model of the warrior prince gets richer and more complex, clearly influenced by the lives of religious figures.

The coinage of this model is relevant to the development not only of chronicle writing but also of epic. While it would be unsuitable to qualify certain heroic passages in the chronicles as epic writing (functionally they were clearly different) it is no less true that the models of princes' lives in the PVL were key to the development of epic in Kievan Rus', since they both shared a common aim, this is the glorification of the ruler. This glorification was particularly systematic in panegyrics after death².

It has sometimes been argued, particularly among the followers of the theory of the forgery of the Igor Tale, that there was no epic in Kievan Rus'³. However, this assumption rests upon the conception of what epic became in medieval literature in the West, where the uses of literature and writing differed greatly from those in Kievan Rus'⁴. Underlying the problem of whether there was epic in Kievan Rus', what definition we could give of it and what models did it follow, as well as what uses did it have, there is a still-going problem of genre classification, or rather, of applying modern Western models to genre classification in Medieval Russia.

In this paper, I shall focus not only the model of the warrior prince as it emerges diachronically in the PVL, and the possible differences emerging in the collation of the various redactions, but also the different points of contact and influences that the princes' lives, as written and conceived within the PVL, had with the development of epic in Rus'⁵.

¹ *Ingham N. W.* The Martyred Prince and the Question of Slavic Cultural Continuity in the Early Middle Ages // *Medieval Russian Culture* / Ed. by H. Birnbaum and M. Flier. Berkeley; Los Angeles, 1984 P. 31—53; *Lenhoff, G.* The martyred Princes Boris and Gleb: a socio-cultural study of the cult and the texts // *UCLA Slavic studies*. Columbus, Ohio, USA, 1989.

² *Толочко А. П.* Похвала или житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании) // *Palaeoslavica*. 1999. VII. P. 26—38.

³ *Roport A.* La Misère et la Gloire: Histoire culturelle du monde russe de l'an mil à nos jours. Paris, 1992. P. 43.

⁴ *Franklin S.* Byzantium-Rus-Russia: studies in the translation of Christian culture. Aldershot, Hampshire; Burlington, Vt., 2002; *Franklin S.* Writing, society and culture in early Rus. P. 950—1300. Cambridge, U.K.; New York, 2002.

⁵ *Torres Prieto S.* Slavic Epic: Past Tales and Present Myths // *In Epic and History*, edited by Raaflaub, K. and Konstan, D. 2008.

Саймон Франклин (Кембридж, Великобритания)

А ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ? ТЕКСТОЛОГИЯ ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА

В предварительном списке «тематических блоков», которые «выносятся на обсуждение» на настоящей конференции, обращает на себя внимание отсутствие одного важного аспекта традиционного летописеведения. Во всех блоках летописи рассматриваются исключительно как памятники древнерусской письменной культуры. Нигде не упоминается функция летописи как источника внетекстовых, исторических фактов. Призывают выступать с докладами о том, как надо изучать и анализировать летописный текст, как он формировался, как надо его издавать. А если уж поднимается вопрос о «внешних отношениях» летописного текста, то речь идет о его связях именно с другими текстами: о летописных сводах, об устных и письменных источниках, о проблемах «интертекстуальности». Это, с одной стороны, вполне закономерно в проекте конференции, посвященной юбилею знаменитой книги А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», после выхода которой стало уже невозможным приступить к сколько-нибудь серьезному изучению летописи без тщательного анализа именно текстовых

взаимоотношений. А с другой стороны, эксклюзивность именно текстовой тематики в проекте конференции несколько удивляет или, по крайней мере, дает повод для размышления. Ведь среди памятников древнерусской письменной культуры летописи отличаются как раз своей как будто явной насыщенностью конкретными, внетекстовыми сведениями. По характеру своей самоподачи летопись — это прежде всего рассказ о реальной жизни. В принципе можно предполагать, что изучение фактов текста не является самоцелью, но составляет лишь первый шаг на пути к изучению фактов истории.

Примечательно, что в рассуждениях по данному вопросу уже приходится прибегать к таким осторожным риторическим приемам. Дело в том, что в течение двух столетий — по крайней мере после Шлецера и Карамзина, а может быть, даже со времени Татищева — летопись в качестве свода достоверных исторических фактов постепенно теряет свой статус и авторитет. Это происходит по разным причинам, которые не все связаны между собой, но которые вместе неуклонно ведут в одном направлении. Главные факторы, пожалуй, таковы:

а) Развитие изучения памятников материальной культуры. Накопилось огромное количество нетекстовых источников, и, соответственно, снижается удельный вес летописи.

б) Развитие текстологии. Текстология принципиально подрывает основы «непосредственного» восприятия летописного репортажа. Теоретически, в некоем идеальном мире научной логики, текстолог и историк гармонично дополняют друг друга: текстолог раслаивает дошедший до нас текст, определяет взаимоотношения, происхождение и соответственно степень достоверности каждого составного элемента, что потом позволяет историку восстанавливать цепь событий. Увы, так не получается. Такая гармония возможна только в том случае, если текстологи ПВЛ между собой согласны. А пока бедным историкам надо справляться с совершенно разными и часто противоречивыми гипотезами по поводу статуса, хронологии и происхождения основных летописных текстов. Текстология, казалось бы, призвана служить вспомогательной исторической дисциплиной. Оказывается, не очень-то она вспомогательна.

в) Открытие неизвестных, подлинных нелетописных текстов, т. е. граффити и других надписей, берестяных грамот, что также ведет к снижению удельного веса летописи.

г) До катастрофичности усиленное недоверие к внешне-документальному прочтению текстов вообще как характерный признак современных осложненных и нюансированных подходов к литературоведению и культурологии.

При таком комплексе неблагоприятных обстоятельств положение искателя исторических фактов действительно стало затруднительным. Научного пространства для него осталось мало.

А что же ему тогда делать? В настоящем докладе обсуждаются два вопроса: каким образом «внешние» историки теоретически должны теперь справляться с данными летописного повествования и каким образом, соответственно, реально изменилось (или не изменилось) использование летописей в трудах современных историков? На первый вопрос возможен широкий диапазон ответов от полного скепсиса — или нигилизма, или реализма, в зависимости от оценки данной позиции, — до осторожного прагматизма. А относительно второго вопроса оказывается, однако, что практика историков довольно слабо отражает теоретические последствия вышеизложенных процессов, что редко между текстологией и историей ведется последовательный и продуктивный диалог.

Константин Цукерман (Париж)

О ВВЕДЕНИИ ВИЗАНТИНО-РУССКИХ ДОГОВОРОВ В ТЕКСТ НАЧАЛЬНОГО СВОДА И ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Одним из примеров, часто приводившихся А. А. Шахматовым для иллюстрации трансформации летописного текста при переходе от Начального свода к Повести временных лет (далее — ПВЛ), являлась вставка, обрамляющая договор князя Святослава с Византией. Согласно летописному рассказу, Святослав, разбивший византийцев и взявший «дары многы», собирается отправиться на Русь за новой

дружиной, дабы продолжить свои завоевания. Между тем вместо того чтобы осуществить свое намерение (как это изложено в НІЛ мл.), в ПВЛ Святослав заключает унижительное соглашение с Византией, стоящее в полном противоречии с предшествующим описанием его успехов. Удобство примера заключается в том, что мы имеем здесь дело с механической интерполяцией, разрывающей летописный текст и нарушающей логику рассказа.

Остальные договоры русских князей с Византией также являются предметом вставок, но структурно более сложных, потребовавших значительной переработки текста. Не будет преувеличением сказать, что внесенные в летописный текст договоры и связанные с этими вставками редакционные изменения текста составляют основное различие между реконструируемым А. А. Шахматовым Начальным сводом (здесь нет необходимости входить в дискуссию о его точной дате и возможном продолжении) и Повестью временных лет. Как мы теперь знаем благодаря работам Яны Малингуди, оригинальные договоры X в. на Руси не сохранились. Их тексты поступили на Русь в форме выписок из византийского дипломатического регистра, когда они уже явно представляли лишь исторический интерес. Именно появление договоров кажется мне наиболее очевидным импульсом к созданию ПВЛ. В самом деле, в концепции А. А. Шахматова последовательные переработки летописного текста во втором десятилетии XII в. связывались с конъюнктурными соображениями: гипотетическая первая редакция, благоприятствовавшая Святополку, переделывается в угоду воспринявшему власть Владимиру Мономаху, а третий редактор ищет благоволения Мстислава Владимировича. Ныне же гипотеза о первой редакции ПВЛ окончательно отброшена в работе В. Н. Русинова, а оправданность разграничения второй и третьей редакций поставлена под серьезное сомнение Л. Мюллером и О. В. Твороговым. Остается объяснить возникновение ПВЛ как таковой. Ее автор не только дополняет описание современных ему событий, но предлагает также и радикальный пересмотр древнейшей истории Руси. Потребность в подобном рода пересмотре, которая не позволяет автору ПВЛ ограничиться дополнением существующей летописи, находит наиболее очевидное объяснение в появлении на Руси договоров, не только расширявших традиционную картину начала русской истории (отраженную в НІЛ мл.), но и во многом ей противоречивших. Таким образом, основным толчком к созданию новой летописи послужили вовсе не соображения политического или идеологического порядка, а необходимость осознать и интегрировать новый исторический материал.

Из этой исходной посылки вытекает необходимость для историка четко отделять три договора, очень неплохо сохранившихся аутентичных византийских акта, от того обрамления, которое создал автор ПВЛ при включении их в летопись. Вера в то, что автор ПВЛ получил в свое распоряжение вместе с договорами некую историческую справку об обстоятельствах их заключения, никак рационально обоснована быть не может. Важное тому доказательство (оно будет рассмотрено подробнее) — контраст между созданным летописцем контекстом заключения договора 911 г. в результате блистательных побед русского оружия и вытекающим из текста договора фактом (затушеванным в современных изданиях) наличия в руках византийцев значительного числа русских пленных.

С. В. Цыб (Барнаул)

А. А. ШАХМАТОВ И ХРОНОЛОГИЯ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Историко-хронологический анализ летописных показаний занимал важное место в текстологическом исследовании Повести временных лет (далее — ПВЛ) в трудах А. А. Шахматова; не случайно изучение Начальной летописи он начинал как раз с проблем хронологических (Шахматов, 1897. С. 217–222; 1897. С. 463–482). На страницах шахматовских «Разысканий...» также неоднократно встречаются сюжеты по исследованию древнерусского времяисчисления¹. А. А. Шахматов всегда интересовался новейшими достижениями в деле изучения древнерусского счета времени, о чем свидетельствует его

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 22–28, 130, 178, 207 и др.

переписка с известным знатоком хронологии Н. В. Степановым (Пашков, Симонов, 1987). Главным достижением ученого в этой области стало оформление вывода о том, что совмещение разнотипных хронологических показаний в пределах одной летописной статьи или в пределах одного летописного памятника свидетельствует о соединении в тексте разнородных и разновременных «слоев» и поэтому историко-хронологическое исследование может представить надежные основания для текстологической «расшивки» летописных произведений и для уточнения истории их происхождения.

В дальнейшие годы эта мысль получила развитие в трудах исследователей XX в. (Степанов, 1909, 1910, 1915; Бережков, 1963; Кузьмин, 1968, 1977; Цыб, 1995). Это позволяет нам провести в настоящее время интереснейшее сопоставление двух схем формирования текста ПВЛ: классической сравнительно-текстологической (схема А. А. Шахматова и его последователей) и историко-хронологической.

Недостаточная выразительность хронологических элементов древнейшей части ПВЛ позволяет сделать только самый общий вывод о том, что первоначальная годовая сетка летописи сформировалась из двух источников: не имеющего разбивки на годы рассказа о первых столетиях русской истории (может быть, разделенного на относительные интервалы, вычисленные по годам княжений) и системы летосчисления, полагающей между Сотворением мира и Рождеством 5505 лет (византийско-болгарская эра). Похожий путь формирования архаичной основы летописи предполагала и шахматовская схема, согласно которой, правда, разработка годовой сетки происходила в Древнейшем киевском своде 30-х годов XI в., тогда как историко-хронологическое исследование заставляет связывать ее появление с работой новгородских летописцев середины XI в.

Прочнейшим звеном текстологических построений представляется Киево-Печерский свод (свод Никона) 1073 г., поскольку его существование подтверждается несомненной историко-хронологической границей: серединой 70-х годов XI в. прерывается систематическое использование в ПВЛ сентябрьских годов константинопольской эры летосчисления (5509 лет), вслед за чем здесь начинают господствовать весенние (ультрамартовский и мартовский) календарные стили.

Середина 90-х годов XI в. (Начальный киевский свод, по А. А. Шахматову) никак не отмечена в расположении историко-хронологических элементов, но порядок их «наслоения» позволяет предполагать существование какого-то этапа летописной работы середины 80-х годов столетия, когда сентябрьские показания свода 1073 г. целенаправленно изменялись на ультрамартовские (вполне возможно, что такое редактирование производилось в Тмутаракани).

Историко-хронологический анализ подтверждает существование этапа 1109–1113 г. (по А. А. Шахматову, 1110–1113 г., первая редакция ПВЛ), но самые подробные его хронологические показания, записанные, несомненно, современниками событий, имеют западнорусское происхождение, что противоречит хрестоматийному выводу о связи этого этапа с Киевом и именем Нестора. Сильвестровская редакция 1116 г. отмечается в тексте ПВЛ преобладанием мартовских годов константинопольской эры и активным использованием этой системы счета для редактирования прочих хронологических элементов.

Отличительным признаком третьей редакции ПВЛ (по определению А. А. Шахматова) было употребление времяисчисления, отстающего на один год от мартовского счета константинопольской эры (так называемый постмартовский календарный стиль); он возник в результате неудачного перевода киево-печерскими летописцами сентябрьских годов в мартовские. Расположение постмартовских хронологических элементов в тексте ПВЛ до 6631 г. включительно показывает, что начальным моментом создания так называемой ипатьевской редакции был не 1118 г., как предполагал А. А. Шахматов, а начало 20-х годов XII в. Позже, в середине и во второй половине того же десятилетия, в Переяславле-Русском было проведено двойное редактирование «раннеипатьевской» хронологии (сначала ее переделывали в константинопольскую мартовскую, затем — в ультрамартовскую), что и привело к окончательному оформлению той времяисчислительной схемы, которую А. А. Шахматов приписывал ипатьевской редакции.

А. А. Шайкин (Орел)

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ ЦЕЛОСТНЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ?

Вопрос, вынесенный в заглавие, в большинстве работ, посвященных ПВЛ, попросту не рассматривается¹. В тех из них, где он все же походя обозначается и даже позитивно декларируется, не приводятся аргументы, доказывающие правомерность такого решения². Во многих случаях постулируются отрицательные мнения: ПВЛ — это свод разнородного материала, плод работы нескольких поколений летописцев, и потому ждать от такого текста литературной целостности не приходится³.

Одним из качеств литературного произведения является наличие маркированных границ: начала и конца. Для позиции, отрицающей литературную целостность ПВЛ, появляется, казалось бы, безупречный аргумент: летопись не может иметь конца, ставь следующий год и продолжай рассказ⁴. Надеемся показать, что это не совсем так. Год, конечно, добавить можно, но это не отменяет наличия осмысленного окончания.

Финальная часть ПВЛ связана с деятельностью Владимира Мономаха. На страницах ПВЛ, где фигурирует Мономах, настойчиво повторяется формула об «отцах и дедах, иже стяжали Русскую землю». Эту формулу произносит и сам князь, и дружина, обращаясь к нему, а вместе с ними и летописец⁵. В 1113 г. он «сѣдѣ на столѣ отца своего и дѣдѣ своихъ». Смысл повествований, посвященных Владимиру Всеволодовичу, вне всяких сомнений, указывает на то, что он и есть тот, кто продолжает традицию «отцов и дедов», кто восстанавливает Русь в том виде, в каком она была при «отцах и дедах». В основные центры Руси Владимир посадил своих сыновей, вполне послушных ему, а непокорных князей (минского Глеба и Ярослава Святополковича) вынудил к покорности силой. Святославичи после 1097 г. выступают как коалиция, союзная Мономаху. Мономах прекращает внутренние усобицы на Руси и эффективно решает внешнеполитические проблемы. В частности, он настаивает на изменении тактики борьбы с половцами: надо не отражать очередной набег на своей территории, а весной самим идти в степь и там наносить упреждающие удары. Организованные Мономахом походы 1103, 1109, 1111, 1116 г. надолго сняли половецкую угрозу; часть половецких родов, чтобы не сталкиваться с Владимиром, откочевала на Северный Кавказ. В правление Мономаха вновь появляются давно исчезнувшие со страниц летописи сообщения о событиях в Византийской империи и организуется, как во времена первых князей, поход русского войска за Дунай. Мономах действительно возвращает время «отцов и дедов». И летописец, повторяя эту формулу, стремится, чтобы это не осталось незамеченным читателями. Поэтому имеем право предположить, что летописец считал время Мономаха симметричным времени «первых князей», при которых Русь уверенно набирала силу и расширялась в границах. К «отцам и дедам, иже стяжали землю Рускую», следует отнести киевских князей от Олега Вещего до Ярослава Мудрого включительно⁶.

Если теперь мысленно проделать операцию извлечения из текста ПВЛ повествовательных блоков, связанных с первыми князьями и Мономахом, то в остатке получим летописные блоки, изображающие

¹ См., например, академические курсы: История русской литературы: в 4 т. Л., 1980. Т. I. С. 42–48; История всемирной литературы: в 9 т. М., 1984. Т. II. С. 420–422.

² Например, Д. С. Лихачев высказывает положение о «единой мысли, которая оживляет всю композицию» ПВЛ (Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 48), но анализа, выявляющего «всю композицию», нет.

³ Приведем несколько цитат: «...трудно смотреть на нее (ПВЛ. — А. Ш.), как на целое произведение...» (Бесстужев-Рюмин К. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868. С. 59); «...мне кажется и не нужным, и не верным представлять "Повесть..." как единое, целостное литературное произведение. Все его достоинства присущи отдельным составным частям, но все же оно является именно сборником сочинений различных авторов, да притом еще объединением целого ряда редакционных обработок летописного свода» (Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. М., 1975. С. 203); летопись «скорее конгломерат нескольких жанров, имевших разное происхождение и неодинаковое художественное значение» (Лурье Я. С. К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 85). См. также: Гудзий Н. К. История древнерусской литературы. 7-е изд. М., 1966. С. 81.

⁴ См., например: Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк). С. 41.

⁵ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 150, 163, 165, 174, 175.

⁶ Кроме Мономаха, формула об «отцах и дедах» встречается лишь применительно к Ярославу (ПВЛ. С. 96, 108) и Владимиру Святославичу (Там же. С. 86, 87).

догосударственное племенное восточное славянство и Русь второй половины XI в. Нетрудно увидеть, что и эти периоды в летописном изложении обладают определенной симметрией. Восточнославянские племена, живущие «розной» жизнью, к середине IX в. оказались добычей внешних завоевателей, хазар и варягов. Во второй половине XI в. начинается распадение Руси на отдельные княжества. В 70-е г. XI в. Ярославичи вступили в борьбу друг с другом, что привело к разрастанию внутренних войн, дальнейшему дроблению государства и резкому усилению половецкой опасности. Русь второй половины XI в. в каком-то смысле повторяет эпоху племенную: в обоих периодах внутренняя рознь провоцирует внешнюю опасность. Конечно, до покорения половцам в XI в. дело не дошло, но Боняк в 1096 г. хозяйничал у стен Киева и сжег Киево-Печерский монастырь.

Таким образом, русская история, изображенная в ПВЛ, распадается на четыре периода, обладающих перекрестной симметрией: четвертого со вторым, третьего с первым. Кроме того, перед нами не нейтральное хронологическое изображение текущих событий: история дважды демонстрирует губительность розни, слабой княжеской власти и дважды — благотворные следствия единения и сильной власти киевского князя. Несущая определенную идеологию композиция превращает погодную летопись в литературное произведение, имеющее маркированные начало и конец. В ПВЛ история совершает полный оборот своего колеса: рознь — объединение — распадение — восстановление единства. Особо значим оптимистический финал: Мономах возрождает былое могущество Руси, вновь открывается горизонт, видны Византия, Дунай. Это достойный ответ на вопрос: «откуда Русская земля стала есть».

В художественном плане важно, что именно финал заставляет бросить ретроспективный взгляд на предшествующее изложение и увидеть общий замысел. Можно сомневаться в рациональной выверенности четырехчленной конструкции, хотя отмеченное выше повторение фразы об «отцах и дедах, иже стяжали землю Рускую» свидетельствует, что и для летописца это членение было достаточно эксплицировано. Важно, однако, то, что эта композиция объективно существует в тексте летописи.

В ПВЛ есть еще один нерв, стягивающий повествование в единое целое: идея дележа земли и договора не претендовать на «жребий братень». Этой сценой в качестве библейского пролога открывается ПВЛ, и эта же мысль, неоднократно всплывая в летописном тексте, звучит в ее финальной части: упорядочив на съезде 1097 г. спорные вопросы, князь «на том цѣловаша крестъ: “Да аще кто отсель на кого будеть, то на того будем вси и крестъ честный”».

Таким образом, в Повести временных лет есть качества целостного литературного произведения. Вопросы литературной стилистики, образительности, реализации идей сугубо художественными средствами по соображениям объема не могут быть здесь рассмотрены⁷.

⁷ См. об этом: Шайкин А. А. «Се повести времяных лет...» От Кия до Мономаха. М., 1989; Шайкин А. А. Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI–XVI веков. М., 2005.

А. С. Щавелев (Москва)

СТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ ПЕРВЫХ КНЯЗЕЙ В ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ЛЕТОПИСЯХ И ХРОНИКАХ

История славянских «племен» в Повести временных лет (далее — ПВЛ), хрониках Галла Анонима, Козьмы Пражского и южнославянских летописях начинается с периода миграции и «обретения родины». ПВЛ сохраняет историческую память об исходном пункте переселения — реке Дунай. В «Болгарской апокрифической летописи» также есть упоминание Дуная в качестве места первого поселения славян. Галл Аноним в силу жанровой специфики своего труда (восхваление польских князей) дает краткое описание Польши, где лишь констатирует освоение благодатных польских земель славянскими и неславянскими народами, но не развивает эту тему. Козьма Пражский рассказывает о приходе

первопоселенцев в Чехию после скитаний. «Нижняя граница» славянской истории для западных, южных и восточных славян представляется общей — это «момент обретения новой родины».

В раннеисторических традициях славянских народов сходны и представления о топографических признаках, по которым шел выбор нового места обитания. Поляне осваивают долину Днепра, местные леса, соседние горы. Согласно Козьме Пращскому, «...зоркому взгляду представились горы, долины, пустынные места... люди расположили первые поселения возле горы Ржип, между реками...»; далее упоминаются прежде всего леса, реки и горы. В более формальном и панегирическом стиле описывает природные богатства польский хронист. Но и здесь сделан акцент на богатстве новой родины лесами и реками. Сто «могил»-холмов упоминает Болгарская Апокрифическая летопись.

В раннеисторической традиции славян могло также отразиться мифологическое восприятие пространства — «гора (жилой, освоенный «верх») над рекой («низ», граница с иным миром), окруженная лесом» (неосвоенные окраины ойкумены). Почитание лесов, водоемов и гор характерно для всех славянских племен от Прибалтики до Балкан. Кроме того, предполагаемая прародина праславян — Карпаты (и Прикарпатье) представляет собой именно ландшафт, сочетающий невысокие горы, лес и реки (и другие водоемы). Отмечу, что в ПВЛ Дунай является исходным пунктом миграции славян, а для южных славян — обретенной после странствий новой родиной, но в обеих традициях это точка отсчета нового этапа истории, главный географический перекресток и важнейший мифологический гидроним.

Следующим этапным событием становится возникновение властных отношений в новых владениях. Все хроники и летописи рисуют картину изначальности «первовласти». Уже на первом этапе просматриваются общие черты власти, которые остаются системообразующими и на следующем этапе ее развития. Власть в славянских сказаниях — коллективная. Принцип ее принадлежности *группе лиц* с различными родственными связями постоянно сохраняется. Первоправители происходят только из своего племени (Кий, Пяст, Пржемысл). Примечательно, что средневековые историографы повествуют об *одной* этнической (племенной) единице, например полянах киевских, полянах гнезненских, чехах. Специфической чертой властных отношений является присутствие в семьях первоправителей женщин (сестры Кия, невесты Пржемысла, жены Пяста), играющих заметную роль.

Вожди полян братья Кий, Щек, Хорив и их сестра Лыбедь расселяются отдельно и правят своими родами, семьями. Так же живут по своим городам дочери Крока Кази, Тэтка и Либуше. Но в Чехии описывается более сложный процесс. Власть изначальна представлена первопоселенцем Чехом, к которому прилагается «титул» «отец» — «*pater*». Затем на первое место выдвигается семья Крока, а отдельные поселения основывают уже его дочери. В польской легенде власть вначале принадлежит семье князя Попеля и лишь после невыполнения им функций вождя переходит к другой семье. Пять братьев и две сестры считались, согласно трактату Константина Багрянородного «Об управлении империей», родоначальниками сербов и хорватов.

Второй этап развития власти характеризуется сменой правителей. Такая смена происходит в Польше и Чехии. В древнерусской традиции на всех этапах развития и расширения княжения полян фигурирует Кий. В какой-то степени роль новых властителей здесь играют Аскольд и Дир, которые выслушивают легенду о Кие и его братьях, а затем занимают их место. В Болгарии славянского первоправителя Слава сменяет рожденный от коровы тюркский «царь» Испор.

Важный этап развития потестарных отношений начинается с синойкизма: поляне «створиша градъ во имя брата своего старейшего, и нарекоша имя ему Киевъ». На схожие процессы объединения родственных семей (или расселения из общего центра) намекает этимология названия столицы Пястов Гнезно, которое сам Галл Аноним толкует как «гнездо по-славянски». Объединением соседних областей конституируется власть и в Чешских землях. Объединительным началом служит брак Либуше и пахаря из соседней области Пржемысла. Возможно, с синойкизмом областей связан титул болгарского князя Слава «царь ста могил». На этом этапе правители возглавляют не один «родной» социум, а несколько, чаще два, соседних, родственных коллектива. Сфера их власти расширяется, но не выходит за пределы этнической группы.

Правители всех славянских земель, согласно сказаниям, наделены исключительными личными достоинствами. Большинство их добродетелей выявляется в ходе развития повествования. Кий и его братья принадлежат к роду «мудрых и смысленых» полян, Пяст выделяется гостеприимством, Крок,

его дочери и зять Пржемысл отличаются целым набором достоинств, среди которых основное — мудрость. При этом для изначальных правителей и их преемников набор достоинств одинаков, функционально и принципиально новые князья не отличаются от предшественников. Они просто обладают необходимыми качествами в большей степени.

Легитимизация власти достигается несколько разными путями. Кий играет ведущую роль у полян благодаря факту своего «старейшинства» среди братьев. Успехи в градостроительстве и организации лишь дополняют авторитет старшего брата из наиболее влиятельной полянской семьи. Законность власти здесь обусловлена возрастным старшинством правителя и его успехами.

Переломным событием для полян становится поход на Дунай, куда Кий даже пытается переселиться, и его последующая смерть. После возвращения и смерти Кия вместе с братьями летописец, подводя итоги, говорит об установившейся власти рода Кия в «княженъи полян»: «держати почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ». Возвышение власти братьев в их родах (объединение под началом Кия, правление их рода) после их смерти закончилось. Наступает период регресса полянского княжения. Поляне «терпят обиды» от древлян и других соседей, затем становятся данниками хазар, впоследствии подчиняются Аскольду и Диру, Олегу и Игорю. Всем следующим хозяевам Киева так или иначе приходилось обосновывать свою легитимность: Аскольду и Диру — путем диалога (договора?) с местным населением, Олегу — в соответствии с представлениями о правах княжеского рода и праве завоевателя.

В Польше обретение власти новым правителем идет путем своеобразного соревнования в щедрости и выполнении обычаев гостеприимства. Первый князь Попель не принимает на пиру гостей-чужеземцев, которых приглашают бедняки Пяст, сын Котьшко, и его жена Репка. В результате чужеземцы совершают чудо, и бедняк Пяст получает возможность пригласить князя Попеля на пир по случаю пострижения своего сына Семовита. Таким образом, Пяст, оказавшись богаче и щедрее, выигрывает соревнование-потlach и получает власть. Попеля постигает «мифологическая смерть» от преследующих его мышей. После этого начинается правление, а затем и военная экспансия потомков Пяста.

В чешской легенде подчеркиваются судебные функции правителей и отчасти их магические возможности исцелять, предвидеть будущее, исполнять культовые функции. И сестры, дочери Крока, и новый князь Пржемысл («наперед обдумывающий»), прежде всего, судят и предсказывают будущее. Только их потомки начинают военную экспансию в своем регионе. Законодателем и разделителем земли считался и хорватский князь Будимир.

Нужно подчеркнуть, что в славянском мире на первых этапах становления власти у правителя отсутствует военная функция, а у его семьи — аристократический статус. Князья занимаются исключительно мирными «профессиями» — они пахари, охотники, перевозчики, кузнецы.